

рисунок, живопись, скульптура, архитектура, композиция, история искусств

ЖУРНАЛ

№ 16
2003

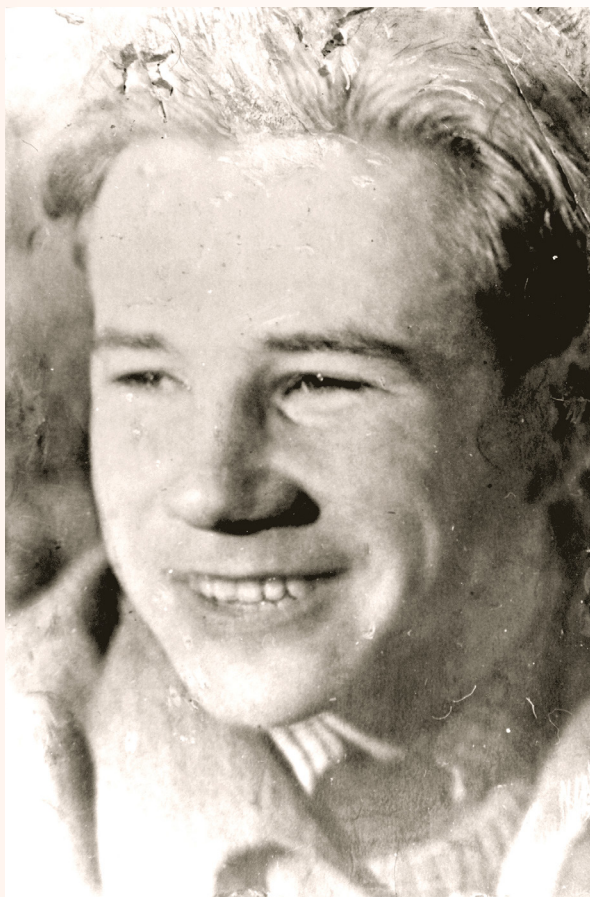
Московского Академического Художественного Лицея
Российской Академии Художеств

Москва

Люциан Шитов

Посвящается
Г. Коржеву и
Л. Котлярову

ЛУЧИ ДЕТСТВА

Книга эта об одаренных детях, которые стали (и не стали) художниками. Она состоит из дневников, писем и различного рода заметок, сделанных в 1939 — 1943 годах. Почему такое название? Очень просто. Идущие с ранних лет бесконечной протяженности лучики чистоты душевной и творческого восторга озаряют сегодня память о преждевременно ушедших из жизни и во многом определяют судьбу тех, кто, оставаясь верными прежним идеалам, продолжает трудиться. Вот об этом, собственно, и речь.

Это второй вариант. Первый, изданный весьма скромным тиражом, назывался “Вундеркинды”. Он так и остался лежать целехоньким. Причины? Одна из них: лишь новоиспеченная книга появилась, один мой хороший приятель (нет, чтобы сделать раньше) вернул хранившиеся у него более полувека остатки моих записок и дневников. Оказались они интересными. И легко по хронологии и стилю вошли в основное повествование. Оно обогатилось, стало занятнее и по сути (с учетом иллюстративного ряда) представляет сегодня непосредственное свидетельство далекого вундеркиндного прошлого. Не исключена возможность, что заметки эти через какой-то промежуток лет (вернее, десятилетий) помогут будущим любознательным исследователям разобраться в особенностях художественной жизни нашей страны в беспокойном двадцатом веке. По крайней мере, не очень сильно упрекая себя в нескромности, надеюсь на это.

I. Самое начало.

1939 год.

Пионерский лагерь остался позади. На Павелецком вокзале — конечной остановке нашего паровоза, меня встречали отец, мама, брат. Вся семья в сборе. Угостили грушей. Захлебывался от обилия новостей. Тех, что сам высказывал, и которые мне сообщали. В сгустившейся вечерней тьме Москва, по которой соскучился, вдруг разом изукрасилась огнями. Сели в “эмку”. Меня, как гостя, поместили рядом с водителем.

— Между прочим, сынок,— сказал папа,— помнишь, я говорил, что открывается специальная школа для юных художников? Так вот, рисунки твои я сдал туда.

— Ну, и что?

— Вроде бы, хорошо. Готовься! Послезавтра вступительные экзамены...

Катанье на легковой машине понравилось. И город со светящимися окнами, витринами нарядными, неторопливыми людьми. Свежий воздух врывается в приоткрытое окно. Застывший посередине Русаковской улицы старик рукой показывал, с какой стороны его лучше объехать.

— Имей в виду,— продолжал папа,— многих не допустили. На лестнице мне встретился маленький карапуз. Он стоял грустный, держа папку с рисунками. И плакал. Провалился! Сказали, что его работы не самостоятельные, срисованы...

Сколько же огней в Москве! Куда больше, чем в пионерлагере, даже сравнивать смешно. Там вечерами мы сидели при керосиновых лампах.

Машина приближалась к дому.

Итак, начало испытаний 25 августа. Я решил не готовиться, будь что будет. Почему? Объяснял себе: если сдам — хорошо, не сдам — тоже не плохо. Правда, будет обидно, что засыпался, но я ничего не теряю.

Одним словом, 25-го утром папа подвез меня на своей служебной машине. Я приехал на Каляевскую улицу, где находилась школа, не к десяти часам, а минут на тридцать раньше. Познакомился с ребятами. Смотрю: кто с этюдником, кто с сумкой, кто с портфелем, у кого из карманов торчат коробки с красками. А у меня — карандаш «негρο», и больше ничего.

Вначале должен быть экзамен по живописи. А живопись — это цвет. Что делать? Из беды выручил один мальчик, дал мне акварельные краски и кисточку.

Узнал, что нахожусь в пятой группе третьего класса. Мы писали натюрморт, который состоял из кувшина сложной раскраски, желтой

груши и кусочка розового арбуза. Основную трудность представлял кувшин — зеленовато-коричневый в верхней своей части и красновато-коричневый внизу. Кроме того, он был в мелких пятнах, и на него падал сильный свет из окна, слева. Мне показалось, что все намного лучше меня работают. Кувшин получился на этюде какой-то дикой масти. Может, потому, что в каждый цвет я примешивал белила. Груша вышла несколько лучше, чем кувшин и арбуз. Писали натюрморт три часа. Потом спустились на второй этаж. Дальше по расписанию — экзамен по рисунку.

Рисовать нужно карандашом. Снова натюрморт. На этот раз: темно-синяя прямоугольная банка на белом известковом кирпиче. К банке прислонена круглая жестянка. Преподаватель объяснил задание: «Нарисовать надо так, чтобы было видно, разбираетесь ли вы в перспективе». В черной блестящей крышке стола, на котором были расположены предметы, отражался весь натюрморт, образуя игру теней и полутонов. На это упражнение тоже отводилось шесть часов: три часа в один день, три — в другой. Рисунок вышел у меня вполне, как сперва показалось, приличным.

Из школы я прошел на Суцевскую улицу, к отцу, на его работу в Наркомфин. Пообедал с ним и отправился домой.

На следующий день начался экзамен по композиции. Опять я не подготовился и не принес краски. Думал, композицию можно делать карандашом.

Некоторые ребята дома тщательно готовились к испытаниям, составляли заранее маленькие эскизы и по ним рисовали в классе. Очень хорошо получилась работа у моего соседа. Танк вздыбился на полнеба. Из танка пули вылетают одна за другой. Видны три человеческих фигурки. Одна лежит под танком, другие заслоняются руками от пулеметного огня.

Честно говоря, толком не знаю, что такое композиция, как ее надо сочинять. Когда объявили темы, задумался. Что выбрать? Решил изобразить молодую колхозницу, сидящую за рулем трактора. Желтая рожь кругом колосится, полоска темного леса на горизонте, разлапистые сосны сбоку. А вверху голубое небо с большими, как комья снега, облаками — чтоб они подчеркивали силуэт трактористки, загорелое ее лицо. Идея эта, бесспорно, показалась удачной. Но ведь трактористка должна сидеть на тракторе, а устройство трактора, даже вид его внешний,

не помню. Нарисовать же трактористку с одним только рулем, а трактор затушевать — не решился.

Наконец, пришла в голову мысль изобразить огромный стог сена, который везет лошадь. Это я видел в пионерлагере. А на самой верхушке стога расположить группу колхозников, окончивших уборку сена, жизнерадостно поющих под гармошку. Гармониста набросал, вроде бы, неплохо, но чересчур крупно. А вот со стогом сена и лошадкой составилось затруднение — не помещались на листе. Тогда гармониста передел в красноармейскую форму и нарисовал еще нескольких красноармейцев. Один сидит, играет на гармошке, двое стоят рядом, слушают, улыбаются, гармонист играет что-то бодрое. Четвертый задумчиво сидит рядом. За этой группой видна спортивная площадка, на которой играют в волейбол. Рисовал цветными карандашами. Назвал работу «Отдых красноармейцев».

Заканчивать эскиз не стал, оставил на следующий день.

После композиции снова был рисунок (окончание). Так как за первый день я почти завершил натюрморт, то на этот раз только подправил пропорции и ушел домой.

Утром 27 августа испытания продолжались. Рисовали женщину в двух различных позах. Два наброска по 45 минут. Вроде бы получилось. Хотя наброски у других ребят были лучше. После опять занимались композицией. Свой эскиз быстро дорисовал. Когда сдавал его, преподаватель спросил: занимался ли я в какой-нибудь изостудии? Я ответил, что занимался. Только ходил раза три, так как поступил туда поздно, в конце весны. «А что за студия?» — «На Метростроевской улице. Для взрослых». — «Ну, ладно,— сказал он,— надпиши на работе свое имя, фамилию и возраст». Я надписал, сдал работу и ушел.

28 августа. Последний день испытаний. Заканчивали живопись. На этот раз я постарался, привез с собой в старом папином портфеле тюбики масляных красок, палитру круглую маленькую и кусок грунтованного холста, на котором еще дома набросал натюрморт по памяти.

Начатую акварельную работу оставил на окне, позабыв разорвать или взять с собой. Что с ней случилось — не знаю. Маслом писать значительно легче, только перепачкался весь. Поправил намеченные дома контуры и давай мазать! С кувшином справился легко, сумел

сопоставить, хотя и не очень правдиво, форму кувшина с его безалаберной окраской и светотенью. Снова, закончив раньше срока, сдал работу и отправился гулять.

Чтобы узнать, кого приняли, кого нет, надо было приезжать на Каляевскую улицу 29 августа к двум часам дня. Папа сказал, что ездить специально за этим не обязательно, можно результаты по телефону узнать. Но в этот день у меня был билет в Малый театр на пьесу А. Н. Островского «Бешеные деньги». Домой вернулся поздно. Спрашиваю отца: «Сдал экзамены или нет?» Он молчит, смотрит на маму. Она улыбается. Ну, думаю, засыпался! Боялся меня огорчить. Если бы сдал благополучно, не молчали бы. Повторяю вопрос. Отвечают: «Сдал, сдал...».

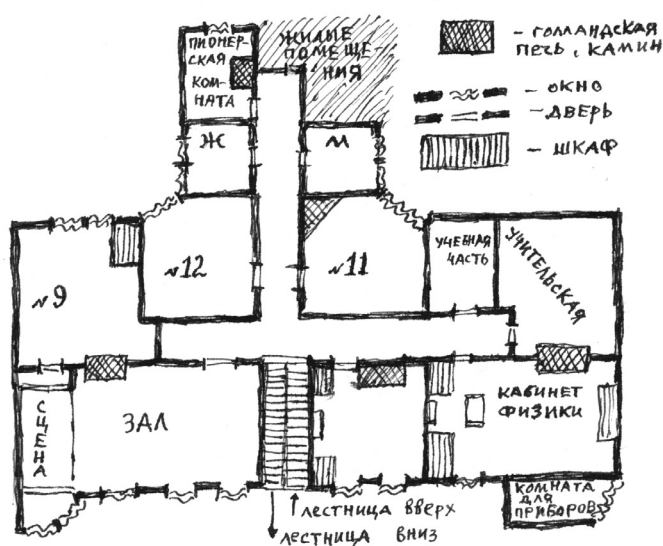
«Ого,— думаю,— это специально, чтоб утешение доставить». Говорю, пусть сообщат горькую правду, не боюсь. Хотя, конечно, «сдал» несколько лучше, чем «не сдал». Они разубедили, я поверил, что все окончилось благоприятно. Правда, если откровенно говорить, сам в этом мало сомневался. Но очень интересен тот момент, когда с трепещущим сердцем ждешь ответа. И представляешь, если скажут «нет», то все друзья и знакомые будут смотреть на тебя уже как-то по-другому, чем раньше. Если же «сдал», то в их глазах значительно возвысишься. Другими словами, играло здесь весомую роль самолюбие. Поэтому сперва и не поверил положительному результату, хотел на деле убедиться, что это правда.

Потом узнал, что в третий класс поступало более двухсот человек. Приняли сорок. Значит, я один из этих сорока счастливых. И теперь гуляю, занятия начнутся 15 сентября.

Это событие пока самое интересное в моей маленькой жизни. И минута, та минута, когда я узнал, что принят в школу юных дарований в Москве, была наиболее счастливой за все мои четырнадцать лет. И кто знает, может сыграет в моей судьбе какую-то роль.

15 сентября. Сегодня впервые отправился в школу. Находится она далековато от родных Сокольников. С гордостью глянул на вывеску у входа: «Средняя художественная школа при СНК РСФСР» (СНК — это Совет Народных Комиссаров). Утро. Нет еще девяти часов. Наконец-то нам разрешили войти в здание. Меня зачислили в третий класс «А». Ребята, рядом с которыми сдавал вступительные экзамены, попали в соседний, третий «Б». А в нашем — ни одного знакомого лица.

Первые шестидневки, наполненные новым смыслом жизни, летели быстро, одна за другой. В школе 225 учеников, восемь классов. Старшие — восьмиклассники, по нынешнему исчислению — четвертые классы. Самые младшие — пятиклассники (первые классы). В третьем «А» тридцать человек. Разделены на две группы. Я попал в первую. Аудитория общеобразовательных предметов маленькая, с большим окном на левой стороне. Сидеть за одной партой довелось с Женей Батырем.

План 2 этажа школы.

Невысокий, коренастый, с сократовскими шишками на лбу, он оказался мудро неразговорчивым, чрезвычайно скромным и постоянно, на всех без исключения уроках, рисовал. «Ого,— поразился я, заглянув в его альбом,— мне до такого уровня еще расти и расти».

Разные фантазии и мечтания возникали в моей легкой голове. «Вот, сижу здесь, в классе, смотрю на ребят. Все они, разумеется, вундеркинды. Хотя бы вон тот мальчуган, похожий на игрушечный паровозик с перпендикулярной, ежиком, прической. Вдохновенная натура! Да, и каждый — художник. Надо же! Если не на деле, то в вероятности. Каждый выдержал строгий отбор. На место любого из нас могло усесться пятеро из числа тех, кто завалил экзамены!»

Я с детского садика не страдал самонадеянностью. Ясно, рисую пока хуже, чем Альбрехт Дюрер в моем возрасте. На первых уроках живописи пережил состояние, близкое к отчаянию. У меня не было этюдника,

специального деревянного ящичка для кистей и палитры. Масляные краски, купленные в магазине, что рядом с кинотеатром «Орион» на Преображенской площади, палитру и кисти, завернутые в газету, я приволок на занятия в портфеле. Тюбики по дороге (в трамваях давка) раздавились. Вынимая их, перепачкался весь в желтой стронциановой и кобальте синем. Сперва ничего не ладилось. Хоть плачь. Выдавил на свою палитру с закругленными краями краски, взялся за кисти. Их у меня три: одна старая, маленькая и две новых — двадцатого номера. Пробовал работать мелкой кистью, не получается. Брался за широкую — того хуже. К тому же картон (о холсте на подрамнике лишь мечтаю) оказался некачественным. Цвет берешь вроде бы яркий, глядь, а он уже пожух.

Ребята сзади (так мне казалось) ухмыляются. Пересилил себя, продолжал живопись. Временами наступало прояснение. Представлялось, будто мой этюд расчудесный, писать дальше — только портить. Сравнил свой натюрморт с работами соседей. Есть повод пригорюниться. Мой-то похуже! Именно в этот момент подходит педагог и обильно сыплет соль на раны душевные. Учитель наш, Павел Самойлович Хайкин, наверное, славный человек и хороший преподаватель. Он сердцем чувствует, к кому когда надо подойти, оказать поддержку. Дело даже не в конкретных рекомендациях, а в том, что после его замечаний появляется желание продолжать работу, исчезает уныние.

Павлу Самойловичу больше других нравится большущий и неуклюжий, словно слон (не слоненок, а именно слон — так мы его и называем) Гелий Коржев. Он до школы успел позаниматься в районной изостудии, поднаторел в художествах, но остался совершенно наивным парнем. Спрашивает, например, какого цвета умбра и почему она натуральная? Что такое ультрамарин и «с чем его едят»? Коржев неразлучен с «маленьким пузырьком» (это прозвище), худеньким, крохотным, веснушчатым Вовой Жариновым.

Вся первая наша группа на занятиях по живописи не выделялась особенными качествами, была, вообще-то, слабоватой. Как ни удивительно, но по специальным предметам сильнее оказались девочки. Говорят, что в юные годы у них правое полушарие мозгов энергичнее крутится и значительно обостряет чувство цвета.

...Вот так новость! В Сокольниках живут еще несколько человек из нашей школы. Роня Зархин и Митя Дмитриев. Совсем рядом, в

соседнем доме со мной, на тихой, уложенной крупным булыжником Колодезной улице. И Миша Голубенков недалеко от нас обитает, в подвале ветхого домика на улице Короленко. Там, через квартал, находится здание школы обычной, куда я когда-то поступал в первый класс. А это уже совсем близко от Сокольнического парка. Ну, а возле станции метро «Сокольники» живет Слава Манухин, тот самый «паровозик» с прической ежиком.

Все мы, сами того не замечая, подросли, но считали себя по-прежнему детьми. Я за один только год прибавил в высоту десять сантиметров. Уже не удивляюсь тому, что перестали пускать в специальные, существующие в Москве, «детские вагоны» трамвая. Катание изо дня в день на метро помогло формированию почти взрослого внешнего вида. Приходится одеваться опрятно, не как попало, иногда даже с форсом. И до станции метро не пешком же идти! Поездки в переполненных трамваях, висение на подножках не только закаляли характер, вырабатывали терпение, но и тренировали мускулатуру. Правилось, что все, кто висел на трамвайных подножках, вне зависимости от возраста, удивительно вежливо обходились друг с другом. Да и обязательный билет брать не нужно. На одной подножке, рискуя жизнью, могут одновременно находиться семь человек. Каждый стоит на одной ноге, помахивая другой, лишь бы уцепиться руками за поручни. Все семеро — монолитное братство, цельная конфигурация. И никто не вываливается. Водители автомашин осторожно объезжают, качая укоризненно головой. Нет, это не озорство, не желание выказать удаль, это — я про «подножничников» — жизненная необходимость, понимание единства с Москвой и ее жителями; поступательным движением навстречу ветру, утреннему солнцу и завтрашнему, конечно же, счастливому дню.

Из учителей общеобразовательных предметов больше других всем нам нравился Евгений Маркович Сорин. Алгебра по расписанию оказалась в первый день. Получили сильное впечатление от встречи с неординарным человеком. В памяти осталось резкое светлое окно и темный силуэт непрерывно двигающегося по классу небольшого роста учителя в поблескивающем пенсне, с громким, но приятным голосом, энергично жестикулирующего. Математикой и арифметикой, не говоря про алгебру, я интересовалась мало, смысл слов Евгения Марковича доходил до сознания смутно. Но сам

он казался симпатичным. Учитель, пытаюсь пробудить интерес к своему предмету, обсуждал с нами тему: что такое математика, какова ее роль в жизни? Евгений Маркович вещал стремительно, приводил остроумные примеры и сравнения. А я-то полагал, будто этот скучнейший предмет — математика — лишь «списывательная» наука. Не помню, решил ли я самостоятельно хоть одну (в отличие от шахматных двухходовок и трехходовок) математическую задачу. В общем, уроки Сорина проходили оживленно. Как-то он поведал такую историю.

— Вы знаете, — начал Евгений Маркович, — с какими трудностями было отвоевано это великолепное, хотя и скромное помещение? Раньше здесь располагалась обычная школа, каких полно в Москве. Ее перевели в другое место, а сюда вселили вас, молодых людей, подающих в искусство некоторые надежды. Недавно пришел ко мне обитатель соседнего дома. «Мы с нетерпением, — сказал он, — ждали юных художников. Хотелось посмотреть на этих вундеркиндов. Посмотрели. Они ничем не отличаются от других школьников. Только те дерутся портфелями, а эти деревянными ящиками».

Класс развеселился... На улице сентябрь, осень золотая. До математики ли? Но ребятам полюбили занятия у такого интересного педагога. А вот еще случай.

— Шумливый вы народ! — выговаривал без сердитости Евгений Маркович. — Впервые сталкиваюсь с подобными бузотерами. Мне приходилось работать с трудновоспитуемыми подростками и переростками. Но вы другие. Интересная история произошла у меня с беспризорниками. В двадцатых годах я преподавал в детдоме. Там в шестых классах сидят верзилы лет по восемнадцати. Однажды при моем появлении они дружно запели блатную песню «Гоп со смыком». Знаете, наверное? Так вот. Задача на логику: что делать? Кричать, по столу кулаком громыхнуть? Нет смысла. Лишь раззадоришь, пение не прекратится. Даже наоборот. Какие еще есть варианты? Молча ждать, слушать. Устанут — перестанут. Но это тоже не пригодно. Певцы, чего доброго, вообразят себя артистами, пуще стараться начнут. Кистине вел единственный выигрышный путь. Его-то я и выбрал — стал подпевать. Голос у меня ничего, баритон бархатного тембра, слухом музыкальным не обижен. Сперва переростки не обратили внимания, не удивились. А немного погодя стыдно стало, замолчали...

Учебная аудитория с первых дней располагалась на третьем, последнем этаже.

Перед закрытой еще дверью, в полукруглом коридоре, где во всю стену окно, стоят школьники. Слева девочки. Рыжая с длинными до пояса очаровательными косами Мила Адамович. Держит в руках солидную, наверняка с серьезным содержанием книжку и беседует с Рошей Натаповой. У Роши прическа «под мальчику», голубые навывкате глаза, философичная физиономия. Ох, и повезло ей! Живет рядом со школой, в массивном новом доме на углу Каляевской и Садового кольца. Если говорить о девочках нашего класса, то одна умственнее другой, у всех отличная память и сообразительность. Наитруднейшие (с моей точки зрения) задачки по алгебре первыми решали они. Только списывай!.. По другую сторону коридора — мальчики. Спорят, озорничают.

— Ах ты мелочь пузатая!.. — Появляется Жаринов, за ним Коржев. Гелий хватает приятеля поперек туловища, приподнимает. — Хочешь, пузырь ты этакий, расколомачу тебя об пол?..

Крошка Жаринов пищит, смеется.

Звонок. Дверь класса открывается. Ребята врываются, хлопают крышками парт, занимают привычные места. Безостановочный гул, грохот, смех. Нет никого, кто сидел бы молча, с закрытым ртом. Сегодня первый урок нового предмета «Конституция». До сей поры не могли подобрать подходящего педагога. А вот и он — высокий, в рыжевато-коричневом костюме, с продолговатым лицом, острым носом и полувлысиной, обрамленной по краям количественно незначительными волосиками. Фамилия его Александров.

Голос имел зычный. Входит в класс. Шум. Поздоровался:

— В ту же роцу и лесок, слышу тот же голосок! Кто сегодня в наличии?

Началась переключка.

— Батырь?

— Здесь.

— Портнов?

— Здесь.

— Карамян?

Карамян приподнимается, вытягивает вверх голову.

— Это я, Карамян.

— Садись. Шитов?

— Здесь.

— Ателье мод какое-то, Портнов — Шитов. Недожаров?

— Здесь.

Произносится это «здесь» вкрадчиво, мягко, певуче.

— Жаринов?

— Здесь

А это «здесь» звучит звонко, вылетая из юной глотки Вовика с писком.

— Подожди, подожди! Ты Жаринов?

— Так точно.

— А ты Недожаров?

— А как же!

— Чудеса, да и только. Ну и класс! Я советую вам всегда сидеть вместе, чтобы дополнять во взаимодействии противоположностей друг друга. Знаменский?

— Здесь.

— Тоже знаменитость, правда, спортивная. Паустовский здесь?

— Нет его.

С треском распаивается дверь, всовывается взлохмаченная сонная физиономия Паустовского.

— Можно войти? — интеллигентно спрашивает невыспавшийся Вадик.

Ребята аплодируют, учитель смеется.

Паустовский — длинноногий худощавый парень в серых гольфах, с обветренным лицом, персиковыми щеками, клювообразным носом и толстыми губами. Сын известного беллетриста. Типичный брюнет. Волосы темные, всегда непричесанные, глаза черные, загорелый. Живет он в пятнадцати минутах ходьбы от школы, в Столешниковом переулке, но опаздывает ежедневно. Никак не способен пробудиться вовремя, чтобы успеть на первый урок, появляется ко второму. На доске приказов вскоре вывесили распоряжение: «Объявить ученику 3 класса «а» В. Паустовскому выговор за систематические опоздания».

Учитель Конституции беспрерывно острил, сыпал поговорками, прибаутками: «Ты проснись, дитячко, солнышко зошло», «В те же ворота, с той же телегой», «Чем бы дите ни тешилось, лишь бы не плакало». Разве может не понравиться такой учитель?

Один существенный вопрос беспокоил: что делать во время переменок? Первые дни ребята вели себя кротко, понимая, что носить, как угорелые, по коридорам — занятие детское. А они, то есть мы, вышли из этого возраста. К тому же суета, не говоря о суетливости, не согласуется с величавым званием художника. Что делать? Заработали умы «активистов». Лева Портнов предложил ясную, как пробка, идею. Ежели наша аудитория находится на самом верхнем этаже, то из окна можно плевать вниз, во двор. Хотя там никого не было, но плевались воодушевленно.

— Куда лучше кидаться мелом. И надежнее, ветер не сдувает. У меня, например, вся слюна вышла...

Стали швырять вниз куски мела. Иногда попадали в прохожих. Те поднимали глаза вверх, обозревали пустые школьные окна и не могли понять, что сие означает. Ребята, пригнувшись на корточках у подоконника, хихикали. Пешеходы, ни о чем не догадываясь, отправлялись дальше. Забава понравилась. Но лиха беда начало. Лева Портнов углубил прогрессивную инициативу.

— Кто ответит, — спросил он, — зачем у нас на окнах стоят цветы, да еще в горшках?..

Не сразу, но догадались. Сперва стебельки и веточки, потом земля, за ней и сам горшок — летели из окна. Резвились детки. Через несколько дней нянечка, убиравшая аудиторию, заметила, что ни в третьем «А», ни в соседних классах совершенно нет цветов с горшками. Были, да исчезли. В дело вмешалась учебная часть. Но и школьные наставники не смогли разобраться в этих загадочных обстоятельствах. Тем не менее, швырянье из окон всевозможных предметов пришлось прекратить.

Чем же заняться на переменках? Анекдоты пересказаны по несколько раз, остряки-одиночки пыжились совершенствовать свое великодушие. Тщетно. На переменках стало скучно. И тут проявил изобретательность Знаменский. Он повздорил с «маленьким паровозиком» Славой Манухиным. Выясняя отношения, Игорь случайно разбил в кровь ему нос. Слава Манухин внешне комичный. Все переменки напролет стали донимать его, злить, щекотать, рисовать на него шаржи. Но и это надоело.

Тут блеснул незаурядной находчивостью Вадик Паустовский.

— А ну, кто желает принадлежать к партии анархистов — ко мне! А кому по душе монархия — в сторону!

Создали две группировки. Численное превосходство неоспоримо осталось за «анархистами». От «монархистов» вскоре отреклись все. Существовали лишь «анархисты» и два «непримиримых большевика» — Коржев и Шитов. Что же делать?

Снова выручил Паустовский.

— Ребята, таких толстяков, как Манухин, я никогда не видел. Это уникал. Давайте качать Манухина!..

Предложение одобрили. Манухин был пойман. И несмотря на отчаянное сопротивление, несколько раз взлетал в воздух, болтая руками и ногами, чуть не задевая висевшие под потолком лампы в абажурах. Вслед за Славой Манухиным полетел вверх другой толстяк — Моня Миркин. Потом начали качать всех желающих. Ловили

младших школьников, что были потолще. Мало кто возражал. Скоро возле дверей нашего класса выстроилась очередь добровольцев. Через несколько дней в аудиторию во время очередного шумного качания заглянул преподаватель черчения. Ему не понравилась эта коллективная бестолковщина. Он ловко ухватил двух ребят за руки, отвел к директору. Качания, увы, пришлось прекратить.

Оканчивалась первая четверть первого, самого первого нашего учебного года в Московской средней художественной школе, которую иногда именуют Школой юных дарований. Приятно, когда тебя (заслуженно или нет, другой вопрос) считают дарованием. Но, к сожалению, количество учебных часов во второй четверти увеличили. Теперь ежедневно следовало отсиживать семь уроков. Занимались мы с девяти до половины четвертого дня. Многие ребята жили в другом конце Москвы, дорога туда-обратно отнимала время, силы, нервы. Уроки дома почти никто не делал. Начали использовать для этих целей милые сердцу переменки. Вместо беготни школьники чинно сидели на подоконниках, листали учебники, тетрадки с записями. Класс, сам того не ведая, сделался дисциплинированнее. Поумнели, что ли? Вряд ли. Или повзрослели? Это не исключено.

Но прежние затеи не забывали. Однажды Вадик Паустовский набил в аудитории камин бумагой. Поджег, а дверцу закрыл. Дымоход не работал. Печка оказалась никудышной. Из всех щелей и дырок повалил густой сизый препротивный дым. Что тут было! Пришлепала беспокойная завучиха. Узрев случайно оказавшихся возле печки, не причастных к этой дымовой затее, Алексева и Недожарова, взвалила вину на них. По итогам четверти им снизили оценки за дисциплину.

После злополучной истории с печкой нас, третий «А», перевели в другую аудиторию, на второй этаж. В школе провели реконструкцию. На первом этаже разместили библиотеку, скульптурную мастерскую, кабинет химии, кабинет врача и только что организованный интернат — общежитие для иногородних. Раздевалка находилась еще ниже. Наш третий «А» вселили в аудиторию № 11. В этот период старостой нашим являлся Лева Портнов. Состоял он также и в общешкольном учкоме. Это парень боевой, беспокойный, с длинным носом, весьма нахальными глазами и скошенным подбородком. Ходячая карикатура. Он вечно бузил, пыжился по любому поводу (и без повода)

острить, но страдал одним существенным недостатком — желанием во что бы то ни стало самоутвердиться. Поэтому и балабонил всякую чушь.

1940 год

В который раз предпринимаю попытку вести дневник. Вернее, фиксировать различные события. И не обязательно каждый день. Глупое, откровенно говоря, занятие. И зачем только это делают? Наверное, чтобы порассуждать с самим собой — приятно иметь толкового собеседника.

Почему я сейчас пишу? Да потому, что мне тоже делать абсолютно нечего, сегодня предпоследний день школьных каникул.

Вот один фокус. Предлагаешь приятелю: «Нарисуй десять красноармейцев, купающихся в озере. Но условие одно — карандаш не отрывать от бумаги». Приятель, высунув язык, старается. Ты говоришь, что такое задание в момент можешь выполнить. Приятель не верит. Рисуешь на бумаге кружок. Приятель спрашивает: «Что это такое?» — «Как что? Озеро». — «А где красноармейцы?» — «Нырнули»...

Моня Миркин сочинял композицию. Тема — очередь за газетами. Моня решил собрать предварительный материал, написать этюд из окна с натуры. Пока выдавливал краски на палитру, очередь в газетный киоск испарилась. Открылся универмаг, и все стремглав бросились туда.

На уроке геометрии преподаватель Сорин спрашивает у ученика теорему про среднюю линию. Тот запутался.

— Средняя линия,— говорит,— если она параллельна основанию, делит треугольник пополам.

— Интересно! — замечает учитель. Берет мел, чертит на доске.— Дан, например, треугольник ABC. Делим его, согласно вашему оригинальному утверждению, по горизонтали на две части. Теперь попробуйте представить себе, что этот треугольник состоит из вкусного шоколада. Какую бы половину себе взяли?

— Нижнюю.

Когда 4 января 1940 года в нашей художественной школе состоялся новогодний карнавал, многие ребята пришли в маскарадных костюмах. Таня Лившиц появилась в допотопном, длинном, но вполне эффектном платье пушкинской Татьяны Лариной. К тому же, Таня щеголяла в черной полумаске. Было душно. Таня сняла маску. Знаменский тут как

тут: «Лившиц!» — «Что?» — «Надень маску. Скорее, скорее!» — «Зачем?» — «А ты в маске красивее».

В магазине Осоавиахима гражданин покупает парашют. «А если,— спрашивает,— парашют не раскроется?» — «Существует дополнительный, запасной парашют, поменьше. В случае чего, он подстрахует». — «А если и он не раскроется?» — «Тогда приходите, обменяем».

В метро. Народу много. «Гражданин, вы выходите?» — «Нет, меня выводят».

Разорвался у меня ботинок. На перемене, сев на парту, задрав ногу, я сосредоточенно осматривал образовавшуюся дырку. Подошел учитель по Конституции. Сострил:

— Сапог просит не только каши, но и колоний! Как сказал, если верить печатным изданиям, итальянский вождь Бенито Муссолини.

Рядом стоявший Игорь Знаменский вступился за меня:

— Совсем не так: этот сапог просит не только каши, но и отметки «отлично».

Когда наш учитель по Конституции замечал, что Игорь Знаменский балуется и вертится ужом на уроках, то с совершенно спокойным видом спрашивал:

— Кто сегодня дежурит по классу? Дежурный вставал.

— Посмотрите, пожалуйста,— советовал учитель,— нет ли на скамейке парты, за которой сидит Знаменский, рассыпанных гвоздей.

Знаменскому это наскучило, и он попросил меня найти несколько гвоздиков. Я вытащил из своего рваного ботинка два ржавых скрюченных гвоздя, да еще в кармане обнаружилась кнопка.

После урока Знаменский подошел к учителю.

— Вот,— сказал он, передавая гвозди и кнопку,— вещественные доказательства моей недисциплинированности.

Учитель, убеждающий ребят быть смелыми. «Даже если не знаешь урока,— поучал он,— отвечай так, будто все вызубрил досконально. Говорить следует уверенно, громко, чтобы не возникало сомнений в твоих знаниях». Но сам он не следовал этим установкам. Ребят спрашивал часто, но

понемногу. Если ученик первые фразы отгаторивал быстро, дальше вопросов не задавал. Отвечать ему, после некоторой тренировки, было не трудно. Но мы его благорасположением не злоупотребляли. А вообще-то наш учитель по истории человек добрейший...

Вот еще один любопытный педагогический тип. Высокий, дородный, чем-то смахивающий на знаменитого шахматиста Акибу Рубинштейна (мною очень любимого). Голос громовой. Преподавал физику и географию. На уроках горячился, азартно жестикулировал, вытирал пот с лысины. А ребята мало что понимали, очень уж громко он говорил. По географии велел перерисовывать из учебника географические карты.

Ехал с Гелей Коржев в метро. Видели человека, у которого нет кожи на лице. Это ужасно. Он в военной форме. Может, горел в танке? Волосы не растут. Губ и ноздрей нет. Глаз не существует. Вместо бровей красно-синяя полоса. Цвет лица светло-коричневый, полосами. Одна полоса рельефнее другой. Тяжело смотреть без содрогания. Рядом с ним женщина, наверное, жена.

На уроке Конституции ученик рассказывает про республику Армению. «Там водятся овцы». Учитель внимательно посмотрел на отвечающего: «Это ты сам придумал?» — «Сам».

Я с места: «Не овцы, а бараны!»

Учитель: «Сомневаюсь, только ли там бараны...»

Входит Геля Коржев в магазин канцтоваров. На прилавке лежит ластик. «Это что?» — «Ластик, стиралка». — «Сколько стоит?» — «Пять копеек». — «Я бы никогда его не сделал за такую дешевую цену».

На улице холодно. Стекла в трамваях заморозились, пестрят выцарапанными по льду надписями: «Меняю зиму на лето», «Меняю жену блондинку на керосинку», «Меняю жену сорока лет на две по двадцать», «Меняю мужа на стужу». Последнее, казалось бы, парадоксальное высказывание, пожалуй, самое остроумное. Дело-то в том, что при «стуже», морозе свыше 23 градусов, в школах занятия отменяются. А в том, что эти игривые надписи сочинены школьниками, нет сомнений.

Директор нашей школы П.Т. Мещеряков почти после каждого слова вставляет оборот

«понимаешь ли». На собрании, где председательствовал, он умудрился это «понимаешь ли» произнести 120 раз. Может, даже больше, считать надоело.

— Как жаль, нет местов.

— Молодой человек, вы не знаете падежов!

— Черт бы взял мою прическу!

— Дьявол силен. Смотри накликаешь, станешь лысым.

Весна. Ура, ура! Какой заманчивый, можно даже сказать «зеленый» на улицах воздух. Все ожило, повеселело, быстрее задвигалось. Трамвай еще недавно ехал тихонечко. А теперь несется, тарыхтит, пассажиры друг другу улыбаются. С крыш домов сосульки висят, капли падают. Снег-то тает! Тротуары первыми обеснежились. Идешь, а по носкам ботинок фонтанчики хлюпают: хлюп-хлюп. Ох, и здорово! Машины брызгаются, плюются, дудят, шумят, идут, прут. Человечки повсюду, словно муравьи, копошатся. Неужели весна наступила? Как хорошо! Я даже забыл, что правый ботинок жмет, мозоль натирает.

13 мая 1940 г. Утром ездили в зоопарк, делали наброски. Я наблюдал рысь, изучал ее движения. Учитель опять ругал за то, что получается у меня все шаржированно. После занятий в зоопарке — ох, и не хотелось возвращаться в школу! Некоторые удрали, но я остался. На уроке немецкого языка бузотерили. На алгебре тоже. После уроков вместе с Гелей Коржев отправился на Кузнецкий мост посмотреть выставку произведений Н.М. Ромадина. Впечатления? Рисунок не очень-то твердый. Да и в живописи не все, как надо. Но отлично передает настроение. Вот, например, зимний пейзаж. Ничего особенного ни в мотиве, ни в цвете, ни в самом письме, а ощущаешь холодное, ледящее состояние природы. В других этюдах Ромадин пробует выразить грусть, задумчивость. Сразу видно — постоянно трудится, совершенствуется, много работает. Тематические композиции не понравились. Особенно огромное полотно «Физкультурный парад». Фальшивое.

Скоро экзамены. Сдавать их нет желания. Готовиться тоже лень. А на улице такая красотища! Иди и пиши этюды. Только белил цинковых нет. И времени тоже.

Хотелось бы порассуждать вот о чем. Что такое живопись? Стоит ли заниматься ею?

Если в музыке человек выражает свои чувства, эмоции, настроения, то живопись, как нас учили педагоги (и не только педагоги) призвана достоверно передавать окружающую действительность. Хотя лучше это делает литература. Правда, язык живописи интернационален, не требует перевода. Но все же, зачем она? Чего ради руки так и чешутся, а душа горит, подверженные этой эпидемии? Живопись — украшение? («Мне все равно, что писать: пейзаж или ножку от роаяля», — сострил не помню кто, но кто-то чрезвычайно популярный.) Так почему же во все времена (а сейчас тем более) господствует реализм, то есть буквальное следование жизни? Но и здесь живопись бессильна, не все может. А сколько развелось художников, издано книг и трактатов! Сам я люблю живопись, стараюсь идти ее истоптанными и еще не тронутыми дорогами. Но неужели она нужна только для заработка, пополнения музеев, которые никто не посещает, и обеспечения кормежкой критиков-искусствоведов?..

В зоопарке.

— А почему эта птичка стоит на одной тоненькой ножке, а ножка не ломается? — Физкультурой по утрам занимается...

— Папа, это кто? — Не знаю, но цапля.

Возле Игоря Знаменского стоял карапуз и высказывал критику по поводу его зарисовок.

— Невосприимчивый ребенок! — сетовал Игорь. — Представляю, какая у тебя мама и какой папа. Тоже, наверное, невоспитанные?..

— Знаменский, а у тебя родители, — защищал я карапуза, — воспитанные?..

14 мая 1940 г. Ничего особенного за день не произошло. Правда, на уроке географии случайно получил за четверть «отлично».

Прочитанное внимательно надолго остается в памяти. Но если думаешь о чем-то постороннем, можно десять раз бегать глазами по одним и тем же строчкам, ничего не понимая. Сидеть больше пятнадцати минут за чтением сосредоточенным, когда за окном птички поют, никак не получается, это выше данных природой сил. А дальше, как ни понукай себя, чтение все равно будет некачественным.

— Товарищи учащиеся! Поскольку вы все равно убежите, предлагаю открыть наше собрание сейчас же...

— Она съела кусок мяса, я ей дал еще

кусочек...

— Почему он ходит с ящиком?

— Денег на портфель не хватило.

Школьник отвечает урок:

— В Кара-Бугазе добывается соль. —

Учитель:

— Какая?

Игорь Знаменский с места:

— Английская.

— Наблюдайте, ищите, зарисовывайте характерные типы, следите за всеми проявлениями жизни и в сельской местности, и в городе. Как и где трудятся, как одеваются. И рисуйте постоянно, делайте наброски. Пусть это станет привычкой. Выдумать или, как говорят, «высосать из пальца» композицию нельзя. А высшая цель живописи — станковая картина. Натюрморты, интерьеры, пейзажи — лишь стадия работы над серьезной композицией.

Так нас учил педагог по живописи П.С. Хайкин.

— То, что зарисовали с натуры или только пытались зарисовать, укрепляет память, развивает воображение, заставляет зорче видеть... А это слова нашего учителя по рисунку А.О. Барца.

— Зачем мы учимся?

— Чтобы учителя деньги получали.

Кто болеет ангиной, говорит: «Если ноги промочишь, горло шалит». А пьяницы говорят: «Если горло промочишь, ноги шалят».

Мерзавец — человек, который мерзнет.

Писал весенний этюд в Сокольниках. Подошли два малыша. Стояли за спиной, смотрели. Переговаривались на тему: чего он рисует? Один догадался. Тогда стали обсуждать, почему ничего не понятно. Первый мальчуган, более догадливый, выразил предположение: «Да это набросок!». И убежали.

17 мая 1940 г. Последний день учебного года. Все семь уроков была живопись на пленэре. Расположился с этюдником на высоком берегу Москвы-реки в Коломенском. Подошли любопытствовать два парня. Пробовали угадать, что именно я изображаю.

— Вон тот сарайчик на барже, — сказал один. — Помнишь, мы туда за керосином ездили. Стащили, а потом загнали...

Облегченно вздохнул. Думал, критиковать начнут, ошибки выискивать. А у них такое своеобразное восприятие живописи...

До чего же приятно сидеть у реки с кисточкой, красками, этюдником! Серая беспокойная вода, дрожащие волны. Тучи низкие, ветер мокрый. Прическа развевается, мешает работать. Холстик открепился. А воздух, какой воздух!..

Сдал письменный русский и алгебру письменную. По поводу зоологии есть сомнения. В течение года ничего не учил, лишь изредка брал в руки учебник, картинками интересовался. К испытаниям надо повторить все. Целый день с десяти утра до полуночи, с перерывами на жонглирование теннисными мячиками, занимался. Хотелось писать, рисовать, в кино сходить, прилечь отдохнуть, поспать, все что угодно, только не осваивать занудную зоологию. Мысль о том, что после сдачи экзаменов могу три месяца быть свободным как ветер, заниматься живописью, рисовать, посещать кино, играть в шахматы и больше ничем уныло-школьным не утруждать себя, заставляла упорно сидеть и учить, учить. В результате — «отлично». А может, «хорошо».

25 мая 1940 г. Мы с Г. Коржевым установили, что:

— Художник с длинными волосами, в замызганной красками куртке, с вдохновенно-тонким профилем и хило-недоразвитой, не спортивной фигурой — не художник.

— Художник не может быть только художником. Быть художником, смотреть на все лишь со своей профессионально-творческой колокольни и этим ограничиваться — нельзя.

— Художник только тот, кто помимо основной профессии имеет еще и другую, побочную. Таким образом, он может на мир смотреть с разных точек зрения, а значит, и не замыкаться в узком кругу собственных интересов.

— Наши молодые мастера должны быть разумно физически развитыми и при этом сохранять ясную голову, жизнерадостность, не отрываться от коллектива, быть в курсе настроений общества. Ведь только сообщаясь с жизнью, являясь частичкой ее, здоровой физически и нравственно, веря в завтрашний день, они смогут воплотить в своих произведениях оптимистический настрой нашего времени.

— Живопись как профессия, — такого не может быть! Живопись — это побочное занятие, дополнительная профессия, основанная

и обусловленная другой, никакого отношения к изобразительному искусству не имеющей.

5 июня 1940 г. Все! На душе легко, спокойно, солнечно. Три месяца свободен от учебников и уроков. Что хочешь, то и делай. Глаза разбегаются — чем же заняться. Вот ничего и не делаешь. Интересно наблюдать за теми, кто сдал экзамены. Едешь в переполненном трамвае по Стромынке. Выставишь шевелюру в раскрытое окошко. Ветер треплет волосы. По тротуару нарядные девушки шествуют. Идут из школы, улыбаются; судя по всему, никто из них не провалился на испытаниях. Озорной ветер колышет платица, разметает косы. Зубы блестят, носки белые сверкают...

В Музее западного искусства экспонируется портрет фабриканта Саввы Мамонтова работы Андерса Цорна. Того самого Мамонтова, которого писал Михаил Врубель. Цорну, конечно, далековато до Врубеля, но и его живописная манера поражает лихим письмом и аршинными мазками. Коржев рассказывал про этот портрет:

— Когда шведского маэстро спросили, почему на сюртуке Мамонтова он не изобразил ни одной пуговицы, Цорн ответил: «Я художник, а не портной!»

Правильно! Если деталь не нужна, выкидывай ее из работы.

12 июня 1940 г. Вадим Паустовский, когда делали в зоопарке наброски, рассказал весьма любопытную и поучительную историю.

— Не только я, но и японцы рисуют линией. Кистью или пером. Но так ловко, что линия в их работах способна выразить бесконечно многое. Существует такая легенда. К одному художнику японцу пришел богатый заказчик, поинтересовался, может ли тот изобразить петуха. Самого обыкновенного. Художник подумал и ответил, что ему потребуется на это, ни много, ни мало, ровно год. Заказчик согласился. Приходит через год и видит: стоит в мастерской на мольберте большого размера нетронутое, натянтое на подрамник полотно. Художник тут же берет широкую кисть, макает ее в цветную тушь и несколькими уверенными касаниями кисти, всего двумя цветами — черным и красным — в мгновение выполняет работу. Петух готов. Да какой! Выполненный виртуознейше. Заказчик возмутился: «Что же вы на целый год отсрочили задание, ведь требуется-то всего несколько секунд!». Тогда художник повел заказчика в соседнюю комнату. А там от пола до потолка на

полках теснились свитки с предварительными рисунками и этюдами. Тут же несколько скелетов петушиных, макеты, чучела. Только освоив в полной мере анатомию и пластику движений петуха, художник достиг такого совершенства, что мог изобразить эту красивую птицу в любом повороте, даже закрыв глаза. Тогда он посчитал, что готов выполнить задание...

В нашем классе есть ученик Петя Пинкисеви́ч. Он прибыл из Ленинграда (ребята острят: войны с Финляндией испугался). Вчера на заключительном сборе в честь окончания учебного года он рассказал про художников-точкистов.

— В Петербурге до революции пользовался популярностью живописец Павел Филонов. Он принадлежал к группе аналитических точкистов, был бессребреником и необычайно творчески одержимым. Каждое тело, — рассуждал он, — состоит из клеток, клетки из молекул, молекулы из атомов. Задача заключается в том, чтобы найти цвет каждого атома. И передавать мир не снаружи, а как бы вырастающим изнутри. К тому же, метод работы Филонова был не от общего к частному, как нас учат, а наоборот, от детали к целому. Он вел одно время занятия в Академии художеств. Когда его оттуда изгнали, образовал собственную школу. Талантливая молодежь стала ходить к нему домой на занятия. Филонов обладал большим обаянием и как личность, и как художник, и огромной силой убеждения. Тем не менее, кое-кто из его учеников впоследствии отрекся от его принципов...

Так, приятель Пинкисеви́ча, который был отменным рисовальщиком, к тому же чрезвычайно самоуверенным (считал себя не ниже Рембрандта и Тициана), попал под сильное влияние Филонова. Он писал портрет своей матери восемнадцать сеансов, а закончил лишь верхнюю часть головы, все старался с предельной тщательностью изобразить извилины кровеносных сосудов и жилок, что под кожей на лбу, висках, щеках. На этом портрете только в зрачках глаз можно было различить десяток разноцветных точек. Но детали эти не смотрелись противно, были соотнесены с целым. «Упорно и точно рисуй каждый атом» — этот завет Филонова стал его девизом. Он и свой автопортрет создал, против света. «Как у Кипренского, — заметил ему Пинкисеви́ч, — тоже в контражуре». — «Что мне твой Кипренский, — отвечал точкист, — такой фон зеленый, как у Кипренского, каждый напишет. А ты попробуй сделать, как у меня». На автопортрете точкиста в качестве фона

захвачена часть стены со штукатуркой, выписанной дотошно, мельчайшими точками. Но здорово, ничего не скажешь. У него есть композиция, где на первом плане две очень крупные головы. Заними — здание, удаляющееся к горизонту. Перед зданием очередь в пивную палатку. В окнах дома разные бытовые сценки. Кто чай пьет, кто газету читает, кто под патефон танцует. Пинкисеви́ч спросил: «Зачем столько подробностей?» — «Я хотел показать, — ответил точкист, — что находится снаружи, на улице. И, одновременно, что происходит внутри здания». И опять — точки, точки. Наши педагоги сказали бы — формализм. Приятель Пинкисеви́ча показал свои рисунки Игорю Грабарю. Тот посмотрел, покачал головой и сказал: «Таких рук в Москве никто не нарисует». Филонов был жестким и требовательным педагогом, многим своим ученикам «сдвинул мозги», испортил будущее. В Академии художеств одного из способных его студентов даже не допустили к защите диплома. Он представил эскиз, выполненный по-филоновски, точками цветными...

1 сентября 1940 г. Утром отправился на улицу Заморенова к своим пионерлагерным друзьям. Играли в волейбол, фотографировались, пробовали учиться танцевать вальс-бостон и румбу. Подкрепившись чаем и бутербродами, поехали на стадион «Динамо». У приятелей моих были билеты, я рассчитывал приобрести возле стадиона. Играли две знаменитые команды — «Динамо» и «Спартак». Билет купил с рук за пять рублей. Это ровно в десять раз больше обычной его цены. Тут же мне предложили обменяться билетами. В итоге я попал на 42-й ряд Восточной трибуны. У моих друзей билеты на 40-й ряд. Недолго думая, уселись вместе. Перед началом проводились соревнования легкоатлетов: прыжки в длину и высоту, бег на разные дистанции. Стометровку быстрее других преодолел Головкин, за 11 секунд. Наконец, началась игра, первый тайм. Динамовцы атакуют. С первых минут возникло несколько острых моментов. Но замечательно играли спартаковцы — Акимов и Василий Соколов. Еще прорыв. Соловьев бьет по воротам. Акимов отбивает. Мяч попадает к Сергею Ильину. Ворота пустые. Ильин с поворота бьет — мимо! Почти полностью Восточная трибуна болеет за «Динамо». Бесперывные возгласы одобрения или разочарования. Впереди нас сидели два спартаковских болельщика. Они не успевали огрызаться на ехидные замечания, чуть до кулаков дело не дошло. Семичасный прорывается в штрафную площадку спартаковцев. Вратарь

Акимов снимает мяч с ноги. Наконец, после отличной комбинации, мяч у Михаила Якушина. Один на один с вратарем. Спокойно, тихим ударом забивает гол. Динамовские болельщики прыгают от восторга... Пенальти в ворота «Спартака». Бьет Семичасный. Акимов в блестящем броске вытаскивает мяч из самого угла. Аплодисменты, крики удивления... Второй тайм. Мяч у Якушина. Пяткой откидывает назад Ильину. Тот красивым ударом делает счет 2 : 0 в пользу динамовцев. Прорыв Соловьева. На него кидается Виктор Соколов. Соловьев обманным движением обходит его и сильно бьет в верхний угол ворот. 3 : 0. Мои друзья, болельщики «Динамо», ликуют. Я думал, что в порыве радости их туловища отделятся от конечностей и улетят в небо, вместе с голубями... Станкевич хватает мяч рукой. Малинин уверенно реализует пенальти. Вратарь динамовцев Фокин даже не пытался, как говорится, «рыпнуться». 3:1. Спартаковцы воодушевляются. Но очередной прорыв динамовцев. Семичасный доводит счет до 4 : 1. Затем Соловьев увеличивает количество забитых мячей — 5 : 1. Полный разгром! Динамовцы словно балуются со «Спартакoм». Матч окончен.

Спартаковская болельщица вздыхает:

— Когда я сидела на Западной трибуне, «Спартак» либо выигрывал, либо ничью делал. Сегодня угораздило меня взять билет на Восточную. И моя команда проиграла. С треском! Вот я несчастная, вот я дуриха! Надо же было на Восточную садиться...

Началась потасовка. Как же без этого! Кто кого бил и с каким эффектом, разобрать было трудно. Вроде бы болельщикам «Спартака» досталось больше.

Со стадиона шли пешком. Около Белорусского вокзала молодой парень спросил про исход матча.

— Пять — один? Не может быть, вот это да! А кто играл? Алексей Соколов тоже? Это ведь мой брат. Приду домой, отлуплю его, чёрта этакого. Играть не умеет. А хвастался вчера: «Мы им врежем!». Врезали. Позор какой! Значит, «Спартак» плохо играл?..

Брат Алексея Соколова оказался симпатичным и разговорчивым. Мы долго беседовали о футболе и жизни. Зашли в булочную. Купили буханку белого хлеба. И тут же съели...

Каникулам конец. С завтрашнего дня надо приниматься за учебу. А я еще учебников не покупал.

2 сентября 1940 г. День одновременно и поганый, и хороший. Поганый потому, что

приспела пора браться за изучение таких занудных предметов, как немецкий язык и химия. А хороший потому, что наконец встречусь с одноклассниками, начнутся занятия по живописи, рисунку. А это сейчас самое главное и интересное.

Итак, в школу! Опять утренние, переполненные пассажирами, трамваи. Снова висение на подножках, толкотня в метро.

Школу обновили, выкрасили стены, подоконники, парты починили. Стало уютно, красиво, но... тесновато. Не то что бы ребята сильно пополнили за лето, а потому, что резко прибавилось количество учащихся. Было свыше тысячи заявлений, приняли после жесткого конкурса 60 человек. Теперь в школе аж 400 (или что-то вроде того) вундеркиндов и вундеркиндш. Какой внешний вид, какие шальные прически! Обхохочешься. Есть весьма колоритные персонажи. Курчавые, чуть не до плеч, космы, бархатная куртка, небрежный широкий бант на шее, брюки расклешенные. Чего еще надо, артист! Пиши автопортрет скорее и тащи в галерею Уффици.

Школа обрадовала новым расписанием уроков, новыми директором, завучем, некоторыми учителями. По теперешнему расписанию мы в шестидневку должны два дня заниматься по восемь уроков, а в остальные дни по семь. Не было печали! Вряд ли будет вольготнее, чем в прошлом году. Даже наоборот. Ну, а директор поразил. Небольшого роста, со светлой шевелюрой и такими же узкими усиками, голубые сердитые глаза, энергичная, размашистая походка. С таким директором не пошутить. Тем более, он вроде бы немец — Николай Августович Карренберг. Завуч — полька, Наталья Викторовна Стасевич, мать нашего одноклассника Миши Стасевича. Рост средний, лицо худое, костлявая, как на шарнирах. Резкие движения, немного разболтанная, нервная походка. Она у нас будет вести литературу вместо ушедшего очень славного и милого предыдущего нашего педагога, поэта-песенника эстонца Николая Васильевича Кооля, с которым мы, школьники, сдружились и вытворяли на его уроках что хотели.

Очередное развлечение наметилось — издеваться над Мoneй Миркиным. Маленький, с розовым ребячьим личиком и прической «под бокс», он вдруг заговорил басом.

— Монечка, ну, скажи что-нибудь!

Скажи: «ма-ма!» Моня басом:

— Ну, отстаньте!..

Голосок у него сиплый, как у испорченного граммофона.

Жалели Мишу Стасевича. Надо же, такая серьезная у него мама. Бедняжка! Слава Манухин, толстяк с перпендикулярной прической, превратился за лето из паровоза в гибрид паровоза с троллейбусом. Прическу сбрил.

Вадим Паустовский еще не пожаловал. Как всегда, опаздывает. Но и без него предостаточно было бузотерства.

Ввели актуальный по нынешним временам предмет — «Военное дело». Учитель — без пяти минут зверь. Отчаянно и безостановочно орет. Оправдывается: «Именно так надо отдавать команду!». Наверное, зимой, когда похолодает, он охрипнет. Новая преподавательница по географии понравилась: обожает поговорить, не остановишь. Но строгоя.

Прошли первые уроки рисунка. Делали наброски головы человека. Наш учитель — Александр Осипович Барщ, бодрый, веселый, росточка (других не берут, что ли?) тоже мелковатого. К тому же у него из ушей и ноздрей торчат длинные рыжие волосы, а на шее шишка. Из трех (по академическому часу каждая) зарисовок у меня получилась (более или менее) лишь одна. Остальные испортил. Завтра — живопись. Ура! Жду с нетерпением.

5 сентября 1940 г. Уже несколько дней идут занятия. А Игоря Знаменского, Пети Пинкиевича и Вадика Паустовского все нет. Три самых отъявленных бузотера, среди которых один сверхлентяй — Пинкиевич. Нет и нет...

Евгений Маркович Сорин обрадовал нас, объявив, что не собирается перегружать наши юные, забытые творческими заботами головы, математикой. Он будет задавать по одной задачке в день, минут на десять. Всего-то дел! В шестидневку это составит 60 минут, ровно час. Но условие, и неперемное, одно — заниматься! По алгебре ребята заметно подтянулись.

Появился новый педагог по черчению, уникально восточного облика. Нос оригинальнейший, длинный-предлинный, с закорючкой на конце. Не нос, а коромысло. Ходит в белых брюках и имеет привычку ставить правую ногу на пятку, устремив носок ботинка ввысь. Чрезвычайно вежлив и вовсе не строгий. Ребята его не слушаются.

Преподаватель химии — коренастый, невысокого роста, пожилой. У него плешь изрядная, прикрытая редкими волосиками, узкие, продолговатые глаза. Хромает. Но уроки ведет интересно, в форме беседы. Ребята

чувствуют себя свободно, не злоупотребляют покладистостью учителя. Он рассказывал, как в Баку добывали из морской, испорченной нефтью воды, йод. «Химик,— решил наш класс,— хороший парень!..».

Уже дважды были занятия по живописи. Летом я ленился, писал мало, пробездельничал каникулы. В классе быстро и бестолково измазюкал холст. В последующие часы мучительно перемазывал и переделывал. Хайкин снова призывал к работе более темпераментной.

— Ведь ты,— говорил Павел Самойлович,— молодой и кудрявый. Даже если учитель советует писать в благородной серой гамме, ты должен возражать, не соглашаться, стремиться к декоративной насыщенности. Глянь на колористический состав постановки, сравни со своей картинкой. Там цветы-то живые, и писать их надо живо, в полную силу, чтобы цвет звучал, чтобы жизнь была. А у тебя муть какая-то, не цветы, а картошка!..

Он берет у меня кисть, по всей палитре размазывает краски. Тон нужный ищет. Быстро прокладывает мазком найденную смесь на холст. И снова — к палитре. Наконец, минимальные проблески понимания, что же такое живопись, доходят до меня. Продолжаю самостоятельно.

— Вот, вот! — подбадривает Павел Самойлович.— Лучше становится, вернее. Но...

И снова выискивает недостатки. Через какое-то время:

— Ладно, кувшин больше не трогай. Достаточно!.. — Но мне кувшин не нравится. Берусь поправлять его. И порчу. Пытаюсь выправить. Но до конца урока не удается. Оставил на следующий сеанс.

Показал Хайкину летние свои этюды: «Водовозная бочка», «Могила» и другие, сделанные в пионерлагере.

— Каждый из этюдов,— сказал Павел Самойлович, сам по себе хорош. Но когда поставишь их вместе, получается одинаковость колористическая, этакая мутно-зеленая гамма. В природе-то все богаче, насыщеннее, ярче...

Одним словом, попало мне. Наслушался критики. Если бы, как советовал Геля Коржев, показывал этюды не все сразу, а по одному, последовательно, то, наверное, получил бы другую, положительную оценку.

На Охотном ряду наблюдал интересного субъекта. Жара, солнце. Поток машин, свистки милиционеров. У входа в Малый театр сидит мужчина азиатской (туркмен, таджик?)

наружности. Темно-бронзовое лицо, в мелких морщинках лоб. Одет в ватную куртку, теплые штаны, мягкие, из светлой желтой кожи сапоги, на которых нахлобучены потрепанные галоши. За плечами мешок, должно быть, с пропитанием. Вид помятый, усталый. На голове черная фетровая шляпа. Занятная картина! Неужели приехал смотреть пьесы А.Н. Островского?..

7 сентября 1940 г. «Папа, завтра будет праздник!» — «Праздник, праздник — говорят». — «Все равно, какая разница, лишь бы дали шоколад».

Шумели на уроках. Завтра выходной. Куда ехать на этюды? Исписали предложениями классную доску. Так и не договорились. На последнем уроке живописи решили — в Пушкино. Геля Коржев там бывал, все знает.

— Люциан,— попросил он меня,— уговори поехать с нами девочек. Выбираем тебя полномочным делегатом.

Миссия увенчалась успехом. Согласились Мила Адамович, Роша Натапова, Клара Власова и Ника Гольц.

8 сентября 1940 г. Серое прохладное утро. Народ толпится у Ярославского вокзала. Условились встретиться возле расписания поездов. Смотрю, сидят: «крошка» Коржев и пригорюнившийся Карамян. Сзади них, словно солнышко утреннее, с ярко рыжими косами Адамович. На часах без трех минут восемь. Поезд отправляется через семь минут. И тут разом появились Женя Батырь, Сева Ильинский, Вовик Скумпе, Натапова и Власова. Итак, нас девять человек. Скумпе побежал за билетами.

— Вот, ребята,— сказал он, вернувшись,— восемь билетов и сдача.

Справедливость установить попытался Карамян.

— Сколько ты взял билетов?

— Восемь.

— А нас сколько, можешь сосчитать?

— Ой, ой!

— И чему тебя только в школе учат!

Еле успели уладить недоразумение. Сели в вагон, двинулись. Меньше, чем через час, прибыли в Пушкино. Пройдя через дачный поселок, оказались в лесу. Хорошо-то как! Грибов видимо-невидимо, только наклоняйся. Заботливый Костя Карамян старательно рассовывал собранные грибы по карманам. Решили немножко размяться, поиграть в мячик. Он тут же закатился в лужу. Я героически и не без артистизма прыгнул, рассчитывая лишь слегка поддать его ногой, а самому остаться сухим. Но поскользнулся и шлепнулся в лужу,

перепачкав в грязи брюки и ботинки.

А вот поле огромное, желто-охристое. Осенний сенокос. Лошадки, увозящие сено. Вдали болото, стадо коров. А сверху давящее серое, живописно красивое небо. Хотели было остановиться, начать работать. Но передумали. Лошадки уйдут, коровы разбредутся. А впереди еще наверняка немало интересных мотивов.

Наконец добрались до такого места, которое всех устраивало. Коржев по болотным кочкам, словно Иван Сусанин, но не зимний, а осенний, привел нас к зацветшему заболоченному озеру. Небо опрокидывалось в воду, искрилось маленько. Солнце то и дело выглядывало сквозь тучки, превращая печальный водоем в сказочное зрелище. Посередине озера нечто вроде острова, к которому мы и направились.

Странное ощущение испытываешь, когда с качающейся кочки ступаешь на свежезеленую, такую, казалось бы, цветущую травку, и вдруг кочка утопляется вниз, и остаются торчать лишь верха ботинок, остальное жадно засасывает трясына. Но все же умудрились расползтись. На островке вся-то флора — несолько хилых сосенок и березок, кустики и осока в преизбытке. У горизонта сине-черная полоска леса. Над нею прорывы слепящего неба. Куда ни глянь, везде замечательно. Но садиться-то на что? Взобрался на сосенку тощую. С треском она надломилась, я плавно опустился на землю. Решил повторить маневр. Деревце (а это при ближайшем рассмотрении оказалась не сосенка, а березка) так раскачивалось, что Сева Ильинский предупредил:

— Тише, тише! Вся суша трясется. И себя и всех утопишь...

И верно: от колеблющегося нашего островка волны по озеру шли. На чем же сидеть?— Стоя работать невозможно. Мольбертов нет, стульчиков и табуреток тоже. А на дереве и горизонт повыше, и устроиться сидя можно. Снова полез на дерево, снова шлепнулся. На этот раз спиной. Почва островная оказалась приветливой, упал как в перину. Правда, пришлось штаны сушить... Мирно, тихо, с эпизодическими остротами, чаще в адрес рыжеволосой Милы Адамович, принялись за живопись. Коржев называл Адамович «фитильком», я — «помидорчиком». Остальные более художественно: «кадмием оранжевым». Коржев болельщик «Спартака». Не переставая темпераментно елозить кистью по прикрепленному к крышке этюдника продолговатому холстику, он начал распространяться о великих и несомненных, на его взгляд, преимуществах и достоинствах

спартаковской футбольной команды. Я защищал, ни за кого конкретно не болея, от его нападков спортивный клуб «Динамо». Вскоре отставили споры, увлекшись полностью живописанием... В полдень развели костер. Воздух чистый-чистый. Кругом тихо. Дым от костра направлялся к Вовику Скумпе. Он то и дело кашлял и добродушно ворчал. Я же умудрился прожечь дырку в брюках, пока сушил их на огне.

Натапова живо начала этюд. Но тут же испортила. Коржев мазал широко, не обращая внимания на мелочи. Я же, наоборот, шел, как говорится, от детали...

Не без смеха возвращались домой. Бедной Адамович, главной мишени наших попыток остроумничания, снова досталось.

На станции купили три бутылки сидро. Преподали одну девочкам. Те отказались. Пили сидро вкруговую, наподобие курения трубки мира индейцами. В следующий выходной день (скорее бы он настал!) определили поехать на этюды опять вместе. Но уже на целый день, взяв рюкзаки и еду.

Первая совместная поездка оставила приятное впечатление. Запомнился вкус брусники, тенистый лес, ручейки и канавки, болото, листва пышно-осенняя, бодрящий воздух. Ну, а о пользе занятий живописью на природе (это называется пленэром) и говорить нечего.

9 сентября 1940 г. Сегодня вместе с преподавательницей скульптуры ездили в зоопарк. Я и Коржев уселись около площадки молодняка, лепили из пластилина медведей. Занятные зверюшки! Можно целый день, не скучая, глядеть на этих простодушных, игривых, смысленных медвежат. Вставая на задние лапки, они открывали дверцу, закрытую на крючок. Забирались проворно на столб, с верхушки которого брызгал фонтан. Закупорив лапами отверстия для воды, а потом отставив лапы, сидит мишка блаженно, весь мокрый. Палки деревянные грызли, дрались — кому достанется. Играя, старались укусить понарошку друг друга в морду. Наблюдая все это, мы, Гелий и я, умудрились, тем не менее, что-то вылепить. Наслушались замечаний посетителей.

— Эге, два скульптора! Вы скульпторы?

— Хуже.

— Ничего, ничего, не огорчайтесь. Может, что и получится... — Или такой отзыв:

— Папа, смотри! Там мишка и у дяди мишка. Из замазки... — А вот еще. Кавалер с умным видом комментирует барышне:

— Грубо, но сходство имеется...

Созданные нами скульптурные опусы

надо было везти из зоопарка домой, а потом в школу. Но в транспорте толкотня, могут их повредить. Вместе с Валей Пурьгиным (он живет в школьном интернате) добрались пешком до Каляевской улицы, передали скульптурки, чтобы он занес их в школу. Ну, а завтра отдадим скульпторше.

Весь сегодняшний день торчал на открытом воздухе: в зоопарке, гуляя пешком, вися на подножках трамвайных. Полученный накануне пленэрный насморк почти выветрился. Этому рад, ибо завтра будет живопись. На первом уроке должно состояться обсуждение наших натюрмортов. Я свой переписал в последний раз широченными мазками, в «стиле Врубеля». Как мне представляется, немного улучшил. Впрочем, поживем (если быть более точным — поспим), а утром увидим.

12 сентября 1940 г. За натюрморт и аршинные мазки свои получил «посредственно». Что ж, пожалуй, справедливо. Удачнее других это задание вышло у Коржева и Миркина. Оно и понятно: Коржев и Миркин не бездельничали летом, много работали. Приволокли они Хайкину ворох этюдов. У Коржева увлечение — во всю мастихинит (пишет не кистью, а ножом для красок). Но тон и цвет берет приятно. Мне, да и не только мне, понравились новые его работы.

— Это я, Павел Самойлович, — объяснял Гелий незавершенность этюда, — поспешил. Только под вечер сел с этюдником. Глядь, а на меня корова надвигается, махая рогами. Я быстрее тушеваться оттуда. Вот и не закончил...

Про другую работу:

— Тоже поторопился. Начал этюд, а тут дождь как хлынет, словно из ведра. Ну, а под ливнем работать не улыбается. Все же что-то успел...

Хайкин улыбается. Ему Коржев нравится. Добрый, простоватый, этот здоровенный высокий детина, с хитрецей смотрящий из-под шевелюры на учителя сверху вниз. В буквальном, а может, и в переносном значении. Речь свою, забавную и остроумную, он пересыпает замысловатыми, имеющими для него определенный смысл словечками типа: «огурчик», «крошка».

— Был я в Пушкино, — рассказывает Коржев. — Иду, как огурчик, по шоссе. За спиной на длинном ремешке этюдник, в руках палка. Видик, должно быть, странноватый. Вылитый урка. Вдали вырисовывается, отделяясь от горизонта, старушка. Одуванчик одуванчиком. Глянула на меня, перепугалась — и хоп, скорее

тушеваться!..

Сегодняшним утром на трамвае номер десять я доехал до метро «Сокольники». Только слез, смотрю: трамвай номер четыре, который идет до Каляевской, уже сдвинулся с остановки. Впрыгиваю на ходу. Кондуктор ко мне с претензиями, как к взрослому:

— Гражданин, обязательно надо прыгать?

— А как же! Кому ж приятно, когда перед носом трамвай уходит. Да такой редкий, как номер четвертый.

— Подождали бы следующего. Тот уж без вас не уйдет.

— Трамвай — нет, а время уйдет. Впрочем, дайте мне билет за 15 копеек, до Каляевской.

— Вагон следует до Вокзальной площади.

— Вот так фокус!..

Приготовился прыгнуть с задней площадки. Кондуктор преградил дорогу. Пришлось прыгать с передней. Ну, а потом пересел в прежний трамвай № 10, где встретил Митю Дмитриева. С ним и доехал до школы.

Сейчас появились новые порядки: берут штрафы по три, даже по десять рублей за нарушения уличного движения.

Как хорошо, скоро выходной. Да здравствует еще одно осеннее воскресенье! Опять отправимся писать этюды за город.

15 сентября 1940 г. Рано утром собрался на этюды. Договорились встретиться там же, что и в прошлый раз, у железнодорожного расписания на Ярославском вокзале. Дали обещание: Натапова, Власова, Адамович, Коржев, Карамян, Портнов, Скумпе. Когда я с опозданием на четверть часа появился, там было всего два человека: Коржев и Карамян. Стали вместе ждать. Никого! Потом уже выяснили: Натапова проспала, Власова совсем было собралась, оделась, но ее не пустил отец. Остальные тоже нашли причины. Но мы не унывали, укатили в Пушкино втроем. Я предупредил, что покину их раньше, у меня сегодня билет на стадион «Динамо», где играют «Спартак» (в усиленном составе) и сборная по футболу Болгарии.

От станции повернули влево. Вскоре набрали на озеро. Пустынно. Вокруг нет деревьев, только кусточки да пенечки. Устроились. Я писал Коржева. Было холодно, куда холоднее, чем в прошлое воскресенье. Сидели на земле. Резкий ветер дул с озера. Прогнознув, устроили концерт. Прыгали,

руками размахивали, во всю глотку песни горланили. Иногда проводили соревнования по бегу, чтобы согреться. Пробовали развести костер. Не вышло, мешал ветер. Коржеву даже глаз «надуло». В полном смысле слова. Но все же, преодолев немалые трудности, создали, вернее, нашлепали по этюду. Я заторопился в Москву, на стадион. А Коржев и Карамян пошли искать следующее живописное место.

По дороге на станцию есть небольшой ручей мостик с выломанной серединой. Страшно смотреть, как прохожие, особенно пожилые, пробираются по нему, держась за хлюпкие перила. Маленькая девочка метко высказалась:

— Его починят, когда кто-нибудь утопнет!..

16 сентября 1940 г. Сегодня Коржев пришел в школу с черной повязкой на одном глазу, как Билли Бонс из фильма «Остров сокровищ». Результат поездки на этюды, как говорится, на лице. Было место восьми всего шесть уроков. Не состоялись занятия по скульптуре. После уроков играли на школьном дворе в футбол.

Погода в Москве типично осенняя. Небо очаровательное: серое с синевато-оловянными оттенками. Деревья поочередно начали желтеть. Тихо, прозрачно, хорошо, и все «как будто в тумане»...

17 сентября 1940 г. На днях у нашего пионерского звена состоялся сбор. Вожатый Анатолий — с черными усиками, пижонистый, узкоплечий, физически недоразвитый — решал с нами вопрос: что делать звену в ближайшем будущем? Постановили: прежде всего, начать ходить в красных пионерских галстуках. Кроме того, куда-нибудь, лучше подальше, летом уехать. На край Московской области, например, где речка Ока, или на Украину. Недели на две-три. Я оспорил такое предложение мало реальное — питание-то, да еще на весь срок, придется тащить на себе. Вводится также новая пионерская форма. И еще. Теперь пионерлагеря будут только палаточными. Обслуживающий персонал сокращается до предела (начальник, повар, завхоз, технический работник). Обязанности содержания лагеря возлагаются на ребят. Они станут хозяйничать, приобщаться к самостоятельности. Авось, пригодится в жизни. Конечно, если вожатый, как всегда, не перепутал, эти нововведения приятны. Надо иметь в виду лишь одно — в такие лагеря нельзя брать детишек младшего возраста. Вот тогда лагерь действительно будет замечательным! А может,

это очередная фантазия нашего выдумщика-вожагого?..

Вчера после уроков (два последних не состоялись) попросили у Анатолия мяч, чтобы поиграть в футбол. Он выдал на мое имя. Двор у нас маленький, непригодный для массовых действий. Трудно даже назвать его школьным. Вместо ограждений и заборов — стены, окна жилых домов, да овощная палатка, возле которой неизменно очереди. Игру начали осторожно, ни одного окна не разбили. После окончания мяч отнести Анатолию было лень, набегались изрядно. Передал нянечке. Сегодня подходит ко мне Анатолий.

— Ты кому отдал мяч?

— Нянечке.

— А у кого брал?

— Я торопился.

— Хорошо. Больше ты его не получишь.

Не получу, так не получу. Но играть-то все равно буду, получают другие.

— Где твой пионерский галстук?

— У звеньевого. Он еще не раздавал их.

Анатолий пошел отчитывать звеньевого Мишу Стасевича. Тот, исправляя свою ошибку, вынул из кармана для меня галстук.

Все переменки, воодушевленные вчерашней тренировкой, резались в футбол. Наш класс сражался с четвертым «б». Выиграли мы. Играли без тактического рисунка, гоняясь всем шалманом за мячом, мешая друг другу. Зрители, лишь попадал к ним мяч, тут же выказывали свое мастерство, лупили сразу по воротам. Такое времяпрепровождение переменок показалось куда более приятным, чем чинное сидение в аудиториях и коридорах. Разгоряченные, возвращались после игры в класс и без особого воодушевления осваивали премудрости учебных предметов.

Сегодня появился приехавший с юга, чрезвычайно загоревший Вадик Паустовский. Горячо встретили его.

На уроке русского языка Наталия Викторовна Стасевич исписала всю доску предложениями без знаков препинания. Вызвала Бориса Стариса.

— Расставь знаки. Пропустишь хоть одну запятую, получишь «плохо».

— Ставьте сразу.

— Учтите, ребята, это задание — своеобразная мышеловка. — Я вставляю с места:

— А кошка где?

Наталия Викторовна сделала вид, будто не расслышала. Наговорившись, вызывает меня к доске.

Я причесался, иду. Запятые, конечно,

все не смог расставить правильно. Но «плохо» не получил.

Мой брат придумал вместо дурацкого моего имени Люциан — другое, попроще: Людмил. Спрашивает:

— Что ты делаешь, Людмил? — А я отвечаю:

— Рисую, крокодил...

20 сентября 1940 г. Скоро выходной. И это радует. У нас появился новый учитель по истории. Сидим в классе. Звонок уже отзвенел. Открывается дверь, и входит качающейся походкой толстый, с густыми, как у пана Пилсудского, усами, очками в роговой оправе и оттопыренной нижней губой, этакий Карабас-Барабас. Зычным, цыкающим басом он поздоровался с нами в иронично-веселой манере. В классе хохот — много ли нам надо! Такое впечатление, будто он нарочно неестественным голосом гаркнул на нас. Реакция класса нисколько не удивила его. Я с горечью подумал: нет, ему не установить порядка, не совладать с нами. Молча дисциплину не наведешь, а если учитель раскроет рот и хоть слово вымолвит — ребята не удержатся от смеха. Но новый историк превзошел все ожидания. Простой, великодушный, всегда жизнерадостный, он быстро подчинил и умирил ребят.

— На чем мы остановились?

Ему сообщили. Учитель тут же, без всякого раздумья начал рассказывать дальше.

— Ребята, если я буду слишком много и утомительно для вашего не совсем зрелого сознания говорить, — сообщил он, — останавливайте, не церемоньтесь. Спрашивайте, если что не понятно. Не стесняйтесь прерывать вопросами. Даже подсказками. Это не только можно, а даже нужно. Меня не обидите. Наоборот, можете провести урок живо...

Предмет «история» у него — сплошной анекдот, но не развлекательно-пустяшный, а серьезный, подчас с сатирическими образами. И все понятно: факты, основная сущность событий.

— Я рассказывал, рассказывал, — делился с нами учитель, — а вы слушали, слушали. Но так мне никто ничего не подсказал и никто не перебивал. А зря...

На уроке я и Роня Зархин переписывались записочками. Например: «Зархин Роня — дурак и тихоня», «Шитов Люциан большой болван». На это ругательство я ответил: «Роня, не надо грубить, по себе о других судить».

А недавно на уроке физики, когда наш педагог рассказывал про особенности понятия «свет», слово попросил Лева Портнов.

— Все предметы,— сказал он,— отражают свет. Даже вечером и ночью. Но тогда и кошки тоже отражают свет. Значит, они в полной темноте видят?..

Портнов, когда задает вопрос, вытягивает жирафообразную свою шею, поднимает подбородок вверх. При этом выражение его физиономии подхалимское. Ребята кричат ему:

— Откуда ты знаешь, ты кошка?

Игорь Знаменский скромно вставил:

— Ему мама сказала...

Учитель физики у нас тот же, что и в прошлом году, не заменили. Первые его уроки проходили шумно, ребята озорничали, всерьез никто не интересовался предметом. Но физик постепенно добился послушания, сделал уроки занимательными. Я не перевариваю точные науки, к которым отношу и физику, но знаю этот предмет вполне сносно. Да и уроки физики всегда проходят не скучно. Вот учитель рассказывает про инфракрасные лучи. Я поднял руку, задал вопрос:

— Можно ли загорать без солнца, пользуясь, например, нагретыми электроутюгами?

Физик сперва высказался о том, в какое время шутки уместны, а в какое нет. Потом сообщил, что нежелательно путать инфракрасные лучи с ультрафиолетовыми...

Не знаю отчего, но у меня болит нога. Где именно болит, не разберу. Но что болит, и притом правая, это факт. Когда ходишь, такое ощущение, будто отсидел ногу. Коленка ее слабее, чем у левой. Что это за фокусы! Может, старость начинается?..

Сегодня был с Митей Дмитриевым в кино. Смотрели второй раз «Выборгскую сторону» с актером Михаилом Жаровым.

Листья желтеют сильнее. Все же осень — это замечательно! Тем более, что 22-го будет воскресенье.

21 сентября 1940 г. Во время урока немецкого языка я нахально, во весь рот, зевнул. При этом перекрестил свою пасть. Учительница вытаращила глаза.

— Ну, Шитов, это уже верх всякого нахальства!

— Извините, я не выспался.

Конечно, получил соответствующее

наравоучение. После урока еще добавила:

— Если ты вообще не хочешь заниматься немецким языком — дело особое. Но срывать уроки, мешать другим я не позволю.

Конечно, начал возражать: «Да как же так, да я нечаянно!..».

— Это что еще за мода: креститься на уроке! Такое поведение недостойно советского школьника, к тому же пионера. Школа не балаган, не цирк, не церковь. Ты был в Антирелигиозном музее? Он напротив.

— Был. Правда, без билета.

— Видел там результаты религиозного мракобесия...

И пошла, пошла проводить со мной воспитательную беседу.

— Ведь из тебя выходит какой-то дурачок, по-вашему, по-школьному,— балда.

— А кто не балда?

— Хотя бы Олег Шухвостов. Посмотри, с какой увлеченностью он занимается немецким языком. Бери с него пример.

— А как же Пушкин?

— Что Пушкин?

— Александру Сергеевичу как раз нравился балда. Он о нем поэму сочинил...

Ни о чем не договорились. А на мое замечание, что ежели педагог не способен организовать учеников и заинтересовать их своим предметом, то это совсем не тот педагог, какой требуется нашему передовому обществу, она сильно взволновалась.

— Ах, так! Можешь поднимать вопрос перед директором о снятии меня с работы...

Вот ведь какая чудачка!..

На уроке литературы Наталья Викторовна Стасевич, которая по совместительству еще и завуч школы, сверкая серо-стальными, слегка выпученными глазами, сказала сердито:

— Шитов, после уроков зайти ко мне!

В течение учебного часа наэлектризованная Наталья Викторовна в один присест вывела ребятам несколько плохих отметок. Потом предложила:

— Может, кто из вас хочет рассказать про поэтику былин? Это было как раз то, что я приготовил из домашних на сегодняшний день заданий. Встаю.

— Отметку поставите?

— Да.

— А можно не ставить?

— Иди к доске.

Вполне, как мне казалось, прилично изложил все, что помнил из прочитанного накануне. А так как больше ничего не знал, то стал импровизировать о философской сущности

былин и о поэтике как таковой. Закончил. Как ни странно, ответ Наталье Викторовне понравился.

— Ну как,— поинтересовалась она,— ставить отметку?

— А еще будете вызывать?

— Сегодня? Нет.

— Тогда ставьте!

— Ох, и хитрый ты парень!..

Все прошло благоприятнейшим образом. После уроков:

— Ты что натворил на немецком? — спросила Наталья Викторовна.

— Искренне сожалею о своем поведении. Осознаю, что оно было действительно глупым, недостойным советского школьника, к тому же пионера.

— Шитов, я на учительском совете промолчу. Но учти, что Шмидт такого не забудет. Тебе это может сильно помешать при вступлении в комсомол.

Фрау Шмидт — такая «челюснинская» фамилия у нашей учительницы по немецкому языку.

— Наталья Викторовна, но я же извинился!

— Беги вниз. Она там. Скажи, что ты, хорошо все обдумав, понял, что совершил ошибку. И еще раз попроси прощения.

Пошел. Но фрау Шмидт уже не было. Такой пустяк, и так раздули! А может, наоборот?..

Завтра едем на этюды. Дали согласие: Мила Адамович, Таня Лифшиц, Ника Гольц, Геля Коржев, Костя Карамян, Вовик Скумпе, Миша Стасевич, Митя Дмитриев, Вадик Паустовский, Сева Ильинский. Давать обещания легко, выполнять их трудно. Уверен, явится меньше половины.

На занятиях по скульптуре в зоопарке делал композицию «Медвежонок». Мучился, не получался медведь. Похож скорее всего на свинью. Подошел посетитель с маленьким сынишкой. Указывая на мою скульптурную работу, сказал: «А вот и собачка!».

23 сентября 1940 г. Распевая глупые песенки, снова шли знакомой дорогой. Из-под ног вылетали комья глины и грязи. А вокруг бесконечное фиолетово-коричневое поле. Нас четверо: Коржев, Батырь, Карамян и я...

В точно назначенное время пришел к вокзалу. Наших не видно. Неужели опоздал? Повернулся лицом к кассам. Ехать одному? И тут заметил Коржева, сидевшего со скучной физиономией на этюднике. Мимо шныряли

дяди, тети, дети, а он с абсолютным безразличием взирал окрест. Вскоре появился Жея Батырь. Время 8 часов 40 минут. Никого! Купили билеты. Идем к платформе. Поезд вот-вот отправится. Вдруг на нас с разбега бросается восторженный Карамян. Очень хорошо, на одного этюдиста больше. Проклиная девочек и всех, кто обещал, но не поехал, мы тряслись в тесном, переполненном дачниками и огородниками, как подсолнух семечками, вагоне.

Итак, мы тут, в ставшем родным Пушкино. Вдыхаем свежий, с легкой прохладцей воздух. Осень! Приятное время года. Как говорится в популярной песенке: «Осень, прозрачная осень...». Впереди ленточка светлого, словно порция мороженого, орошенного дождичком шоссе. По сторонам желтеющий, с темными пятнами хвойных деревьев лес. Встречаются грибники с корзинками. Свернули с дороги. Сразу погрузились в таинство дубрав. Плющ, кусты и кустики, обрывы, поляны. Совсем рядом с Москвой, а такая глухомань. И до чего, куда ни глянь, красиво! Всюду осень золотая. Тишь, лесные звуки, труднопроходимые чащобы, узенькие дорожки пешеходные, усыпанные по щиколотку красно-желтыми листьями. Что может быть привлекательней! Было много удобств из-за отсутствия девочек. Перешли небольшую речушку по деревцу, перекинутому на другой берег. Долго плутали, выскивая наживописнейший мотив. И ничего подходящего среди этого сказочного очарования не увидели. Безостановочно острили, вспоминали потешные случаи. Устроили даже диспут: кто как поступал в школу. И вообще, решили поделиться своими впечатлениями о школе. Первым высказался Коржев, за ним я. Получились рассказы занятыми, содержательными по портретным характеристикам. Язык во рту не держался, мы без усталости долдонили, спорили, орали. Захотелось пить. Воды минеральной или компота никто не взял. Ручеек, через который мы то и дело переходили, а иногда перепрыгивали, был мутноватым. Но все равно напились. Вокруг шуршит осенняя листва. Верхушки деревьев уже обнажены, что-то таинственное шепчут. Пробирались через нескончаемую просеку. Найденные грибы отдавали встречным дачникам. Наконец определили место, всем понравившееся. Начали работать. У Карамяна ничего не вышло. Он соскреба мастихином краску. Батырь, Коржев и я нашлапали по быстрому этюду. Двинулись дальше. Переправились через кусты, сваленные деревья. Величавые сосны, приземистые ели, стройные березы расступались перед нами. Набрели на

дорогу. Солнечные блики, пятнистая тропинка, ажурные тени от листвы. Чем не мотив! Но мы вроде бы заблудились. Снова повстречалась речка. Карамян при переходе умудрился опрокинуться. Измок, пришлось ему выжимать чулки. Я тоже выливал из своих ботинок воду. Пошли дальше. Набрели на старое знакомое место. Вот и шоссе. Перешли на другую сторону. Начали обсуждать проблему: «Что такое товарищество?». Подкрепляли доводы разбором качеств ребят, включая, разумеется, присутствующих. Всем попало. И Коржеву, и мне, и Батырю с Карамяном. Наговорили глупостей. Пришли к выводу, что если два приятеля сходятся в характерах, если у них одинаковые недостатки и достоинства, то они вряд ли станут настоящими друзьями. Если один дополняет другого, вот тогда-то и будет истинная обоюдозаботная дружба. В связи с этим, словно нарочно, обыгрывали существующие различия между нами. Товарищество наше только начинается!

Вышли на огромное поле. Коржев заявил, что здесь он остановится и начнет писать этюд. Карамян присоединился к нему. Меня и Батыря Коржев проводил через лесок на другое, тоже приятное место, возле большого огорода. Я примостился на заборе. Этюдник пристроил на перекладину. Батырь расположился внизу. Начал я быстро, но тут же запутался. И хотя в некоторой живописности этюду не откажешь, но — не то. Да и можно ли что-либо путное сотворить за тридцать минут!

Свернув этюдник, сказал Батырю, что пойду к Коржеву. Углубился в лес. Вскоре он закрыл меня со всех сторон. Так ли иду? Кажется, так. Но почему сюда с Коржевым шел минут пять, а тут четверть часа бреду, и никакой поляны. Остановился. Какие были самые высокие деревья? Кажется, вон та сосна. Обогнул слева сосну. Ура! Вот и поляна. Стадо коров на месте, а Коржева и Карамяна нет. Может, они отправились к Батырю? У него билеты на поезд. Иду обратно. Что за дорога? Такой не было. Пустынный лес, протяженная просека. Остановился, прислушался. Ни звука. Что за наваждение! Главное, убеждал себя, не суетиться, спокойно все обдумать. Продолжать двигаться вперед? Бесплезно. В какой стороне находится Батырь? Меня окружали хвойные деревья. Интересно, откуда они взялись? Взобрался на сосну. Ничего не видно. Чуть не сорвался. Куда идти? Услышал голоса. Пошел навстречу. Спрашиваю: «Где тут большой огород?» — «Вон там!». Послушался. Вышел на болото. Но раньше оно отсутствовало. Свистнул. Ответа нет. Увидел вдалеке сухое дерево. Когда

встречал его? Ба, да ведь Костя Карамян сказал, что, не будь этого дурацкого дерева, он бы начал здесь этюд. Значит, Батырь совсем близко. Опять выбрался на поляну. Коровы есть, а друзей моих нет. Смеркалось. Хотел повернуть обратно, но тут услышал свист. Ответил. А вот и басистый голосок Коржева. Отлегло на сердце. Встретились. Но ребята и не собирались уходить, продолжали работать. Пристроился рядом, начал еще один этюд. Раздался далекий фигуристый посвист. Мы ответили. Начались пересвисты. Это направлялся к нам Женя Батырь. Вскоре потемнело, стало холоднее. Упаковали принадлежности художественные, пошли на станцию. Дорогой придумали такую игру: кто-нибудь сочинял двустипшие. Следующий быстро отвечал, тоже двустипшим. Получалось забавно. Затем один начинал рассказ, другие продолжали, а последний выдумывал финал. Тоже не было скучно. На вокзале выпили сидро, купили два кило черного хлеба. Тут же принялись есть. Доедали уже в вагоне. Соседом оказался пьянчужка.

— Ишь, сколько цветов везут. Какой толк от них? А у меня грибочки. Это дело другое, закуска!..

Вскоре он задремал. Иногда, продрвав глаза, интересовался:

— Мытищи проехали?

И снова засыпал.

Вернулся домой поздно. Немножко попало. Отправились-то на этюды чуть не в семь утра. Но нам эта поездка в высшей степени понравилась.

30 сентября 1940 г. Недавно вместе с Коржевым и Батырем был в Третьяковской галерее на выставке рисунков Репина. Пришел в неописуемый восторг, не будучи уверенным, что смогу, когда вырасту, так же достойно и ловко рисовать. Бродили по залам, разглядывали дотошно каждый рисунок. Коржев молчательно переходил от одной работы к другой, уныло опустив голову и о чем-то думая.

— Все же Репин, — заявил он, — прежде всего рисовальщик. Что и говорить, рисует здорово. Ну, а живопись-то! Не совсем...

Спустились вниз, где экспонируется Константин Коровин. Женя Батырь фыркал. Ему, человеку деликатному, такая мазистость не по нраву. А я и Коржев восторгались. К выходу шли через залы, где выставлены шедевры Кипренского, Брюллова, Тропинина и других «гладкописцев» (выражение наших школьников).

— Нет, что бы я сделал, так это посжигал бы все эти скучные картины!

— Зачем! Лучше нарезать кусочками и

этюды на них писать.

— Правильно! Это благороднее, чем в печку...

Батырь слушал наши полушутливые, немного кощунственные разглагольствования и не мог понять: серьезно ли мы такие варвары или только прикидываемся.

— А вот этот женский портрет, кто автор-то, Заряно? Я бы Батырю подарил. На память.

...Вчера был в гостях у Мони Миркина. Живет он на улице Горького, в доме напротив Концертного зала имени Чайковского. Живут хорошо, зажиточно. Мама его круглая, толстенькая. В очках. Моня уже сейчас вылитая ее копия, хотя и без очков. Повзрослеет, совсем широким станет. Провожая меня, Моня спросил:

— Хочешь три рубля заработать?

— Обязательно!

— Пойдем напрямик через улицу Горького. Если милиционер нас не остановит, штраф не возьмет, считай — три рубля заработал.

Пошли. Действительно удалось перехитрить милиционера, сэкономить деньги...

Вчера я и на этюды успел съездить, в Сокольники. Там проводились массовые спортивные мероприятия, кросс имени Климента Ефремовича Ворошилова. Холодище ужасный, а физкультурницы и физкультурники в маечках и трусиках закаляются. Интересно! Народу уйма. И все больше молодежь. Красивые, живописные. Наверное, на эту тему буду делать композицию.

Сегодня тоже предполагались занятия по скульптуре в зоопарке. Я и Коржев пришли в школу без пальто. Скульпторша скептически оглядела нас.

— Коржев, Карамян и Шитов! Вы считаетесь прогульщиками. Все ребята поедут в зоопарк, а вы отправляйтесь домой. Я не хочу отвечать за вас, если простудитесь. В такой одежде работать на воздухе нельзя.

— А если у меня,— возразил Геля Коржев,— нет пальто. Есть шуба. Но рукава ее вот такие, мне по локоть. Мала стала.

Что ж делать! Высказали преподавательнице по скульптуре спасибо. И поехали на выставку в Зал "Всекохудожника" на Кузнецком мосту. Сильно не понравилось. Зачем делать столько композиций на политические сюжеты? Да еще так неряшливо. Сколько же холста перепорчено...

После выставки заглянули в изомагазин.

Костя Карамян спрашивает у продавщицы:

— У вас пластилин есть? — Коржев вмешался:

— Всякая мелочь желает в скульптуру податься. Не верьте ему, все равно не купит. У него и на трамвай денег нет...

Дальше Коржев предается фантазиям:

— Если бы я был в государстве главным лицом, которое все может, что пожелает, то прежде всего упразднил бы кондукторов и контролеров. Особенно последних. И милиционеров, конечно. Только нескольких оставил — для этнографического музея. Ну, а главное, надо резко уменьшить количество художников. Куда их столько развелось! Поедешь на этюды, глядь, а уже двое, по меньшей мере, сидят с этюдниками. Еще кого?..

— Врачей.

— Это точно. Их тоже.

Да, категоричность мышления свойственна юности.

3 октября 1940 г. Сейчас я много занимаюсь живописью. Рисовать тоже не забываю. Заработался до такой степени, что сам чувствую, как с каждым днем укрепляются силы. Все, что делал еще вчера, сегодня представляется бестолковым. Ни о чем, кроме живописи, и думать не хочется. Даже шахматы забросил, на шахматную базу в Сокольники не хожу, ни с кем не играю. Книги читаю лишь по изобразительному искусству, журнал «Юный художник» выписываю, вырабатываю в себе взгляды по художественным проблемам. Завел тетрадь специальную, куда заношу суждения о живописи великих мастеров.

...Сегодня была контрольная по немецкому языку. Я не поклонник изучения иностранных языков, тем более немецкого. Но пришлось тратить время на подготовку. Сел рядом с Таней Лифшиц (только на уроках немецкого языка позволяю такое). На три четверти списал у нее письменную контрольную. Конечно, маленько, чтоб избежать подозрений, переработал. Учительница во время контрольной меня не тронула, но отсадила Мишу Стасевича от Олега Шухвостова.

— Нет, нет, Стасевич, ты будешь списывать!

— А Шитов?

— Шитов теперь уже не тот!

Я делаю блаженное лицо и надеваю очки, которые принес в школу. Очки в солидной роговой оправе, но без стекол. Вид у меня сразу сделался необыкновенно умным.

...Сегодня появился приказ о платном обучении в школе. Ввели все же! Как не вспомнить поговорку: «Не было печали...».

Когда на улице осень,
А горло сипит от простуд,
Полезно, даже очень,
Написать на пленэре этюд.

Это я сочинил. Завтра после уроков снова пойду в Сокольники, благо рядом. Да здравствует живопись, да здравствуют этюды! Долой все другие уроки, включая литературу и былины про Святогора!..

4 октября 1940 г. Вчера с Вадиком Паустовским после седьмого урока пошел в суд. У нас должно было быть восемь уроков, последний — физкультура. Но мы заявили без тренировочных костюмов, и нас отпустили домой.

Длинная лестница. Поднялись. Примерно двадцать слева-справа комнат-кабинетов, где проходят слушания судебные. Сперва попали на дело ночного сторожа, который по причине сильно-алкогольного состояния не был допущен до исполнения служебных обязанностей. Вадика и меня приняли не то за журналистов, не то за фотокорреспондентов. Мы скромно прошли, стуча этюдниками, и сели в самый дальний угол. Событие рассматриваемое происходило в саду «Эрмитаж». Судья спросил, когда закрываются лавки и ларьки, мог ли там подсудимый напиться. Обвинитель отвечал невнятно, но можно было понять, что у обвиняемого лицо было красное, опухшее, сам он качался и норовил песни революционные петь. Судья сказал торжественно:

— Суд удаляется на совещание.

И широким шагом, один, вышел. Кроме него-то лишь секретарь-машинистка была. Сторожа оправдали...

Следующим было дело о женщине «легкого поведения». В ее комнате устраивались вечеринки, пьянки, подозрительные сборища. Она поссорилась с соседями. Кухня общая. В финале одной из бурных вечеринок на кухне началась возня, нецензурная брань. Это произошло в девять вечера. Через два часа опять возобновилась брань и матюганье. Сосед разбудил своих детей, пусть, мол, послушают, поучатся, как не надо себя вести. (Дети были свидетелями на суде.) Дождавшись, когда соседка и его матюгнула, сосед побежал за милиционером. Милиционер явился быстро и с женщиной обращаться начал не очень любезно. Она наотрез отказалась идти в милицию. И вот

результат — судебное разбирательство. Споры, пререкания, крики, слезы. А судья — женщина. Она явно симпатизировала соседу. Чем эта история, достойная кисти Тулуз-Лотрека, окончилась, не знаю. Мы покинули зал, оставив там много любопытных кумушек, гораздых на такого рода происшествия...

Случилось это в 1937 году, было мне 12 лет. Мы всей семьей отправились в гости за город, во Фрязино, к давней маминной, еще с гимназических лет, подружке. Ехать надо было по железной дороге, затем автобусом. Когда дожидались автобуса, хлынул дождь. Шоссе заблестело от воды, словно зеркало стало. Хоронились от дождя под навесом в воротах расположенного рядом завода. У отца под мышкой была книга. Она упала в грязь, вверх обложкой: Оноре Бальзак, «Новеллы». Отец, придерживая тубетейку, чтоб не свалилась, поднял книгу, очистил от грязи. Девушка голубоглазая, курносая, в замызганном рабочем комбинезоне, увидев обложку бальзаковских новелл, вскрикнула:

— Ой, какая книга!

Мне неловко стало за некоторое пренебрежение наше к таким книгам, которые остаются лишь мечтой (где их достать?) для обычных людей...

25 октября 1940 г. Сентябрь позади. Осень решительно захватила власть над природой. Один дождь сменяется другим. Похолодало. На уроках живописи окончили натюрморт, начали работать над эскизами композиций. На днях я со школьного балкона сделал за два часа небольшой этюд маслом Каляевской улицы. Получилось гармонично, но грязновато. У Писсарро в Музее нового западного искусства лучше. Несколько дней назад опять вылез на балкон, начал новый этюд, размером побольше. От холода стучали зубы, согревался энергичным маханьем кисти. За два часа окончил. Показал Хайкину. Он отметил недостатки. После беседы с ним продолжил этюд. Работал еще час. Учел замечания Павла Самойловича, улучшил пейзаж. А в прошлое воскресенье ездил на этюды в Сокольники с Мишей Голубенковым. На обратном пути возле Оленьих прудов встретили сразу человек пять с этюдниками и мольбертами, любителей живописи пленэрной. Всем им высказали свои очень категоричные суждения. Один пленэрист, уже взрослый, в шляпе к тому же, осерчал на мои слова... Делаю композицию «Суд».

Хочется дать характеристики ребятам

нашей подгруппы 4 «а» класса. А это: Натапова, Власова, Колобаева, Коржев, Миркин, Батырь, Пурыгин, Орлов, Карамян, Зархин, Жаринов, Старис, Недожаров, Портнов, Волков.

Роша Натапова. Внешне выглядит как мальчик — короткая стрижка с зачесом, скуластое лицо, не похожий на писк девчонок низкого тембра голос. На занятиях живописью, когда мы тратили время на обсуждение: чья работа лучше,— Натапова, не отвлекаясь на пустяки, сосредоточенно пыхла над натюрмортом. Хайкин, наш учитель, говорил: «Знаешь, почему у нее хорошо получается? Она цельно видит». По общеобразовательным предметам Роша отличница. Память у нее замечательная, у доски почти слово в слово могла повторить текст учебника, который лишь накануне бегло перелистала. Один раз Лева Портнов попробовал пошутить, чуточку поухаживать за ней, стал таскать Рошу за чубчик. И тут же получил оплеуху. Списывать задания не позволяла. «Нет, и не проси! Если хочешь, могу объяснить...»

Клара Власова. Скромная, крохотного росточка, она отличилась в прошлом году, на втором по счету натюрморте. Быстро, вместе с другими девочками — Натаповой и Колобаевой — выдвинулась в лидеры. С каждой постановкой совершенствуется. Техника у нее занятая — пишет разноцветными козявками-мазочками. Импрессионист, да и только!

Женя Батырь. Сразу выделился рисовальной сноровкой. Вместе с Моней Миркиным получил первую в нашем классе хорошую отметку по рисунку. Вид у Жени самый что ни на есть простецкий. Лоб в шишках, нос картофелиной, прическа «под бокс», одежда неприметная. Замкнутый в себе, молчаливый. Но хорошо развитый физкультурно, страстный болельщик футбола.

Моня Миркин. Круглый, маленький, с пухлым личиком, всегда в пионерском галстуке и бархатных, коротких до колен, штанишках — вот каким был Моня Миркин в год поступления в школу. Улыбающийся, смешливый, добрый. Везде, где он появлялся, тотчас звучали остроты, шутки. Переживает, когда у него что-нибудь не получается. Сейчас Моня повзрослел, говорит басом, но по-прежнему остался для всех друзей «пузырем». Обладает интересным, тонально энергичным рисунком. Из-за того, как надо и как не надо рисовать, у него возникают постоянные споры с Александром Осиповичем, нашим учителем по рисунку. Живопись Моня также считается одной из сильнейших в классе. Старательно учит уроки, аккуратно выполняет домашние задания.

Валя Пурыгин. Появился в Москве в середине прошлого учебного года. Замкнутый, внешне грубоватый, прямолинейный. Этаким деревенский (в хорошем смысле) парень, со светлыми глазами, выцветшими волосами, бугорчатым лбом и носом помассивнее, чем у Батыря. Из таких личностей и получаются, вероятнее всего, не эстетствующие болтуны об искусстве, а творцы, Суриковы. За самый свой первый рисунок гипсовой головы античного мальчика, выполненный куском графита, широкими тональными пятнами, он получил (что редкость) «отлично». На занятиях по живописи Валя однажды превосходно начал учебный натюрморт. Хайкин не уставал хвалить. Но Валя что-то испортил и тут же содрал всю живопись ножом. Потом опять хорошо пошло. И снова испортил. Попросил у меня мастихин, снова старательно счищает с холста краску. Вскоре загрузил, живопись ему надоела. И он сел на корточки на полу около мольберта, обхватив руками колени. На уроке скульптуры Валя тоже сперва сидел на полу в той же, любимой им, сосредоточенной демонической позе. После ругательных увещаний учительницы нехотя поднялся и сделал первый в своей жизни скульптурный этюд. Получил хорошую оценку. Его темперамент сказывался на всех спецпредметах. В Москву Валя приехал с Волги, из города Куйбышева. Живет в интернате.

Геля Коржев. Самый интересный человек в группе. Геля, Гелька, Гелий, без пяти минут гений. Отличается размерами своими — чуть не 190 сантиметров в высоту. И характерной манерой разговаривать, с шуточками, прибаутками. Где бы ни находился — всегда центр внимания и всеобщего оживления. Но у классной доски не способен с легкостью разговаривать. С друзьями же балагурит за пятерых, живо и интересно, на любую тему.

В первое время его живопись ничем особенным не отличалась. Он выказывал себя простаком, спрашивал: «Что такое ван-дик коричневый? Какого цвета ультрамарин? Можно ли разводить масляные краски керосином?». Постепенно работы его становились крепче, обрисовываться стали взгляды на искусство. И вовсе не поверхностные. Во мне в тот период произошел такой же перелом. Мы сдружились. После уроков я провожал его пешком до станции метро «Дом Советов». Геля недалеко там жил, в Зачатьевском переулке. Одинаково уважали одних художников, порицали, иногда резко, других. Геля был, пожалуй, чуть ли не единственным в нашем классе «мыслителем», имел собственные, нигде не заимствованные и

ни от кого не услышанные оригинальные мнения по искусству. Знаний наших и самоуверенности оказалось достаточно, чтобы в пух и прах расчихвостить любую картину любого мастера, да и работы однокашников тоже. Потом Геля ругал мои этюды, а я его. Обращали внимание и на отдельные удачные куски, которых у него было побольше. Спорили постоянно, везде — на уроках, в музеях, на улице. И обо всем. Коржев парень крепкого, упорного характера, беспредельно преданный живописи. Любит прихвастнуть, сам о себе сказать хорошо. Живопись у него цельная.

2. В канун войны.

Михаил Врубель.

Ах, Врубель, Врубель, какой мастер! Сколько притягательного в его искусстве. А ведь нас, сегодняшних школьников, родившихся в середине 1920-х годов, отделяет от Врубеля всего 15 лет. Книг много о нем. Один автор видит в художнике сказочного волшебника, превратившего краски в жемчуг. Другой представляет его безнадежно больным и несчастным. Третий — запутавшимся в пластических исканиях декадентом. Возможно, качества эти и присутствуют в какой-то степени в творческом облике Врубеля. Но на мой взгляд, самая главная его особенность — темперамент, живописный натиск. Ни одного сантиметра равнодушья! Каждая точка, каждый атом его произведений пронизаны взволнованностью обостренного чувства. Его знаменитый “Демон” — не пособие по рисунку и живописи. Это сон вещей о вселенной, не только о своей персоне. Мишень, куда художник выстреливает всего себя, все горестные мысли и ощущения, радость и печаль, раздор мечты и сущего. “Демон” во всех вариантах живописных и графических — автопортрет, второе “я” художника. Но в этом “я” включены и “мы”. Те, что были тогда, при Врубеле. Те, что сегодня есть. И те, что придут в грядущем. Врубель не был при жизни признан. Время сломало его. Но время, прозрев, выздоровев и одумавшись, оправдает Врубеля, усовершенствует понятия об этом дивном художнике.

Январь 1941г.

Павел Кузнецов.

Перед Новым годом на Кузнецком мосту открылась выставка Павла Кузнецова. Как к нему относиться? Я ходил по залам, задавал себе вопросы и сам же пытался ответить на них.

Кузнецов плохо видит цвет? Ах, бросьте, что вы! Работы Кузнецова

колористически безупречны. У него отсутствует цветовая грязь, фуза перетертая. Посмотрите, как он передает белую ткань. Это же целая симфония теплых и холодных оттенков. А с каким совершенством строит пространственных композициях дальний (преимущественно городской) план! Слово через стекло чуть замутненное, или вуаль воздушную лицезреет окружающее. Кузнецов не видит тона? Как бы не так! Замечательно видит. Правда, в картине “Азовсталь” дым фабричный светлее, чем дышащая огнем масса металла. Но именно подобными несообразностями Кузнецов и примечателен. К нему нельзя подходить с позиций азбучных профессиональных истин. В чем же дело? А вот в чем. Кузнецов подчиняет тон себе, своему настроению, поэтическому взгляду на прозу жизни. Именно поэтому живопись его певуча, лишена грубости. Лиричность его пейзажных работ достигается также тем, что Кузнецов иногда сознательно деформирует цвет и тон. Именно это обстоятельство придает им обаяние. Слабее портреты. И то лишь потому, что Кузнецова интересует не психология человека, а психологическая гармонизация цвета. Ну и конечно, нельзя не отметить некоторого однообразия живописной манеры. Все картины написаны в одном техническом приеме, одинаковы по обработке холста. В целом же, Павел Кузнецов оригинальный, жизнерадостный мастер. Искусство его музыкально и молодо.

16 января 1941г.

Александр Безыменский.

На новогодней елке в Колонном зале я получил приз за рисунки, выполненные с ходу цветными карандашами. Нас, призеров, смущенных и счастливых, вывели на сцену, представили публике, наговорили похвальных слов и одарили дружными аплодисментами. Потом, согнувшись, мы пролезли через затейливую, разрисованную восточными узорами, низкую дверцу в большую комнату. За длинным столом восседали унылые парни и монотонно спрашивали: “Где живешь? За что получил? Пройди дальше”.

Получивших премии было семеро, из мальчиков (и художников) я один. Слышался волнообразный гул из зала, музыка, бойкие возгласы Деда Мороза и Снегурочки. По левую от дверей сторону тренировались цирковые гимнасты. Тут же громко полоскали горло певицы.

Будущий бюрократ, лишь черед дошел до меня, растягивая слова, звонко спросил:

— Что получил?

— Авторучку, записную книжку, альбом для рисования. А главное, вот — шахматы с доской деревянной.

— Помедленнее, пожалуйста! “Книжка” через “ж” пишется, или через “ш”?..

Сзади кто-то фыркнул. Писарь начал оправдываться. А я стою, жду. В углу беседовали подтянутый командир с орденом Ленина на гимнастерке и коренастый, небольшого роста, пожилой, лет сорока, человек с маленькой плешинкой. Я узнал поэта Александра Безыменского, автора знаменитой песни “Молодая гвардия”.

Писарь вскинул на меня глаза и молвил:

— Не забывай Колонный зал. Пришли письмо Деду Морозу. Многие нам пишут, присылают рисунки, стихи. Адрес знаешь?..

Я понял, что напутствиями такими он провожает каждого. Завернув призы в газетку, направился к выходу.

— За что получил? — спросил меня, вытягивая голову в плечи, Безыменский.

— За рисунки.

— Так, это твои, значит, были. Видел, видел! Молодец. Художником будешь?..

И начал, обняв меня, рассуждать о высоком предназначении искусства. Он странное производил впечатление: широкий, грузный, слегка неуклюжий. Голова его, почти бизонья, казалась такой тяжелой, что становилось понятным, почему она втиснулась в плечи. Но при этом возникал вопрос: а шея-то куда подевалась? Он дышал табачным перегаром и все нравилось, нравилось... Наконец, пожелав мне счастливого нового года и успехов, простествовал дальше.

А я, погуляв немножко по праздничному фойе, вернулся в главный зал, где завораживающими огнями мерцала величественная красавица-елка. Как раз в этот момент Безыменский, стоя на сцене, декламировал свои стихи: “Вот она, молодежь, молодежь, окрыленная знаменем КИМа”. Как все поэты, он завывал и грозно поднимал руку, будто комаров ловил.

Окончив чтение, Безыменский вышел в фойе, где веселились, танцевали и приплясывали юноши и девушки. С одной стороны надрывался баян, рядом под аккомпанемент пианино кто-то тянул: “Лети на станицу, родимой расскажешь...”, чуть дальше мальчишеский голосок: “Гренада, Гренада...”. Налево кувырчался размалеванный цветами радугой клоун. И среди этого праздничного всеобщего оживленья, болтающихся гирлянд, россыпей серпантина ходил, заложив руку за борт пиджака, с видом комсомольского Наполеона Безыменский.

Девочки, завидев его, шарахались. О чем он думал? О чем может думать поэт, находящийся среди беззаботно веселящейся юной толпы?

В большом зале опять потушили свет, начались танцы. Безыменский направился туда. Вскоре он уже нескладно танцевал, явно опасаясь наступить на туфельки своей юной партнерши, что-то шепча ей на ушко. Неужто, стихи?..

Его узнавали, улыбались. А он, вероятно, и не понимал, что улыбки-то были ироничные.

Февраль 1941г.

Василий Бакшеев

(о березках и строительстве).

Василий Николаевич Бакшеев, седой старик, с зубами, вывороченными вовнутрь рта, глотая отдельные слова, рассказывал про красоту средней полосы России. Мы, человек пятнадцать учеников Московской средней художественной школы, находились в его мастерской. Пергаментно-желтыми руками с выпуклыми жилами Бакшеев ставит на мольберт большую картину, изображающую солнце, березки, снег.

— Ловите оттенки природы,— наставлял Бакшеев,— бесконечно любите ее. Что может быть лучше запаха земли, аромата леса. Как богата природа нашей Родины, какой здесь простор для творчества!.. Надо постоянно изучать природу, любовно ее штудировать, как это делали наши выдающиеся предшественники. Вот Левитан. Какой это был скромный труженик, какой взыскательный; требовательный к себе художник! Никогда он не был доволен своими работами. Однажды в Плесе, после этюдов, он сказал мне: «Не могу передать свое восхищение, эту простую, волнующую красоту. Не удается!». А ведь это говорил великий мастер. Природу надо изображать не как-нибудь, не с «маху», не в скороспелых нашлепках, а серьезно, вдумчиво...

Старик размахивал скрюченными руками и рассказывал, рассказывал про боготворимого им школьного друга Левитана, про значение пейзажа-картины, про то, что следует делать к каждой своей композиции натурные этюды. Его сморщенное лицо с белой щетиной усов и бороды блаженно улыбалось. Он всю жизнь писал тихую природу, пишет ее сейчас, и будет писать дальше...

Через большое окно в мастерскую вливался свет зимнего дня, виднелись крыши ветхих домишек, которыми богата Верхняя Масловка. Среди этих невзрачных старых строений высились недавно воздвигнутые

многоэтажные постройки. Шумят, трезвонят трамваи, в небо упираются скелетики подъемных кранов. А Бакшеев все говорит про березки, рощицы, последний снег и первую зелень, про задушевную пейзажную лирику...

Март 1941г.

В больнице.

Большая светлая комната. За окнами зимняя улица. Сквозь ветки деревьев видны спешащие фигурки людей. Они здоровые, могут легко двигаться, ходить, прыгать. А мы — нет...

Подметают пол, моют окрашенные синей краской стены. Здесь это делают часто, даже чересчур. Аж надоедает. Потолок высоко. И чистый. На всех предметах отпечаток больничной строгости. Возле каждой койки тумбочка, радионаушники.

Встретил меня парень на костылях.

— Перелом?

— Трещина.

— На левой ноге?

— Да.

— У всех на левой. Вот чудеса! Это пустяки. Через месяц лезгинку танцевать будешь!

Звать его Колей, студент финансового техникума. Черноволосый, с узкими, немного раскосыми глазами, выздоравливает.

— Что с тобой произошло? — поинтересовался я.

— В метро на лестнице, самой что ни на есть обыкновенной, оступился. И вот тебе! Сухожилия оборвал. Врачи дивились: “Да как же умудрился, почти на ровном месте!” Думали, хромым останусь. Но обошлось. Операцию сделала классно. Есть тут одна женщина-хирург. Мне говорили: “Это твоя вторая мама. Первая целиком тебя на свет произвела. А этой ты обязан ногой своей. Новая-то крепче прежней!..”.

Наша палата для больных с травмами. Около окна по левую сторону от меня лежит молодой рабочий. С зеленоватым цветом лица и удивленными глазами. Рассказывает украинские анекдоты и всякие истории про свои романтические, наверняка выдуманные, похождения. У него сломана ключица: поскользнулся на трамвайной остановке. Читает “Миргород” Н.В. Гоголя. В палате тихо; кто спит, кто отдыхает. Оторвался от чтения и долго смотрит в окно. Потом на всю палату как закричит:

— Ой, какой снег пушистый навалил!..

Читает с натугой. Видно, как тяжело ему каждая страница дается. Сам заявил, что образование у него хромает. Но от Гоголя пришел в восторг.

— Вот это писатель, настоящий! Как пишет, как пишет!..

Некоторые отрывки из книги зачитывает вслух, хотя никто его не слушает. Уж очень хочется поделиться с окружающими радостью.

Самый пожилой в палате — дедушка из Мордовии. Ему 76 лет. Пока находится в больнице, оброс белой колкой бородой. В Москву он пожаловал к сыновьям. Те его сперва водили по достопримечательностям столицы, а потом, направив дедушку домой, укатали на вечеринку. Как ни осторожничал дед, но все же угодили под трамвай. В больницу его привезли с сотрясением мозга, переломами ребер и ноги. Покойно лежать у него не получалось. Что-то выкрикивал, дергался и чуть не оборвал сетку, которой была обвязана его кровать. Все же однажды он вырвался из пут своих и поковылял к двери. Сестра заволновалась:

— Куда ты?

— В Саранск, поезд уходит!..

Сбежались санитары, уложили старика в постель. Но он снова выкарабкался и, усевшись по-турецки на тумбочке почти голым, начал вполголоса распевать унылого содержания песни. Опять привязали его к кровати.

Сейчас дед выздоравливает. Поперек лба шрам, нога срослась, но неправильно, дугой. А он острит:

— Ишь ты, на старости кавалеристом сделался!

Опираясь на спинку стула, учится ходить. Как-то вечером попросили его рассказать что-нибудь. Дед согласился.

— В русско-японскую кампанию, а я поваром служил, был у нас сильно злой фельдфебель. За каждую мелочь наказывал, рукам волю давал. И еще. Узнает, у кого денежки есть, начнет приставать, вымогать, пока не отдадут. Вызывает однажды меня. “Иди,— приказывает,— котел почисть”. Думаю, беда не велика, пожалуйста. Забрал котел, сажу на песочке, песни распеваю, чищу. Окончил, принес. Фельдфебель посмотрел: “Иди, сукин сын, обратно. Плохо!” Отправился обратно. Почистил еще. Снова принес. Фельдфебель повертел котел в руках. “Опять плохо. Обратно!” Тут мне говорят люди опытные: “Это он про деньги твой проведаль. Дай ему гривенник, пусть отвяжется”. “Чорта я ему дам, а не гривенник”,— отвечаю. И сызнава иду котел драить. Посмотрим, кто кого. Раз шесть, наверное, чистил, чуть не до дыр дотер. Фельдфебелю первому надоело. Врезал он мне по физиономии, сплюнул и ушел...

Напротив меня лежит Сашка, светлоголовый, голубоглазый. Когда улыбается,

показывает желтые, требующие срочного ремонта зубы. А улыбается он часто. По временам тяжело задумается, лицо его враз взрослеет, морщинками покрывается. В глазах неподвижных появляется боль скрытая. Он никогда не вставал с постели, разговаривал с врачами и сестрами, как давний знакомый, по имени называл. Рассказал про себя.

— Спешил на работу. Весна, солнце, птички поют, почки на деревьях. Под ногами лужи. А трамвай грохочущий весело расшибает их на множество брызг. Десятый номер трамвая, нужный мне, задерживался, нет и нет. Решил, пешком пойду, красотища-то кругом какая! Оглянувшись, едет мой десятый. Битком набит, на подножках груздями люди виснут. Эх, была не была! Прыгнул на ходу. Кому-то на ногу. Тот скривил рожу, отпихнул. Левая нога моя под колесо угодила. Оттолкнулся правой, чтоб высвободиться. И ее затянуло под колесо. Голову ободрал. Трамвай остановили. Любопытные кольцо выстроились. Машина техпомощи быстро, как показалось, прикатила. Подняли вагон, вытащили меня. А тут и “скорая медицинская” подоспела. В сознании был. Искал глазами в толпе того хама, который оттолкнул меня. Улетучился! Смотрю, а в руках у меня что-то находится. Оказывается, его фуражка. Вспомнил, падая, ухватился я за его голову. Отдал милиции. Санитары “Скорой помощи” небрежно схватили меня, а левая нога точно топором изрублена. Когда на носилки клали, через окровавленную бахрому брючины увидел собственную кость. Торчит, как полено. В больнице врачи заявили: нога, мол, раздроблена, придется ампутировать. Только тогда я и почувствовал по-настоящему боль. Ой, лучше и не вспоминать! Сдержаться не мог, матюгался вовсю. Вот, смотри...

Сашка сдернул одеяло и показал сиреневый обрубок ноги.

— Только из больницы вышел, протез наладил, сшиб меня автобус. Здоровую ногу переломал. И чего я так поправился транспорту бесовскому? Лежу уже несколько месяцев. Надоело, ох, и надоело! Но, говорят, вторая-то нога целой будет...

Иногда заглядывает к нам Лешка — ходячий, здоровенный рыжий парень. Прозвали его: “Светит, а не греет”. Подойдет к графину с водой.

— Можно принять двести граммов за ваше драгоценнейшее здоровье.

Глаза у него зеленые, уши маленькие, приплюснутые. Левая рука на перевязи — обварил смолой на заводе. В больнице больше двух месяцев. Тыльная часть ладони сгорела.

Пальцы высовываются из повязки.

— Видишь, пальцы крючком? Это мне первую повязку неправильно соорудили, теперь совсем не разгибаются. Все лечат, лечат, никак не вылечат. Хотят электротоком попробовать. Интересно!..

Кончики пальцев у него тоненькие, с только что образовавшейся розовой кожицей. Ногти обгорели и торчат головешками. У основания большого пальца дыра до самой кости. Охотно всем демонстрирует.

Как-то он спросил у Сашки:

— Помнишь шофера Григория? Он здесь дольше всех находился. Без икр, облился случайно керосином и загорелся.

— На коляске ездил?

— Да, да! Так вот, три дня назад сложнейшую операцию ему сделали. Думали, в живых не останется. Но обошлось. Родные, хотя это категорически запрещено, четвертинку водки ему принесли, поздравить хотели. Разумеется, втихую, чтоб никто не знал. Он на радостях-то выдул всю бутылочку.

— Ну, и что?

— Слабым еще был. Организм не выдержал. Вчера умер. Видел, как ногами вперед выносили...

Двери нашей палаты выходили в длинный узкий коридор, по которому степенно костыляли и пессимистично прохаживались разнообразные, с костью и без костью, больные; иногда шумно пронеслась с белым ночным судном нянечка. Коридор упирался одним концом в двери с табличками “М” и “Ж”, а другим — в женское отделение. Из нашей палаты прекрасным полом сильнее других интересовался Коля. Я встретил его в больничной читальне с девушкой, обладательницей чрезвычайно вспученных глаз. Жеманничая, она рассказывала:

— Скучища у нас, просто жуть! Одни старухи. И все на диете, манной кашкой питаются...

Коля вежливо внимал ее печалю и тут же начинал рассказывать неправдоподобные байки о себе. Девушка, как выяснилось, тоже была из Мордовии и даже перекинулась с нашим дедушкой парой слов на непонятном для нас языке. Попала она в больницу из-за любви к спорту, упала на катке, и кто-то проехался на коньках по ее плечу. Сознывая, что на фоне престарелых, седых и болезненных соседок она просто бриллиант безупречный, проводила свободные свои часы в читальне, выставив из халата свои тонкие ножки.

Беседовал с Колей. Подошла докторша, строгая и очкастая. Увидев на моей тумбочке

рисовальный альбом и книгу М. Дювала “Анатомия для художника”, сказала:

— Вот молодец! Не теряет времени даром. Анатомия наука скучная, но полезная, пригодится...

Ночью привезли к нам еще одного травмбольшого. Утром он долго кряхтел и охал, потом заговорил:

— Не могли бы вы сообщить, где здесь звонок? Он должен быть. Не знаете? Зря, очень зря. А у кого можно узнать? У нянечки? Благодарствую...

И тут же закричал:

— Няня! Умоляю вас, няня!

— Чего?

— Будьте любезны, ответьте: есть ли в этой гостеприимной больнице, а конкретно в нашей палате, звонок. Где он?

— На столе.

— Вот как! А я и не заметил. Увы, старость не всегда радость. Теперь буду знать. Имейте в виду, многоуважаемая, я почти не сплю по ночам. Этому в значительной степени способствует больная нога. Чтобы и вам не было скучно, каждые полчаса сообщайте, пожалуйста, мне время. Вы разбираетесь в стрелках часов?

— А как же!

— Замечательно. Дайте мне звонок. Так, так. Скажите, сколько времени сейчас?

— Без десяти минут половина восьмого...

Этот жизнерадостный старикан доставил нам истинное восхищение. Сразу по прибытии, еще ночью, его больную ногу взгромоздили на возвышение. Она находилась чуть ли не под потолком, перпендикулярно к горизонтально расположенному туловищу, и смотрела на нас свысока.

Во время утреннего врачебного обхода старикан заметил:

— Вы меня поставили, вернее, положили и расположили, в неудобное положение...

Пришлось переключивать. Старик продолжал вполголоса стонать. Его успокаивали:

— Ничего, ничего, скоро поправитесь!

— Пожалуйста, постарайтесь! Прошу вас. Я спешу, хочу присутствовать на открытии Дворца Советов, который, как известно, сооружается по проекту моего друга, архитектора Бори Иофана.

Старикан оказался чрезвычайно словоохотливым и без усталости говорил. Если не спал, то говорил. Спал мало, говорил не переставая.

— Молодость, молодость, где ты!

Трудно поверить, но мне уже семьдесят годков. По профессии я журналист. Всякое бывало. Много видел, многих знал. Некоторых лучше бы и не знал.

А остроумные, должен сказать, были люди. Например, Карл Радек. Каждый день с новым анекдотом приходил. Изрядно я и попутешествовал. Не только по курортам. В настоящее время — персональный, причем пожизненно, пенсионер. Месяц назад схватил крупозное воспаление легких. Лежал в Ростокинской больнице. Начал поправляться, попросился домой. Выписали. А дома, представьте, в ванной поскользнулся. Такой вот конфуз. И смех, и грех! На карточке моей, вот она на спинке кровати висит, написано: “Перелом шейки правого бедра”. Конечно, если уважаемые медицинские работники будут лечить шейку правого бедра, их старания непременно увенчаются крупным успехом. У меня-то левая сломана...

После вечерних наших разговоров сделал замечание:

— Сколько же, прости Господи, гадостей я сейчас услышал. Надобно, милые юноши, блюсти уста свои от злоречия и сквернословия. Грустно, очень грустно! Уровень интеллектуального и духовного становления у вас, простите меня грешного, явно не соответствует требованиям нашей светлой, устремленной в будущее эпохи...

Мы попросили его рассказать что-либо. Согласился.

— Одно испытываю затруднение: какие слова подобрать, чтобы доходчивее речь моя была.

Говорил он хорошо, таким тоном, что хотелось смеяться после первых же слов.

— Сидит Ваня. Перед ним палка из земли торчит. Его спрашивают: “Что, Ваня, делаешь?” — “Думаю” — “Это хорошо. О чем же?” — “Да, вот, воткнул в землю палку и не знаю, куда земля из-под палки девалась”.

Еще одна история.

— Понадобилось одному красавцу офицеру шпоры приобрести. Приходит он в лавочку торговую. “Есть у вас шпоры?” — “Только одна осталась” — “Ах, какая досада!” — “Но я советую,— говорит торговец,— все же купить ее”. — “Что я с ней, одной-то, делать буду?” — “А вы пырнете шпорой правый бок лошади, она тронется, и левый ее бок — тоже”.

...И вот я хромаю к выходу. Жаль покидать палату, к которой привык, занятых соседей. Придется теперь какое-то время, пока совершенно не поправлюсь, сидеть дома, среди однообразия бытового. А в больнице постоянно

происходят события. Там своя жизнь, каждый день что-то меняется. А главное, люди там простые, искренние. Они с одинаковой внимательностью слушают по радио хор Пятницкого и Пятуго симфонию Бетховена. Их веселит смех М. Зоценко, с глубокой серьезностью они чувствуют правду произведений М. Горького и Гоголя. Живут дружно, жалея одних, радуясь за других. И каждый на прощанье желает никогда больше не попадать сюда.

Зимняя, запущенная снегом улица. У трамвайной остановки смельчаки снова бесцеремонно на ходу впрыгивают в ужедвигающийся вагон. А на них осуждающе смотрит мрачными дырами окон кирпичное, старой постройки здание районной больницы. Вон там, на третьем этаже, где большие окна, наша палата...

Москва, март 1941 г.

Провидец.

Прислонившись к забору, я рисовал церковь. Шел снег, бумага размякла, карандашные огрехи резинка не стирала, лишь размазывала. Мерзли руки. Проходящие женщины смотрели бегло на меня, храм, вздыхали и, не заглядывая в мой блокнот, шли дальше. За забором слышались детские возгласы: «Аты-баты, шли солдаты...». Потом стихло. Вдруг я уловил сзади царапанье, сопенье и приглушенный смех.

— У-у-у, чего рисует!..

Поверх забора торчала мальчишечья голова в синей шапке. Вздернутый носик шмыгал в стороны. Мальчуган чихнул, спустился вниз. За ним последовал его приятель.

— У-у-у, церковь! Нашел чего рисовать. Я и то лучше умею.

— Да ну!

— Ага! — Он отставил ногу в теплом ботинке и добавил: — И моя мама лучше тебя рисует.

— А что рисуешь?

— Сталина. Спроси у Мишки, похож вышел. Верно? И Красную площадь, танки, самолеты.

— Сколько лет тебе?

— Скоро восемь. В этом году в школу пойду. Эх ты, большой,— продолжал малыш,— ты бы Кремль нарисовал, Мавзолей. А то церковь. А Ленина можешь?..

Он бойко затараторил, а мне оставалось только смущаться. Этот маленький человечек в наивной форме выразил, как показалось мне, такие глубокие идеи осмысления жизни и искусства, до которых не всякий начитанный

умник додумался бы. Я засомневался — стоит ли заканчивать начатую церковную зарисовку. Действительно, кому это сегодня нужно?..

Апрель 1941 г.

Степан Щипачев.

На вечер, посвященный Первомаю, был приглашен в нашу школу поэт С.П. Щипачев,— сын его, Ливий, учится у нас. В сером костюме, седой, со строгим, задумчивым, розового цвета лицом, он сидел в президиуме и беседовал тихонько с известным живописцем П.П. Соколовым — Скаля (чей сын Володя тоже у нас учится). И очень удивился, когда ему предоставили слово.

— Сейчас выступит писатель Щипачев!

Так и объявили: «писатель». До этого все докладчики разъясняли значение Первого Мая — Дня солидарности трудящихся всех стран, поздравляли нас, юных художников, с праздником. А Щипачев начал рассказывать про Москву — старую, дореволюционную. И новую, сегодняшнюю. И про ту, сказочную, что будет, про будущую. Говорил нескладно, с паузами. При этом как-то необычно улыбался, будто кончики рта его привязали к глазам, да так и оставили. Подбирая нужные слова, употреблял стихотворные обороты, но в прозе. Получалось занятно, даже смешно. Нам, конечно, не ему. На мой взгляд, выступил он все же хорошо, с чувством. Прочитал новое стихотворение о Москве. А окончил речь так:

— Сейчас я передаю слово присутствующему здесь писателю, только что завершившему книгу о нашей столице. Называется книга «Москва-матушка». Кажется, так?..

Писатель (я не расслышал фамилии) кивнул головой: мол, да, да, именно так! А поэт Степан Щипачев вернулся на место. Под аплодисменты зала. Наши ребята-вундеркинды всегда всем хлопают...

Май 1941 г.

3. Вставай, страна огромная!..

Война с Германией! Целый день по радио передают классическую музыку, марши, хорошие песни. На экранах снова появились антифашистские кинофильмы “Семья Оппенгейм”, “Профессор Мамлок”, “Александр Невский”. За газетами очереди, каких раньше и не видавали. Вечером обязательная маскировка окон, люди сосредоточены, озабочены, душевно тревожны, но все равно, какие-то весенние. Ходят группами, обсуждают с оживлением события. Сразу после радиоречи Вячеслава

Михайловича Молотова домохозяйки помчались в магазины за дефицитными товарами: сахаром, крупой, солью, спичками, мылом.

— Слышали новость? Какой ужас, какой ужас! Кто бы мог представить...

Уезжают машины с призывниками. Ребята бритоголовые, чуть навеселе, прощально машут руками. Прохожие останавливаются, провожают взглядами.

Возле призывного участка разноцветная публика. Несознательная мамаша рыдает, виснет на шее долговязого своего сынка. Тот тупо на нее глядит и лезет целоваться к провожающей его девушке. Много пьяных.

В гастрономе на Стромьнке очередь. Ругают вовсю Гитлера. Красноармейцев уважительно пропускают вперед.

В метро одна газета обслуживает, переходя из рук в руки, сразу человек десять. И только после возвращается к своему владельцу.

В Сокольническом парке...

— Смотрю я на небо ясное, летние облака, красиво разряженную толпу гуляющих, листочки зелененькие, и не верится, что в Москву пришла война. Хочешь мороженого?..

...На сквере останавливают зенитки. Собрались ребята, наблюдают за маскировочными работами.

— Давай, давай отсюда, проваливайте! Пушек, что ли, не видели?

Слухи разнообразны по городу поползли. И про инженеров, которых арестовали за то, что они взрыв на заводе готовили. “А завод-то какой! Аэропланские запчасти изготавливает”. И про то, что наши войсковые подразделения будто заняли уже Кенигсберг, к Берлину подходят.

Кто-то верил, соглашался. А потом дома обогащал полученные сведения желательными подробностями.

— Наши-то, говорят, Берлин и Гамбург вот-вот возьмут...

Другие вовсе подобную белиберду не хотели слушать.

23 июня 1941 г.

В три часа ночи объявили тревогу. На лестнице топот ног, двери хлопают. Вдалеке орудия ухают, пулеметные очереди. Улицы безлюдны. Небо серое, пустое. И вдруг:

— Над нашим домом самолет!

— Быстро, быстро, все в убежище!

На всякий случай люди одевают пальто, костюмы лучшие, забирают с собой деньги, документы, спускаются в подвал.

В бомбоубежище (не до конца оборудованном) женщины вполголоса спорят:

настоящая это тревога, или учебная.

— Как так учебная? Безобразия, вот что я вам скажу. А случись настоящая, кто поверит-то...

Бабушка с внучкой на руках. Девчушки беззаботно щебечут, обсуждая фасоны туфель. Раньше здесь было рабочее общежитие. Остались от него коричневатого цвета полуржавые кровати с досками вместо матрацев. Валяются кирпичи. В потолок уперлись свежеструганные бревна. В воздухе запах древесных стружек.

Появилась новая партия жильцов. Мужчина в светлой рубашке и подтяжках успокаивает дочку. Маленькие детишки устроили шумную возню. Взрослые зашикали на них. Постепенно исчезало сонное состояние. Потянуло на улицу.

Ни самолетов, ни взрывов. Желтая полоска над горизонтом расширилась, стала ярче. По небу мелкими оранжеватыми барашками поползли облака. Люди, выбравшись из подвала на свежий воздух, продолжали спорить, жестикулировать; наконец-то отбой. И все тут же рассыпались по своим жилищам.

Утром радио передало: “24 июня в Москве Штабом противовоздушной обороны проведена учебная тревога”.

На улицах появилось много людей с противогазами. Шагают с важным видом, поддерживая сумку на левом боку. Неужто, теперь на очереди уже не воздушная, а химическая тревога?..

Маленькие ребята помогают взрослым засыпать окна подвальных бомбоубежищ песком. А потом хвалятся друг перед другом мозолями на руках. Небо безмятежно-голубое, облачка легкомысленные, свежая листва. В такую погоду хорошо бы искупаться, а не думать о начавшейся войне. Но все напоминает о ней. Грузовик с песком и стройматериалами, прохожие в полувоенном, плакаты и воззвания на стенах и заборах, разговоры тревожные. Детишки спорят: “Сколько вчера мы подбили танков у немцев?”. Один заявил: “тридцать”, другой — “шестьдесят”. Узнав по радио, что Красная Армия уничтожила триста фашистских танков, захлопали в ладошки: “Вот, это да!”.

24 июня 1941 г.

Улица Горького, главная прогулочная трасса Москвы. По тротуару неспешно шествуют двое отменно одетых мужчин, в плащах из мягкой кожи и шляпах набекрень. С ними женщина в оригинальном зеленом пальто. Один из мужчин, длинный, в светлых брюках,

увлеченно рассказывает что-то своему коллеге, хромому, небольшого росточка — вылитый Джон Сильвер из фильма “Остров сокровищ”. Оба смеются. Прохожие оборачиваются на эту колоритную группу: “Вон, смотри, Лев Кассиль и актер Осип Абдулов!”. Кассиль поглядывает свысока на простой люд. Какой-то зевака крикнул: “Привет, Кассиль!”. Тот небрежно кивнул в ответ: мол, здравствуй, здравствуй, давно не виделись! Крикнувший зашагал дальше, светясь гордостью. Как же, он знаком с таким чрезвычайно замечательным писателем, который к тому же еще и радиокomentатор футбольный. И все вокруг это заметили!

27 июня 1941г.

Июль 1941 года. Пионерлагерь.

Автобус с веселой ребятней покидает столицу. Война войной, а пионерское лето — это пионерское лето, никто его не отменял. У каждого красный галстук на шее. Ветерок тормошит прически, глаза блестят. Мимо мелькают свежесывенные плакаты призывные, машины с красноармейцами. Москва позади. Волнения тоже. Впереди увлекательная, полная неожиданностей и приключений, но, наверное, уже без возвышенного романтизма, жизнь. Походы с ночевкой в палатках, работа в колхозе, посильное содействие местным жителям по хозяйству, купанье в речке под строгим надзором пионервожатых. И прочее, прочее. Отдыхать вряд ли доведется. Надо будет трудиться, помогать другим, страна-то в беде.

В первые дни рыли оборонительные траншеи. К этой повинности привлекались все отряды, старшие и младшие. Кроме того, вызволили из земли высоченную лагерную мачту; положив ее на травку, наладили шнуры для подъема и спуска флага. Затем водрузили мачту на прежнее место. Соорудили волейбольную площадку, укрепили столбы, ауты обсыпали белой известью.

Через неделю традиционный утренний подъем флага запретили. Не разрешили пользоваться пионерским горном и барабаном. Зачем и без того в беспокойное время столько шума производить! А вскоре вообще повелели спилить под корень мачту, снять окончательно красный флаг, свернуть шнур.

Физкультурник лагерный оказался малоподходящим. И возраст не цветущий, и болезни у него разнообразны, в основном, радикулитные. Никакого зажигательного примера продемонстрировать он не мог. Ни в гимнастике, ни в легкой атлетике. Только наблюдал, как мы занимаемся, и высказывал

ехидные замечания. Малыши, проявив бдительность, решили, что он диверсант, подсланный фашистами. Начали слежку за ним. Через какое-то время его отстранили от работы и отправили в Москву.

Новый физкультурник, остроумный, симпатичный парень, здоровяк, великолепный волейболист, играет в одной из команд “Динамо”. Сразу наша спортивная жизнь преобразилась. Стали заниматься бегом, прыжками в высоту, метанием гранаты, устраивать площадку для бега с барьерами. К тому же и баянист (а это одна из главных фигур любого пионерлагеря) у нас исключительный. Веселый, небольшого роста, похожий очертаниями на клоуна Карандаша. Это не мешает ему быть разносторонним музыкантом и технично играть в футбол.

Когда начались всамделишные, настоящие тревоги, нас, пионеров старшего возраста, поднимали ночью с кровати (ох, вылезать из под одеяла не хотелось!), ставили в кромешной темноте шагах в ста друг от друга в дозор. Ждали — а всякое могло случиться — высадки десанта вражеского. Ни зги кругом, холодно, какие-то звуки естественного происхождения — крики птиц, зверюшек. А потом и механического — немецкие самолеты летели бомбить Москву.

Во время воздушной тревоги, сидя на крыше, дежурные ребята поют: “Лишь только грянет бой, мы побежим домой!”.

4. Письма к другу. 1940 — 1942 гг.

Москва, Краснопролетарская, 38, Борису Р.

30-31 октября 1940г.

Бедный Боречка! Мне тебя жалко. С утра до вечера ты читаешь книжки, а в письмах столько ошибок ляпаешь! Впрочем, это отдельная (как-нибудь вернемся к ней) тема.

Тут я вылез из живописной аудитории на балкон и запечатлел маслом нашу милую Каляевскую улицу. На балконе встретил первый снег. Он сыпался на палитру, краски, перила, прическу мою и нос (даже на холоде не красный). Дрожа всем телом, стуча зубами, я приветствовал его. «Наши случайные встречи» — как поэт популярный тенор. Вот именно из-за этих «встреч» я и отправляюсь сегодня не в школу, а в поликлинику. И, конечно, в кино. Дело в том, что после свидания с первым снегом я начал хрипеть, покашливать и даже температурить. В поликлинике врач, угрюмый дядя с усиками, осматривал мое горло. Попросил сказать «А-а!».

Горло ему не понравилось. Завтра у нас живопись. И в школу я все равно пойду.

Только что вернулся из кинотеатра, смотрел «Музыкальную историю». Сидел нахально на двадцатом ряду за два рубля. Трогательный фильм. Представь себе, мне показался занятным не сюжет, не сценарий, а сама картина как таковая. Есть и удачные места. Больше всего понравился звук и все, что с ним связано, а также шофер Альфред. «Смейся, паяц, над разбитой любовью!» Не подозревал, что Лемешев так замечательно поет... Собираюсь, преодолев лень, засесть всерьез за географию и анатомию, отстал минимум на тридцать страниц.

Ты не удивляйся моей привычке писать письма. Я их сочиняю, когда есть время, а когда нет — не сочиняю. Как чувствует себя твоя футбольная команда «Трактор»? «Динамо»-то на первом месте!..

О контролерах. Ты наивный человек. Я, например, пропускаю всю публику вперед (хватило бы еще на один трамвай). А сам прицепляюсь около задней площадки. Еду бесплатно. Вагон битком набит. Метров за десять до остановки и появления «добробога дяди», соскакиваю и спокойненько шествую дальше. Недавно видел в трамвае пьяного. Он икал и добродушно улыбался, держа в руках коробочку с пирожными. Одет прилично. Был вечер. Стоя на площадке у дверей, он посылал воздушные поцелуи дамам, что на остановке. Когда трамвай двинулся, он переадресовал воздушные поцелуи женщинам, находящимся в трамвае. При этом не переставал икать и прижимать пирожные к сердцу. А вчера трясся на подножке с каким-то идиотом в шляпе. Он вез селедки, завернутые в короткую бумажку. Хвосты и головы селедочные торчали наружу. Народу было много. Одной рукой он уцепился за поручень, другой держал селедки. Я посоветовал, пока не поздно, съесть их, чтоб никого они не перепачкали. Но он предпочел соскочить с подножки и идти пешком. На память об этом чуде под ногами продолжала валяться скользкая селедка, из-за которой я чуть не рыпнулся акробатически, как динамовский вратарь Фокин.

Насчет живописи. Сейчас я срочно замазываю свои летние пионерлагерные работы. Они до того скверные и слабые, что и показывать стыдно. Правда, одну из них («Бочку водовозную») приняли на нашу выставку.

Опять заболел. Вчера ходил в школу. Сегодня воздержался...

Четверг (число не помню).

Вчера на уроке русского языка я ответил нашей учительнице Наталье Викторовне (она же завуч) на задание: «Придумай пример» — цитатой из рассказа Михаила Зощенко. Цитата ей не понравилась. Наталья Викторовна на меня и раньше злилась, а теперь и вовсе. Отобрала дневник, поставила по русскому «плохо» и написала в дневнике, чтобы пришли мои родители «для переговоров о поведении ученика 4 класса «а» Шитова Л.». Я сообщил родителям. В субботу он или она пойдут. По всей вероятности, влетит. Жду с нетерпением результатов. Извини, что долго не отправлял письмо.

Послушай, Босюля! Очень рад был видеть тебя на литературном вечере. И не очень рад, что ты молчал. Бери пример с меня. Я эту книжку писателя Р. Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» прочитал сразу, как только она вышла. И сразу же она напрочь вылетела у меня из памяти. С трудом вспомнил ее название. И то, видишь, смог вспомнить на обсуждении с критикой. Да еще на стул пришлось вставать для наглядности и солидности. Вообще должен тебе сказать, что Фраерману надо трамваи водить, а не книжки сочинять. Лично мне такие сентиментальности не по нраву. Жалею, что не успел поболтать с тобой. Я был (чтоб домой одному не тащиться) с ребятами из нашего двора, тоже вундеркиндами — Митей Дмитриевым и Роней Зархиным... У меня, знаешь ли, совершенно нет денег, даже на конверт с маркой. Хуже того, ребятам задолжал. Недавно купил квадратный метр грунтованного холста за 22 рубля 30 копеек и трактат М. Дюваля «Анатомия для художников», за 3 рубля 50 копеек, издания 1940-го года, редкое и полезное, тираж всего четыре тысячи. Достал через нашу школу...

Продолжение обязательно последует, ибо сегодня лишь 13 декабря 1940 года.

Боря! Захотел что-то сочинить? Напиши про то, как ты с пионервожатым Павликом ходил в соседний лагерь МТС и что он тебе по пути о своих похождениях рассказывал. Только помни вот о чем. Достоинство Мопассана (был такой замечательный писатель) не в «клубничке» состоит, а в умении согласовывать последовательность событий. Без лишних слов, фраз и действий он в своих коротких рассказах создает такие сильные образы, такие картины времени, так обнажает и клеймит окружающую действительность, что это надолго остается в памяти.

Я был маленьким мальчуганом, когда

по радио услышал рассказ про то, как одна богатая женщина одолжила своей подруге, очаровательной, но бедной, ожерелье на один вечер. А она его возьми и потеряй! И вынуждена была занять неслыханно огромную для нее сумму денег, чтобы приобрести новое, точно такое же. Она вернула подруге драгоценности, боясь, чтобы та не заметила подмены. Но надо расплачиваться с долгами. И эта несчастная женщина не отказывалась ни от какой тяжелой работы, стирала и прочее, прочее, быстро состарилась, превратилась в старушку. Однажды она встретила свою бывшую подругу, по-прежнему красивую и молодую. Подошла к ней, окликнула. Подружка отшатнулась, не понимая, что нужно этой жалкой дряхлой особе. Но потом узнала лицо прежней красавицы. «Что с тобою случилось?» — Та рассказала историю про ожерелье. Как потеряла его, как заняла деньги, купила новое, что делала, чтоб расплатиться с долгами. Ее подружка расхохоталась. «Чудачка! Ведь то ожерелье было фальшивым. И стоило гроши!..» — Погублена красота, похоронены мечты, думы, фантазии, испорчена вконец жизнь этой женщины, десять лет стиравшей чужое белье и принужденной жить в непростительной нужде. Рассказ этот мопассановский крепко действовал на меня и не выходил из памяти лет пять (!). Только в этом году, читая недавно изданный однотомник Мопассана (с чудесными иллюстрациями К. Рудакова), я наткнулся на него. Называется он «Ожерелье». Вот какая мощь заключена в нем!.. Когда вспоминаю этот рассказ, мне становится страшно. За то время, за Францию, где так легко можно погибнуть. Не жалей бумаги. Эмиль Золя мучился над одной фразой целый день. Гюстав Флобер переделывал каждую страницу бесконечное количество раз. Истрать десять листов ради одной строчки, но хорошей. Старайся фразы связывать между собой, беги мусорного. Закон большого искусства заключается в том, знаешь в чем? Наименьшими средствами выразить наибольшее. Все, что кажется на первый взгляд в искусстве и литературе простым, на деле является конечным результатом нелегкого труда.

23 февраля 1941 г.

С Новым, уже начавшимся годом! Каким-то он будет?.. Ты меня, наверное, извинишь, я это чувствую, за задержки. Ответ тебе написал еще в прошлом году, ровно месяц назад. Посылаю его вместе с этим письмом.

Каникулы зимние провел замечательно. Вот приблизительный перечень свершенных деяний.

1 января — кино. Ездил на улицу

Заморонова к Борису Силину.

2 января — уроки танцев у Б. Силина. Новогодний карнавал в школе, с девяти вечера до шести утра.

3 января — утром театр. Вечер снова у Б. Силина. Ходили в кино.

4 января — прогулка лыжная в Сокольниках. Вечером новогодняя елка в Колонном зале Дома Союзов.

5 января — опять лыжная вылазка в Сокольники. Ломаю последнюю пару лыж. Во второй половине дня — кино.

6 января — кино в нашей школе. Шлялись с ребятами по улицам. Вечером каток.

7 января — у Б. Силина. Третьяковская галерея.

8 января — снова у Б. Силина. И снова Третьяковская галерея.

9 января — еще одна новогодняя елка в Колонном зале. Бесплатно, а то бы не пошел. Получил там на конкурсе рисунков премию — турнирные шахматы. Познакомился с поэтом А. Безыменским. Очень от него табаком пахнет.

10 января — у Б. Силина. Посещение театра.

11 января — кино. Вечером вместе с Роней Зархиным ходил на каток.

12 января — все на свете. Опять каток.

За это же время успел создать композицию (работал дома). Сейчас она демонстрируется на общешкольной выставке. Написал пару этюдов. Сделал несколько карандашных портретов. Научился кататься на коньках. Сломал хорошие лыжи. Усовершенствовался (все относительно) в танцах. Получил бесплатно комплект шахмат с доской. Завел с десяток новых знакомств. Посмотрел все недавно вышедшие кинофильмы. Читал умные, а потому толстенно-объемистые книги. Каково? Вот это, я понимаю, отдых! Только такое времяпрепровождение, не сомневаюсь, может принести несомненную пользу.

После каникул не успокоился. В первый же выходной день (19 января) устремился на лыжах в Сокольники с Роней Зархиным (лыжи были его). Неудачно прыгнул с мелкого трамплинчика. Днем, часа в три Роня доставил меня на одолженных санках до трамвайной остановки. Домчался на трамвае до своей Стромынки и оставшийся путь прыгал на одной ноге. Вторая нога будто и не моя, наступать больно. Помню внимательные, понимающие глаза военного, который в трамвайной толкучке помог мне занять место поудобнее. Вечером отец отвез меня на такси в больницу. Сделали рентген — перелом (или трещина) левой голени

(лодыжки). С 20 января поселился в Остроумовской больнице. Наложили на ногу гипс. Долго не мог вытерпеть больничного прозябания и через десять дней отпросился домой. Гипс так и не сняли. Вернулся 1 февраля к себе на Колодезную улицу. Через несколько дней мог обходиться без костылей. Вчера сняли гипс. Завтра после долгого перерыва отправляюсь в школу. Ура! Но на улице без подпорки (трости) ходить не могу. Больше месяца не конфликтовал с учителями, аж соскучился! Пока болел, много читал: М. Горький, Л. Толстой, С. Скиталец, журналы

же отправлю.

23 января 1941 г. Ты знаешь, что такое зависть? Нет, ты не знаешь, что такое зависть. Я завидую всякому человечку, катающемуся сейчас на лыжах. А в больнице были люди, которые завидовали мне, потому что я мог ходить, вернее, передвигаться с помощью костылей. Существуют, однако, люди, которые никому не завидуют. Они довольны собой, ничего они не желают, ни к чему высокому не стремятся, сторонятся грозы и дождя, солнца и пыли. Это про них сказал М.Ю. Лермонтов: «Тот человек самый пустой, кто весь наполнен сам собой».

В. Иванов. Дерево. Б., кар., 19,5x13,5.
Москва, июнь 1941 г.

«Новый мир», «Знамя», «Молодая гвардия», «Интернациональная литература». В восторге от «Клима Самгина». «Воскресение» Л. Толстого понравилось меньше. Пробовал сочинять рассказы по больничным мотивам. Если не уничтожил их вчера, сожгу (?) завтра... Почему тебе не писал? Вначале не было конверта, но был клей. Потом не было клея (куда-то запропастился), но конверт так и не появился. Дальше я болел. Затем, глядь — ни клея, ни конверта, ни марки. Как найду (или куплю), тут

27 февраля 1941 г. Вот что! Получил твой рассказ. Возмущен до глубины души. Что это — издевательство над самим собой или обыкновенное, а значит, п у с т о п о р о ж н е е времяпрепровождение? Для кого и для чего ты сочинял? Пойми же наконец, литература меньше всего нуждается в хронике, перечне событий. Если выложил все, что накопилось в голове, то это не означает, что создал что-то значимое. «Выложенное» тобой требует чисто санитарной обработки и решительного редактирования. Представь себе — показывает трехлетний несмышлениш свои эмоциональные, выполненные акварелью с белилами, каракули. Что ему посоветовать? Если говорить про ошибки в рисунке и перспективе, указывать на несовершенство компоновки, слишком резкий колорит, то это будет глупо. Та же ситуация и здесь. Что сказать тебе? Нет предварительной обдуманности, целевой обусловленности писания.

Ты лишь фиксируешь свои воспоминания, и то хаотично, перескакивая с одного на другое. Язык безобразный, засоренный мусорными словами. Все это гораздо компактнее можно было расположить и раза в четыре короче. В одном из писем своих Г. Флобер жалуется: «Просидел четыре часа и не мог придумать ни единой фразы. За весь сегодняшний день не написал ни строчки, или, вернее, зачеркнул с сотню никуда не годных!». И в другом письме: «Бовари» продвигается туго; за целую неделю — две страницы!». И это признание писателя,

все свободное время которого (и не свободное тоже) посвящено писательству... А ты? Накатал часа за два кучу страниц — готово! С таким отношением к работе, труду из тебя не только писатель, но вообще никто не получится.

Ты спрашиваешь, какую я сломал руку? Левую. И не руку, а ногу. И она не целиком

характерами, типами. Как, какими средствами они достигают результатов. Почему их так высоко ценят? Потому что образы, данные ими, впечатляют, они выражают, отражают время. А время не умирает.

Спрашиваешь: а почему я не пишу? Много чувствую и понимаю, вижу порой то,

Л. Шитов. Водовозная бочка. 1940 г., х., масло, 13x22

сломалась, а только треснула. Лежал в больнице (гипс и прочее). Вот и все!.. Сейчас хожу без костылей и палок по улице. Немножко, еле заметно, хромаю. Не от боли, а скорее по привычке. Педагоги гоняют меня по всем предметам. Отстал за месяц. Опять камнем на шею висят немецкий язык, история, география, алгебра. Фу!!!

На весенних каникулах давай встретимся! Приеду к тебе в гости. Напоишь меня чаем? Много не надо, двух чайников хватит.

Ну, всего хорошего! Завтра контрольная по химии.

4 марта 1941 г. Буся дорогуся! Начинаю с места в карьер. Ты спрашиваешь: что такое образы? Как их создавать? Я, конечно, не Виссарион Белинский, но постараюсь объяснить. Собственными, заметь, словами.

Дело не в носе, не в глазках, не в деталях одежды, не в речах героев, а в том, что если ты пишешь, например, о мальчишке А., то должен думать не только о нем, но и о всех других встреченных тобой мальчишках, сходных по характеру с этим А. Но в А. ты обязан воплотить нечто среднее, наиболее характерное для данной группы. Читай и перечитывай классиков. Следи не за сюжетом, а за

что, как мне представляется, игнорируют другие. Это следствие занятий живописью. Но литературно писать пока не собираюсь, хотя пробовал. Мало видеть, чувствовать, понимать. Надо, чтобы твои чувствования и понимания соответствовали чувствованиям и пониманиям других. А пока для меня такая задача неразрешима практически. Подросту — другое дело. А писать «просто так» про «золотистые волосы», «ослепительно-белые зубы», про природу, включая осень, зиму, весну и лето, — не хочу! Это тысячи раз в самой превосходной степени воспето и перепето. Да и некогда. К тому же бумагу жаль...

Ты смотрел фильм «Валерий Чкалов»? Если бы актер Белокуров, игравший великого летчика, был совершенно не похож на Чкалова, то все равно можно было бы узнать его. Это означает, что артист стремится не к передаче внешних черт, а к раскрытию внутренней сущности героя. Вот как надо! Понял? Советую тебе завести блокнот. И заносить туда занимательные случаи, обрывки разговоров, анекдоты (желательно приличные), остроты, интересные фамилии. Прочти обязательно «Записные книжки» Ильи Ильфа. Я к тебе черт знает когда приеду. Черт знает, а я нет. Одним словом — свидания до!

Москва, Краснопролетарская, 38,
Борису Р.

Адрес отправителя: Москва — Уфа — Ишимбай, далее везде. Третья теплушка от хвоста. Мне.

16 августа 1941 г. Борька, здравствуй! Я в Уфе. Ты укатил в Энгельс или застрял? Если укатил, то это мое послание получит и переправит дальше твоя мама. Осталось нам совсем немного, через несколько дней прибудем в Ишимбай, а дальше — Мелеуз и конечный пункт школьной эвакуации — село Воскресенское. Первая партия наших ребят и педагогов уже там. Как живешь? Пиши на адрес школы. Довольно забавно ехать в товарной теплушке шесть суток, спать на ящиках и досках, умирать от жары днем, дрожать от холода ночью, питаться кое-как. На каждой остановке охотиться за кипятком и пытаться попасть в туалет. Иногда поезд останавливался в чистом поле. Можно было выпрыгнуть на волю, справиться, не стесняясь, нужду, нарвать цветочков и, даже если состав тронулся, догнать вагон и, держась за спасательно протянутые руки, взгромоздиться обратно в открытую дверь теплушки. Едут не только вундеркинды, но и целые семьи: мамы, бабушки, дедушки, сестры и братики. Тут же (а пространство вагона не перегороджено) ночные горшки, керосинки, тазики с бельем. Скучать, сам понимаешь, не приходится, суровая правда жизни денно и нощно перед глазами. Будь здоров! Учти, письма сейчас невероятно долго идут.

2 декабря 1941 г. Дорогой Борис! Рад, что ты в Энгельсе. Рядом Волга, Саратов. Счастливцев! Весной, как сойдет лед, хотел бы приехать к вам. Рад также, что ты устроился и работаешь. А мы, несчастные, все учимся. Некоторые друзья мои вознамерились ударить на фронт, не получилось. Другие собрались в Москву, продали свои вещи, договорились с родителями. И вдруг объявили — Москва на осадном положении. Учимся плохо. Ребята, которые раньше получали стипендию за отличную учебу, сейчас нахватили по три-четыре «плохо». Окончилась первая четверть. Половину уроков пропустил, не ходил, устраивался в общежитие, переселялся, то да се. Потом посещал, но не регулярно. Писал маслом, пока белила не закончились. Сейчас перешел на акварель.

Живем вчетвером: Геля Коржев, Моня Миркин, Гена Самсонов и я. Комнатка крохотная, четыре кровати, один столик, две табуретки. Свободного пространства нет. Рисуем и пишем, сидя на кроватях. Удобства во дворе, на морозе.

Зато есть (пока работает движок) электричество. В коридорчике печка, которая при наличии дров отапливает всю нашу избу (еще две комнаты на двоих и шестерых). При отсутствии дров (что чаще) очень холодно. Спим, не снимая пальто и валенок. Вечером оставишь в кружке воду, утром — лед. И тем не менее, дверь и одну из стен расписали. В духе ренессансных фресок Коржев изобразил мудреца с книгой и черепом. А я попробовал создать композицию на тему: как бы Репин написал свой автопортрет, если бы он был Ван-Гогом.

Размышляем над дальнейшими

Ира Аристова. Букет. 1941 г.
Б., акв., 16,5x11.

проектами, делаем эскизы росписей потолка и тыловой стороны печки, основная часть которой у соседей. Кормят сносно, пока живы. Разнообразия маловато: картошка, капуста, капуста, картошка. Но жаловаться грех, порой и мясо перепадает. У нас есть озорной (по прозвищу «эсэс») парень — Вовик Стожаров. Он в столовке при раздаче супа ежели увидит в одной из мисок кусочек мяса, плюет туда и кричит: «Чур, мое!». Хлеба 600 граммов в день. Неплохо! За питание полагается платить 90 рублей в месяц. Из 150 человек внесли плату только двадцать. Поэтому денежные переводы, присылаемые родителями, конфискуются директором. Но у меня осталось кое-что из

Женя Батырь. «Венцы». 1941 г. 19,2x14,6.

московских денег. Иногда заглядываю в местную столовую подкрепиться. Все те же жиденькие щи (вода плюс капуста). Вадим Паустовский, сын писателя, сразу покупает десять-пятнадцать порций, сливает воду и ест капусту... Скажу по секрету: у меня в одной четверти было сразу шесть оценок «плохо». Уже отчаялся. Чтобы исправить, следовало по каждому предмету осилить не меньше пятидесяти страниц. С ума можно сойти! К предпоследнему дню улучшил отметки по трем предметам. На следующий — еще две. По географии, видимо, не аттестуют, не ходил. Еле выкрутился!..

Готовим разные платные вечера для населения. Устраиваем концерты в сельском клубе. У нас тут почти профессионального уровня певцы, танцоры и танцовки, музыканты, акробаты, чтецы-декламаторы. Даже одна актриса Московского художественного театра Мариша Кречетова, старшая сестра нашей Кати Шиллинг. Мне доверили роль конференсье. Дебют прошел успешно. Помог котенок, выпрыгнувший на сцену. Я назвал его «Синдиком», взял на руки и советовался с этим игривым существом Синдиком по поводу исполняемых номеров. Все смеялись. Доход от концертов идет в Фонд обороны. Хоть как-то помогаем...

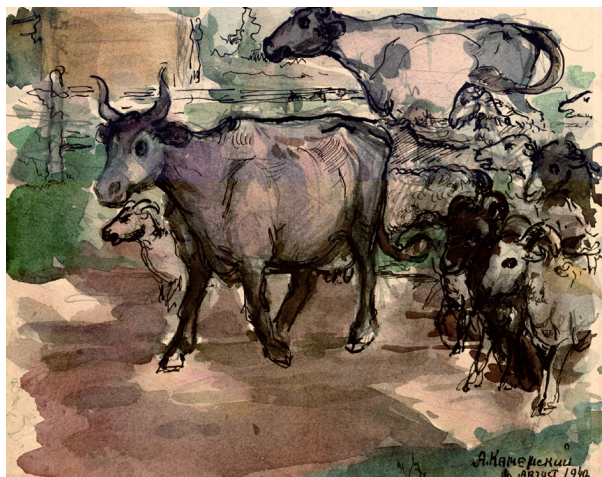
Сколько рублей стоят у вас сапоги? Есть ли горы? Разъезжаешь ли по улицам на лыжах?.. Здесь горы называются венцами.

Попробовал с одной на лыжах скатиться. Стою на верхушке, внизу — малюсенькие хатки, бревенчатые заборы, березовая заснеженная аллея, голубые купола церквушки. Человека от букашки не отличить. Из десяти попыток пять увенчались благополучно. Главная трудность заключается в том, что съезжаешь в несколько ошеломляющих мгновений, а обратно взбираешься полчаса. Физкультуру и лыжное дело преподает нам чемпионка страны по фехтованию Раиса Ивановна Чернышева. Мы зовем ее сокращенно: «Рапира». Учит желающим фехтовальному мастерству. Посмотрел тренировки. Чуть не уснул, скучно. Библиотека в школе чудесная, и благожелательная к любителям серьезного чтения библиотекарша. Листаю альбомы, редкие книги, читаю беллетристику. М. Горький, А. Франс, О. Бальзак, Г. Флобер, И. Тургенев, Мопассан, Д. Писарев, Г. Успенский, Ф. Решетников, А. Писемский, Л. Андреев — вот последнее из прочитанного. Заимел привычку — интересные высказывания и мысли выписываю в блокнотик. Поинтересуйся Леонидом Андреевым. Это писатель исключительной силы и обаяния. Я им сейчас увлечен. Не забывай Москву. Когда это письмо получишь, настанет уже Новый 1942-й год. Поздравляю! Выпей за здоровье всех (и мое) спиртику, если достанешь!..

22 января 1942 г.

Борька! Извини, долго не отвечал. Замечаю — тупеть начал. Не могу организовать время, заставить себя полноценно учиться. Это не от занудного существования. Надо откровенно признаться, живем мы ничего, просто замечательно. Главное, бесшабашно. На школьные уроки обращаем внимания столько, сколько корова на огнетушитель. Учителей уважаем не больше, чем уссурийский тигр Репина. Надеюсь, понятна степень нашей бессовестности и тупоголовства?.. По твоим письмам сужу — становишься сентиментальным. Зря!.. Сейчас надо жить, жить! Книг начитаться успеешь. Если нет других друзей у тебя, кроме всевозможных «в переплетах и без», то откровенно скажу: ничего ты не видишь вокруг, живешь ощущением собственного «я». Как амeba. Не думай, будто тебя порицаю. Пишу просто так, с искренним желанием уверить, что не забыл тебя, помню. Не попади в полынью, когда будешь кататься на лыжах!..

13 февраля 1942г. Дорогой Борька! Я, конечно, хам, и ты меня извини. Тронут чистыми твоими письмами. До меня дошли известия, что вы все скоро возвращаетесь в Москву. Искренне

А. Каменский. Рисунок августа 1940 г.; акв., тушь, 15х19.

завидую!.. С учебой не ладится. Учителя виноваты, что ли, или мы? А в общем, все не так, все не так... Нельзя сказать, что с живописью и рисунком, не говоря о композиции, у меня лучше. Успехов никаких. Все на свете надоело. Предпочитаю сидеть среди природы, нежели на лекции московского профессора о живописи. Единственное, что делаю с вполне понятной охотой — ем и так далее. На картошку (основная наша кормежка) меняем рубашки, штаны. В среднем, по два пуда на каждую единицу одежды. В свободное от приема пищи время думаем о жизни, шлепаем этюды, делаем зарисовки. В школе отсыпаемся на надоедливых уроках. Природа в Воскресенском обворожительная: на горизонте горы, много неба, остатки меднолитейного, старого, еще петровских времен, завода, разрушенная церковь, деревья, крикливые вороны, всюду жидкая черноземная грязь, перемешанная с мелким хрустящим шлаком. Весны и разлива речки не боюсь, плавать умею. Единственное

затруднение — в чем, лаптях или босиком? Не в дырявых же штопаных перештопанных валенках! Кстати, ты ходил в лаптях? Удобная обувка, легкая, не протекает. Лыко от влаги разбухает и затягивает все дырочки... Выброси из головы романтические бредни об отшельничестве, хижинах, реках и плотях. Не отчаивайся! Будь здоров.

2 марта 1942 г.

Дорогой Борис! Тронуло меня твое письмо, искреннее, а значит, хорошее. Понимаю тебя. Тяжко жить одному с такой наивностью и складом умонастроения. Трудно, когда опускаются руки, и хочется зажмуриться, уйти в сон, сказку, подальше от настоящего. Сложно перебороть себя, заставлять делать полезное, необходимое другим. Я еще мальчишка и не имею жизненного опыта, но советы люблю давать. Итак: меньше оставайся, как говорил Марк Аврелий, наедине со своими раздумьями. Перестань копаться в себе, анализировать

В. Пурыгин. Рис. 1943 г.; б., кар., 16,5х36.

поступки и проступки. Не обращай внимания, если задевают самолюбие, не мелочись.

Здесь, в Воскресенском, есть один славный парень, жгучий брюнет, наш сосед по общежитию, Коля Максютов (настоящее имя Рашид, но мы зовем его Максом). Он убежденный, до фанатизма, живописец, пейзажист, поклонник Левитана и сторонник пастозного, мелкими мазочками, письма. На жизнь смотрит обобщенно, с трезвым хладнокровием.

— Все нипочем,— усмехаясь твердит он, вытирая о светлые холщовые казенные штаны (своих нет) испачканную в красках

чихать!..

Вспомни, наконец, тургеневского Базарова: «Важно, что дважды два четыре, а остальное пустяки!». Так, пожалуйста, не драматизируй обстановку, подходи к жизни с легкой усмешкой.

Читай про сильных духом героев, чтобы после книг хотелось совершать значимые действия. Сочиняй! Но стихи брось. В стихотворстве, на мой взгляд, должно быть больше веселья, озорства, обыкновенного здоровья, а не нытья о личных переживаниях. Попробуй силы в прозе...

Борис! На днях состоялась лекция,

В. Пурыгин. Люциан Шитов. Воскресенское, 1941 г.; б., кар., 17,5x12,5.

кисть.— Не умру, и ладно!..

Вызывают его к директору, дают за полное пренебрежение к школьным урокам выговор, сообщают об этом матери. А он спокойненько:

— Не умру, и ладно. На остальное —

вернее, вечер воспоминаний московского профессора живописи Григория Михайловича Шегала (его дочка Ляля у нас учится) о Л. Толстом, В. Маяковском, И. Репине, М. Нестерове, С. Есенине, М. Горьком и Сталине Иосифе Виссарионовиче. Народу — ой, ой! —

В. Стожаров. Воскресенское. 4 сентября 1941 г.
Акв., 18,5x27,5.

пожаловала вся школа.

На небольшом возвышении за маленьким столиком, покрытом драпировкой из натюрмортного фонда, на фоне старого бурого ковра, сидел человечек удивительно мелкого роста с розовой степенной лысиной, края которой окаймляли серебристые волосики.

— Вы, будущие художники,— начал он,— обязаны быть людьми культурными, образованными, знать и понимать не только изобразительное искусство, но и многое другое. Например, литературу, философию, разные науки. Поэтому, надеюсь, вам небезынтересно будет послушать меня, человека немолодого, повидавшего на своем веку немало, лично имевшего счастье быть знакомым с такими гигантами русской культуры, как Лев Толстой, Илья Репин, многими другими выдающимися художниками, писателями, поэтами. С одними из них мои встречи ограничивались беседами, иногда продолжительными, других видел вовсе мельком. Обо всем этом я и намерен сейчас поведать.

Григорий Михайлович начал рассказ свой с Льва Толстого.

— Было это в 1904 году. Я, тогда пятнадцатилетний малец, жил в Туле, учился в мастерской гравирования. Целые дни резал штихелем по меди и дереву виньетки, рисунки, а по ночам самообразовывался. Буквально проглатывал книги. В то время я только что прочитал романы Льва Толстого «Воскресение», «Война и мир», «Анна Каренина». Пришел в восторг. Вот это сила! Я знал (да не только я, весь мир), что здесь, недалеко от Тулы, живет творец этих чудесных произведений. До Ясной

Поляны, где располагалась его усадьба, было верст сорок. Мы решили с братом идти пешком. Брат был постарше меня на два года, но менее активным. Отправились спозаранку. Пришли. Усадебный дом Льва Толстого, с точки зрения архитектуры, ничего примечательного не представлял. Хороший, конечно, но обычный. Полдень. Время обеда. Мы стояли возле громадного дерева напротив усадьбы. Видели через застекленную террасу, как проходили и рассаживались гости. Слуги проносили подносы, полные разной еды, услужливо открывали двери. Появился хозяин. Он был в простой полотняной блузе, впоследствии получившей название «толстовки». На голове темная бархатная ермолка, какие и сейчас носят академики. Слуги двери перед ним не раскрывали, Лев Николаевич отворял их сам. Это характерно для его настроений в тот период. Тогда Толстой проповедовал учение, имевшее религиозный оттенок, основанное на моральном самоусовершенствовании, неприятии цивилизации и идеях непротivления злу насилием, так называемое «толстовство». В домашнем обиходе Лев Николаевич подчинял свои поступки и поведение этим принципам.

А мы все стоим под деревом. Солнце печет. Прошло еще немного времени. Смотрим, выносят порожнюю посуду, тарелки, блюда. Гости стали расходиться. Я был счастлив уже тем, что мне, пусть издали, но удалось увидеть живого Толстого. Вдруг с террасы спускается он. Остановился, огляделся и направился к нам. Мы замерли. То ли от страха, то ли от радости. Лев Николаевич неторопливо, спокойной своей походкой приближается. Я подумал, если сам

Лев Толстой к нам идет, почему бы нам не сделать шаг навстречу? Встретились. От неопишемого счастья у меня отнялся язык. А Лев Николаевич смотрит мягкими улыбающимися глазами. У него был неприятный, некрасивый нос. И борода не такая густая и раскладистая, как изображает Репин. Она была реденькой, немножко жалкой. Наконец, я еле выдавил из себя: «Здравствуйте». Лев Николаевич ответил. И тут же предложил: «Давайте поговорим, побеседуем». Станным мне показалось: как это «побеседуем», о чем? Он прославленный писатель, мыслитель, граф, а мы кто? Угадав наши сомнения, Лев Николаевич спросил: «О чем беседовать? Вот, например, вас что-то интересует. И меня тоже что-то

левых социал-демократов в корне ошибочна. Я навсегда порвал с ними. Хватит заблуждаться! Теперь я анархист. Передо мной большой, светлый путь. Изучаю труды Михаила Бакунина». Этому корреспонденту оказалось всего шестнадцать лет...

В конце рассказа Лев Николаевич снова заметил: «Так что хорошо, что вы не интересуетесь политикой, хорошо. В вашем возрасте политика вредна...». Затем он похвалил меня за любовь к искусству и обещал подарить свою книжку о том, что такое искусство. Через несколько дней я получил письмо от помощника Льва Николаевича, известного толстовца Черткова. Он сообщал, что книга выслана. Письмо-то я получил, а книгу до сих пор нет.

Женя Батырь. Воскресенское. 1941 г., б., кар., 14x17,5.

интересует. Значит, мы можем обменяться мнениями, способны начать диалог. Поговорим о Боге, разуме, политике...». Я набрался храбрости и сказал, что Бог нас не занимает. А на политику (русско-японская война началась) времени нет совершенно. Потому что мы сильно заняты. И еще добавил, что мое сердце сейчас целиком принадлежит искусству. Выпалил я это невпопад, о чем заметил поздно. В те годы Лев Толстой как раз негативно относился к искусству, отрицал его, считая бесполезным и вредным. Но он лишь усмехнулся. «Это хорошо, что вы не занимаетесь политикой, хорошо». И рассказал про одного своего увлеченного корреспондента, который в письмах делился с великим писателем: «Ура! Я вступил в партию эсеров. Это воистину самая революционная партия!». Потом разочаровался. «Лев Николаевич,— писал он,— я перешел в ряды левых социал-демократов. Твердо убежден, что меня с этой партией может разлучить только смерть». А еще немного спустя: «Слишком поздно понял, что линия

Больше с Львом Николаевичем я не встречался...

Во время лекции в зале потух свет. Ребята не шумели, не свистели, сидели тихонько. Григорий Михайлович продолжал говорить в полной темноте. Внесли керосиновую коптилку со слабым дрожащим пламенем. Дальше речь шла о Сергее Есенине.

— Сидели мы, несколько художников и литераторов, в приемной известного издателя Ивана Дмитриевича Сытина. Было, не помню уж по каким причинам, совсем темно. Почти так же, как сейчас...

А надо сказать, что самодельная лампа на столе возле Шегалия света давала меньше, чем зажженная спичка, и лектор был еле различим.

— Так вот, было, значит, темно,— продолжал Григорий Михайлович,— ни лампы керосиновой, ни света электрического. Налево от меня сидел шустрый, артистического склада юноша. Я, обращаясь к нему, спросил, не художник ли он. Юноша ответил: нет, поэт. Я начал покровительственным тоном

расспрашивать, что он читает, что нравится, откуда сам. Юноша отвечал, что он из Рязанской губернии, из села Константиново. Отец его духовное лицо. Какое именно, я не запомнил. Впоследствии нигде не мог найти об этом упоминания. Из села своего юноша послал Сытину сборник своих стихов и получил взамен

то!.. Но рассказывал занятно. Про остальные его воспоминания, не менее увлекательные, напишу после...

21 марта 1942 г.

Друг Борька, не отчаивайся! Я, конечно, как все эгоисты, письма писать не шибко люблю.

А. Тутунов. Церковь в Воскресенском. 1942 г. Б., акв., 12x15,5.

двадцать рублей. Когда ж приехал сюда, друзья-приятели надоумили, что, мол, двадцать рублей ничтожно малая сумма за такие шедевры. Лучше вернуть деньги обратно. не позволять так беззащитно издеваться над собой. На мой вопрос: «Как ваше имя?» — он ответил: «Сергей Есенин». И сообщил, что из поэтов сильнее других ему нравятся Пушкин, Блок и Гумилев. «Печатались ли вы?» Он смутился. Оказалось, стихи его публиковались, но в малоизвестных газетах и сборниках. «А с собой есть стихи?» — «Нет. Да и темно. Но я помню наизусть». И начал читать. После первых же строк стало ясно — передо мной настоящий самородок, оригинальный, крупный поэт, лирик. Мне сделалось стыдно, что вначале так с ним разговаривал, словно учитель с учеником...

Тут Шегаль вошел в пафос и начал немного привирать.

— Я оглядел его с обостренным вниманием,— продолжал Григорий Михайлович.— Это был хрупкий, бледный юноша. Ну, вылитый сказочный Лель с белокурыми кудрями и ласковыми голубыми глазами...

Заметь, Боря, это все Шегаль в совершенной темноте разглядел. Вот глазастый-

А отсылать их тем более. Впрочем, ты сам знаешь. Но все-таки не обращай на сие внимания и пиши мне. Так же часто, как раньше. Обо всем. Собственно говоря, это же чрезвычайно интересно! Когда человек пишет не думая, он не врет. Вот и получается правдивая картина нынешней нашей жизни. И я буду иногда присылать тебе большие и, как всегда, умные писульки. Вижу, что Энгельс вполне культурный городишко, ежели там есть такое заведение, как «Фото». Рад был бы направить тебе мою физиономию, да в Воскресенском трудно сняться. Как и повеситься — веревок нет. Здесь всего два магазина. Один постоянно закрыт, а во втором, кроме продавщицы, ничего и никого нет. У нас предоставили отсрочку ребятам 1923-го и 1924-го года рождения. Они после первого июня отправятся в Москву (или что-то вроде). В армии будут делать фронтовые и прифронтовые зарисовки. Везет же некоторым, приобщаются к глобальным событиям времени!.. Судя по фотографии, ты поумнел. Шпарь дальше. Привет!..

10 апреля 1942г.

Борис! Увлекаешься Маяковским? Полезно! И в то же время нормально. Интерес к

нему так же необходим и обыкновенен в нашем с тобою возрасте, как игра «в войну» детишек-шестилеток. Это, по-моему, завершающая стадия превращения ребенка в так называемого юношу. Но мало читать Маяковского, его надо изучать, пробовать понять. А главное, помнить, что о своих недочетах лучше других говорил сам Маяковский. Может, он со стыдом вспоминал то время, когда ругал Пушкина и других поэтов, ставших классиками. Не ознакомившись с их стихотворчеством, нельзя уразуметь раннего

лет!..

24 апреля 1942 г. 11 апреля мне стукнуло семнадцать лет. Благо к Пасхе в сельпо давали водку. Встретили эту знаменательную дату с размахом, по-русски. Полным составом нашей четырехперсонной (включая меня) комнаты. Накупили и наменяли продуктов, сварили ведро супа, представь себе, с мясом, а кроме того, свекла, лук, картошка. Последней, разумеется, больше, чем воды — так вкуснее. Принарядились

Наше жилище. Воскресенское.

Маяковского. Позднего тоже.

Про Маяковского нам рассказывал Александр Шор, приехавший в Воскресенское к своей дочке Агде, старый музыкант и приятель (если верить ему) М. Горького, Ф. Шаляпина, С. Рахманинова.

— Владимир Владимирович, — говорил он, — жил на Красной Пресне, как раз надо мной, на втором этаже. Однажды собралось у меня интересное общество. Пожаловал и Маяковский. Я тогда молодым был, дерзким. Решил испытать, испробовать на отзывчивость сердитого, если судить по внешнему виду, поэта. «Что, — спрашиваю, — вам здесь нужно?» — А он влажным басом, трагически: «К огоньку пришел. Я всё, как Прометей, огонь ищу...». Маяковский постоянно острил, грубоватым казался лишь на публичных выступлениях. А в обществе близких людей был тихим, застенчивым. Сидел скромно, молчаливо слушал бурные споры окружающих, как бы впитывая в себя полезные замечания. У меня есть книжка Кнута Гамсуна «Пан» с рисунком Маяковского. Правда, плохоньким...

То, что ты, Боря, стихи сочиняешь — не вредно. Но и не особенно полезно. Тем более, сам знаешь, бумага сейчас товар дефицитный.

Завтра мне исполняется семнадцать

и даже умылись. Расселись чинно. Стол сверкает почти свежей скатертью. Водка в бутылочке подмигивает бликами. Привлекательный всесторонне натюрморт! Третье блюдо — большая кастрюля сладкого кофе, куда влили для благоухания полтора литра молока. Гулять, так гулять! Нажрались до чертиков. Лежали на спине и малоинтеллигентно рыгали в потолок. Уснули. Вечером проснулись, и осенила нас светлая, как башкирское небо, идея — айда к девочкам! Прихорошились и нырнули в ночь, грязь, темень. Зато в девичьем общежитии (именуем его «гаремом») ожидал нас дребезжащий патефон (с ассортиментом пластинок классической музыки, «Риоритой», песнями Вадима Козина и Георгия Виноградова), искристые глаза, доброжелательность, танцы при копилке. Корчились в танцевальном безумстве чуть не до четырех утра. Умиrotворенные, довольные собой, другими, вернулись к себе, повалились в кровати. А через три часа уже бежали завтракать в школьную столовку...

Весна будоражит чувства людей. Мы тоже люди. Пробуждающаяся природа укрепила связь (платонически, безгрешно, а не в фривольном смысле) между общежитием нашим и «гаремом». В любое время можем закатиться в

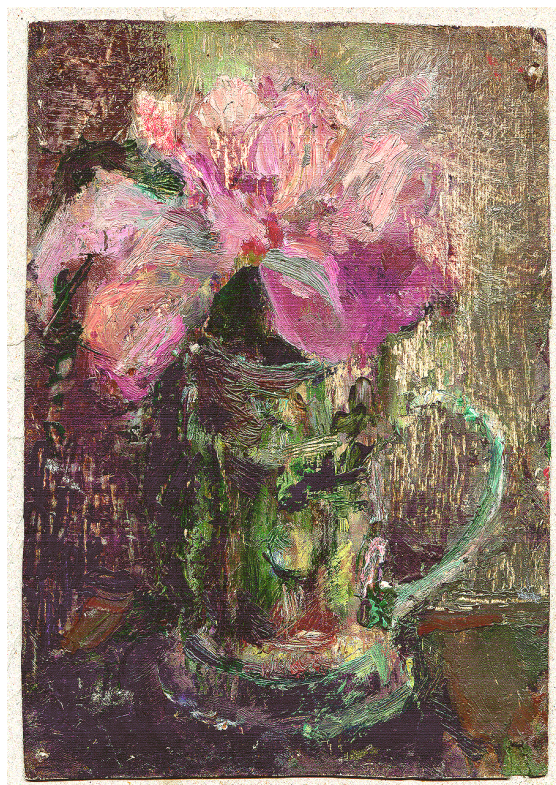
гости, шутить, дурачиться, галантно порассуждать о высоких материях, совершенствоваться в танцах. Здорово? И это в то время, когда где-то кто-то, не жалея жизни, воюет за Родину. В политическом отношении я отстал. Газеты не интересуют, передаваемые по черной, висящей в клубе радиотарелке сводки Совинформбюро тоже... Научился курить, на собственную шею. Сейчас стакан табака — девять рублей. Почти все рубашки (и прочее) сменял на картошку. А тут еще дополнительная забота. Достали на нашу комнату мешок махорки, вырываем из учебников страницы, крутим «козьи ножки». Дым коромыслом... Что ж, надо брать от жизни все, что можно. Как сказал не помню кто, может, даже я: «Быстро молодость промчится, так не лучше ли пока ею вдоволь насладиться: жизнь ужасно коротка!...». По утрам играем в перекидочку двухпудовиком. Любители тяжелой атлетики, а таких у нас не мало, утащили гиришку из тутошной бани.

Сорок Первое мая. Ознаменуем праздник пролетарской солидарности достижениями в учебе, серией вечеров, танцулек, а потом, как напутствует завучиха Наталья Викторовна, — в колхоз, на трудовые подвиги. Экзамены после. Три за одну неделю! Да какие: литература, алгебра, геометрия. Один предмет тошнотворнее другого... Чаше присылай фотографии — безразлично какие, хоть свою физиономию. Ведь в любом случае это живое напоминание о той, недавней жизни.

Дорогой Борис! Не сердись! Не поймешь меня, если узнаешь, что за три дня я умудрился сдать пять предметов. Скоро испытания. Вместо того, чтобы прилежно грызть, ориентируясь на учебник, науки, шляемся на горы, загораем. Иногда гоняют нас на сельхозработы, копать картошку. На душу приходится кусок поля размером пятьдесят метров на два — сотка. Его надо обработать за три часа. Делаем быстрее. Правда, насчет качества лучше умолчать. Видели зайца. Живого, к сожалению, а не жареного. Природа здесь дикая и странная. В свободное время играем в футбол. Я выступаю в новом качестве — голкипером, вратарем то есть. Кроме того, продолжаем менять последнюю одежду на махорку и картошку. Скоро будем щеголять в одних трусиках. Нам тоже выдавали сахар — 250 граммов на нос. Мы проявили изобретательность, накупили и наменяли куриных яиц (десяток — 35 рублей), целые дни крутили «гоголь-моголь». Пожалуй, это единственный случай, когда ребята увлеклись если не литературой, то уж «Гоголем» точно. В

начале мая усиленно читал. Только катастрофическое положение с отметками прервало это занятие. За десять дней «промахнул» треть «Войны и мира» Л. Толстого, «Евгению Гранде», «Утраченные иллюзии» О. Бальзака, «Очарованного странника» Н. Лескова, «Мещанское счастье» и «Молотов» Н. Помяловского, «Дневник» Н. Пирогова, статьи любимого мной Д. Писарева, — шпарил с утра до ночи.

За исход испытаний боюсь. В математиках ничего не смыслю... Не скужай, Боря! Нет спирту, хлебай одеколон. Скажу по секрету, мы уже пробовали — гадость. Читай Маяковского, он дядя хороший и целеустремленный...

Клара Власова. Букет. К., масло, 17х12.
Село Воскресенское.

29 октября 1942 г.

Дорогой Борис! Аполлон торжествует: в его сторонники вступил ты! Но Аполлон — мелочь. Народ будет рыдать и плакать, плакать и рыдать. И лить водопадом слезы. Возможно ли это? Это ли возможно? Ты — и вдруг художник! Даже не верится, что такое может случиться... Никаких советов нравоучительных тебе не преподам. Скажу одно — если ты впрямь поверил, несмотря на предостережения собственной природы, в свои художнические

возможности, захотел стать творческой личностью, не обращая внимания на учителей. На весь тот бред, который будут они внушать тебе: о форме, цвете, фактуре. Делай, как хочешь и что хочешь. Ежели это не по нраву другим — уже хорошо. Истинное искусство, поверь, или восхищает, бросает в восторг зрителей, или

активно бороться за социалистический реализм. Ура!..

Село Воскресенское.

5. Литературные опусы

(с. Воскресенское).

Винючник торжества.

Она, она голодная была...

Т. Скородумова. Воскресенский детдом и футбольное поле. 1942 г.
Акв., 16x26,5.

заставляет их негодовать. С точки зрения эстетической — то и другое равноценно. Цель художника — воздействовать на людей. Как? Безразлично! Важно, чтобы зритель либо бесился от возмущения, либо плакал умиленно. Далековато, конечно, я заехал в своих рассуждениях. Но все, что сказал, относится к зрелым художникам, а ты пока ученик. Ученик не учителей, а самого себя. Учись у себя, учись у других, у товарищей. Учись, но не подражай! Будет трудно. Но если у тебя есть хоть на пятак таланта, и если ты выдержишь этот естественный, но жесткий отбор, то нечто толковое должно из тебя получиться. А нет — значит, так предопределено судьбой, останешься сапогом. В любом случае времени истраченного жалеть не придется. Вспоминать его будешь, как самое золотое в своей жизни.

Ты спрашиваешь, что читать про изобразительное искусство? Ничего. По крайней мере, поменьше о Репине и прочих Крамских. На первых порах это вредно. Попробуй узнать что-либо о Матиссе, Сезанне, Клоде Моне. Из наших мастеров, надеюсь, тебя заинтересует Сарьян и Павел Кузнецов. Сперва учись у них, а потом краешком глаза можно глянуть на Сурикова. Кстати, я вступил в комсомол. Буду

Ветер скрипел ставнями. Из окна приземистой избы опрокинулся луч света и зажег лужи сиянием, дождь порывами хлестал морду продрогшего Джульбарса, и в глазах собаки печально отражалось мерцание хиленькой лампы.

Утром грязь подморозилась, черная земля покрылась инеем, небо, вчера бурное, успокоилось. Хотелось есть. Как всегда. Обойдя избу, ничего вкусного пес не нашел; проснулись люди. Они выскочили полуодетые, грубо гоготали, кидались осколками шлака в умывальник. Увидев Джульбарса, принялись швыряться в него. Один камень попал в бок. Пес взвизгнул и убежал через дыру в заборе.

Усевшись возле дверей массивного деревянного строения, Джульбарс лизал ранку. Он знал, что это столовая, или, как ее здесь называют, «Сельпо». Сюда вчера привезли мясо. Попробовать бы!

...Схватив увесистый кусок, Джульбарс выскользнул наружу. Свирепые голоса преследователей настигали. Осталась одна дорога: через знакомое отверстие в заборе на двор школьного общежития, откуда его прогнали утром. Запах мяса кружил голову, кусок весь извалялся, оставаясь по-прежнему вкусным.

Вдруг Джульбарс вновь увидел вчерашних знакомых. Они, размахивая деревянными ящичками, меланхолично разглядывали, задрав головы, верхушки деревьев и, казалось, ничего больше не замечали. Но один обернулся и хрипло воскликнул:

— Смотрите!

Сердце Джульбарса екнуло. Сейчас прогонят его обратно. Ой, ой, только не туда!

— Пырьай мастихином!

Беленькое липовое полено пролетело над головой, стукнулось о забор и, отскочив, резко ударило Джульбарса.

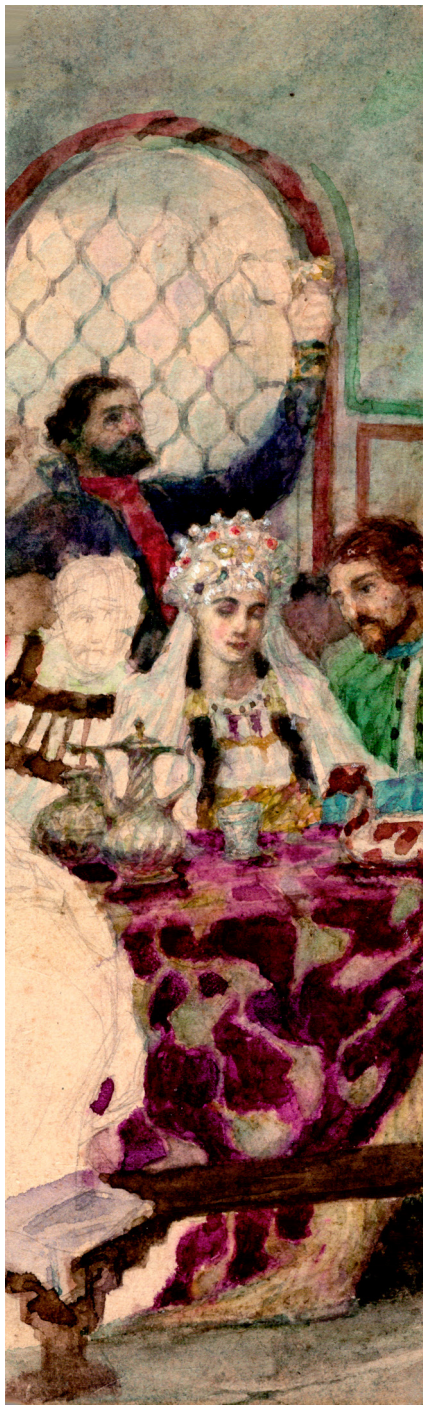
— Тащи мясо! Ишь, какой кусище...

О, если б имел он прежние зубы и прыть! В бессильной злобе Джульбарс бросился на обидчиков, но они отпихнули его. А когда захотел вернуться к своей трудно заработанной добыче, то увидел, как долговязый лохматый тип бережно тащил в избу вожденную мясную кость.

Ветер снова гнул ветки деревьев. Луна безучастно смотрела на хлябь. Блеклый свет керосиновой лампы отражался в лужах. Крупными слезинками падали с крыши дождевые капли. А за крохотным оконцем мельтешили силуэты жизнерадостных оболтусов. Они спорили на возвышенно-романтические темы, энергично размахивали руками, копошились у печки. Пахло подгоревшим мясом.

Вскоре парни выскочили на двор, стали дурачиться. Тренируя меткость (а вдруг, пригодится!) швырялись в умывальник. Заметили пса.

— Вот он, виновник торжества! Сидит, облизуется...

В. Иванов. Пир.
К., акв., 19х6. 1941-1943 г.

1941г.

Прошло еще несколько дней. Опять за окном общезнания суешились фигурки людей. Они устроили “благоухон” (это их выражение), торжественно праздновали день рождения своего школьного товарища. Пригласили и любимого преподавателя. Угощали его картошкой с мясом прямо из прокопченного, снятого с жаркой печки большого ведра. Правда, хлеба не было, но соль достали.

— Вкусно? — спрашивали ребята у учителя.

— Отменно, отменно! — отвечал он, потирая веснушчатые руки.

— А как мясо?

— Мне нравится. Это кролик?

— Нет, Джульбарс.

Холодало, моросил противный дождь со снегом.

Февраль

1942г.

Стихи тех лет

Всем, всем!
Помни, гражданин
любой:
тыл — это фронт
второй.
Упорной работой
честь называться
бойцом
заработай!
Солнце осеннее,
лучись,
сердца людей жаль.
У героев фронта
учись,
им подражай.

6 октября

Сложноцвет.

Состав бежит.
Поля, поля.
Дрожит вагон.
И вечный стук.
Нас солнцем встретила
башкирская земля,

Верхний ряд (слева направо):
В. Пурыгин, А. Китаев, М.

Нижний ряд:
Л. Чибисов, М. Дмитриев, Р,
Максютов.

пожатым
цепких черноземных рук.
Нам стог улыбкой
желтой засверкал,
в широкие объятия
приняла нас степь...
А там?
Там Гитлер вел
громил лихие банды,
и в небе над Москвой
фашистский “юнкер” выл.
А мы?
А нам сказали:
— Вы таланты.
Сидите и рисуйте

без сильных выражений.
16 марта 1943г.

6. Из записных книжек

Вчера ближе к вечеру пожаловал к нам в общежитие А.О. Барщ. Он сказал Косте Карамяну:

— Мочись у крыльца аккуратнее, клуб затопишь!

Мы в полемику не вступали, отмолчались. Хотя, конечно, потерять клуб, где устроено временное наше здесь пристанище, не хотелось. Александр Осипович продрог, дрожал, пощелкивал зубами. Широкие плечи демисезонного, не очень теплого его пальто,

В. Захаркин. Воскресенский мотив. 1942 г. Б.,масло, 10х14.

до конца войны.
Гарем.

Комнатушка
темная, как ящик.
Одной коптилки
на все углы
не хватит.
Музыкой встречая
всех входящих,
патефон скучает
на кровати.
Девичий уют в коврах разбросан,
на веревке сушится чулок.
Изогнувшись ласковым вопросом
чья-то тень колеблет потолок.
Нахмутив лица,
по такому случаю умытые,
рассматривая собственные тени,
каждый вспоминает
немножко позабытые
слова

обмякли. Из поднятого воротника высывалась тощая, совсем не спортивная, с жировидной шишкой сзади, шея. Вид имел наш наставник явно не героический. Утром, когда мы рисовали в школьной аудитории голову натурщика, Александр Осипович сделал замечание по поводу недоброкачественного поведения Жени Лобанова. И получил произнесенный совершенно спокойно юношеским баском ответ:

— Бросьте трепаться!

— Что? Повтори, что ты сказал?

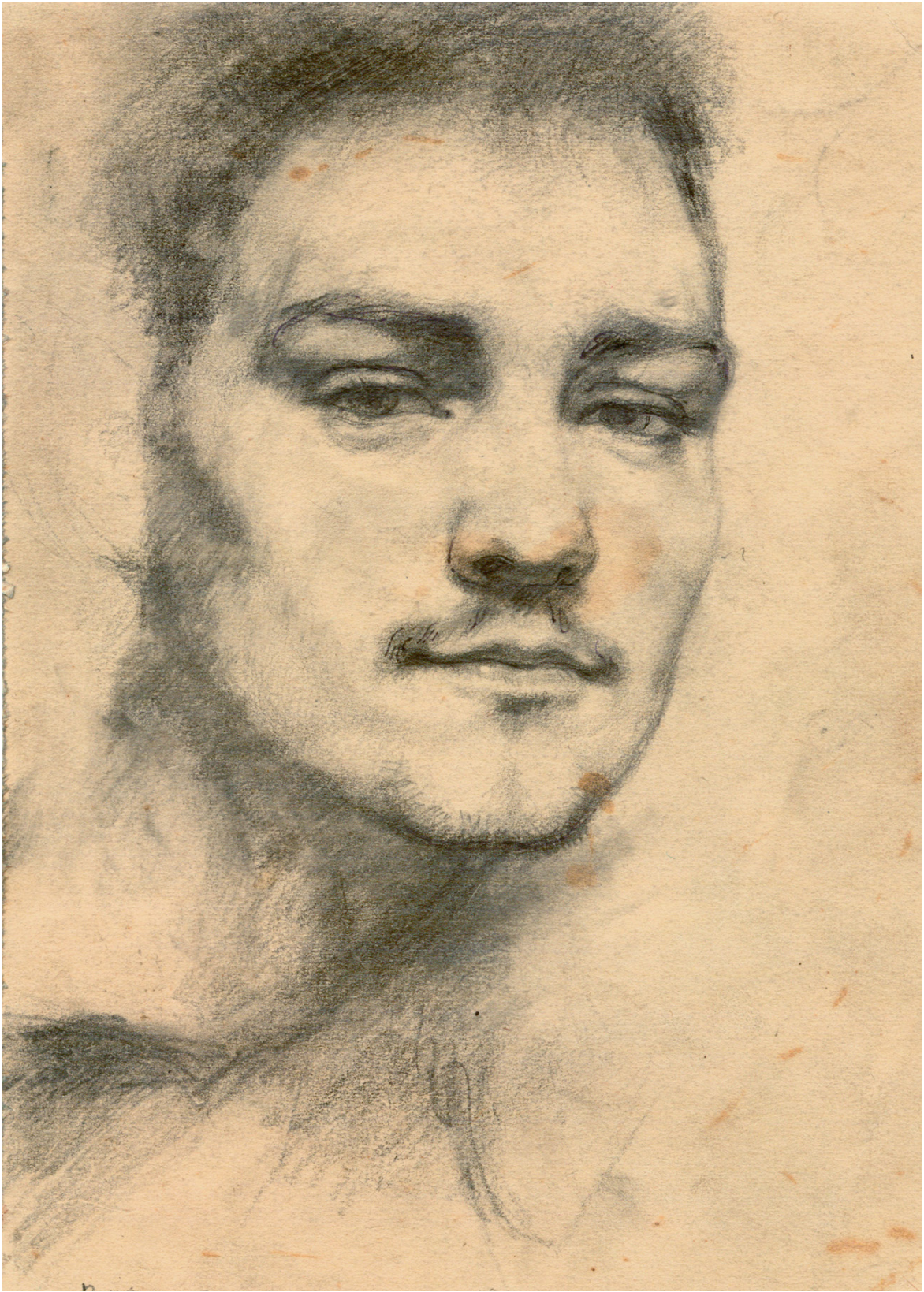
— Бросьте, Александр Осипович, трепаться...

Сегодня Лобанову объявили выговор.

Утром изморозь. Лес на горах задернулся облаками, будто откусан сердитым небом. Через дорогу (грязь не затвердела) перебраться невозможно.

2 октября 1941г.

Пришел Валя Пурыгин.

В. Иванов. Автопортрет; с. Воскресенское, 1941-1943 г. Б., кар.20,8x14,5.

— Деньги есть?

— Есть.

— Знаю, сейчас скажешь : вот тебе три рубля и катись. А мне надо рублей пятнадцать, не меньше.

— Есть и пятнадцать. Дам.

Оказывается, у Вали стащили все его сбережения, рублей шестьдесят.

— Как приехал, оставил чемодан в коридоре. Деньги и кулек с конфетами далеко не

Женя Батырь. Наша комната в Воскресенском.

засовывал, сверху положил. Чуть погода открыл чемодан, глядь: пусто. Уперли!..

По распоряжению школьного начальства мы должны, помогая общенародному патриотическому делу и героическому фронту, трудиться с энтузиазмом до середины октября в колхозе. Валя решил воспользоваться паузой в обязательных занятиях и укатить домой, в город Куйбышев. За красками, теплой одеждой. Война-то вряд ли через две недели закончится.

— До Ишимбая,— делился он планами,— доберусь пешком. Это километров сорок пять. Затем — Стерлитамак. А там, прямиком, на Куйбышев. Узнал, билет стоит тридцать девять рублей. Наскреб уже сорок один. Не беспокойся, отдам. Если дома трудно, подхалтурю, плакаты антифашистские в студии

делают, двадцать пять рублей штука...

Вошел Геля Коржев.

— Домой навострился? — обратился он к Пурьгину.— Зря стараешься. Чего ради из-за нескольких дней по грязи туда-обратно шлепать, на станциях без жратвы сидеть. Понимаю, если б насовсем дома остаться или в Москву перебраться. А так, какой смысл? Здесь разве плохо? Питание бесплатное, рисуй, пиши сколько душе угодно!

— Не уговаривайте, ребята, все равно уйду! У директора вот письменное разрешение получил, в дороге пригодится. Два дня к нему приставал. Если здесь останусь, со стыда сгрюю. — Так и не уехал. Но со стыда не сгорел.

...Тяжело с дровами. Днем в общежитии температура доходит до пяти градусов. Из рта пар валит. А где их, дрова-то, брать? Паустовский, Карамяни Батырь вознамерились позаимствовать вечером у детдомовцев. Получилось! Когда шли обратно, у калитки их остановил директор детдома. Наружность мрачная, небритая, одет во все кожаное.

— Стой! Чьи бревна?

— Наши, наши! Из общежития девочек несем.

— Как же! Они сами мерзнут, знаю. Без дров сидят. А почему ночью тащите, не днем?..

Он провел с ребятами назидательную беседу и побежал жаловаться Н.А. Карренбергу. Карамян и Батырь перепугались, бросили поленья. Паустовский не поддался. Красный, запыхавшийся, ввалился в общежитие с двумя большими плашками.

— Прячьтесь скорее!..

На следующий день, когда мы во дворе кололи дрова, появился Карренберг. Он, вероятно, ничего не знал о вчерашнем событии.

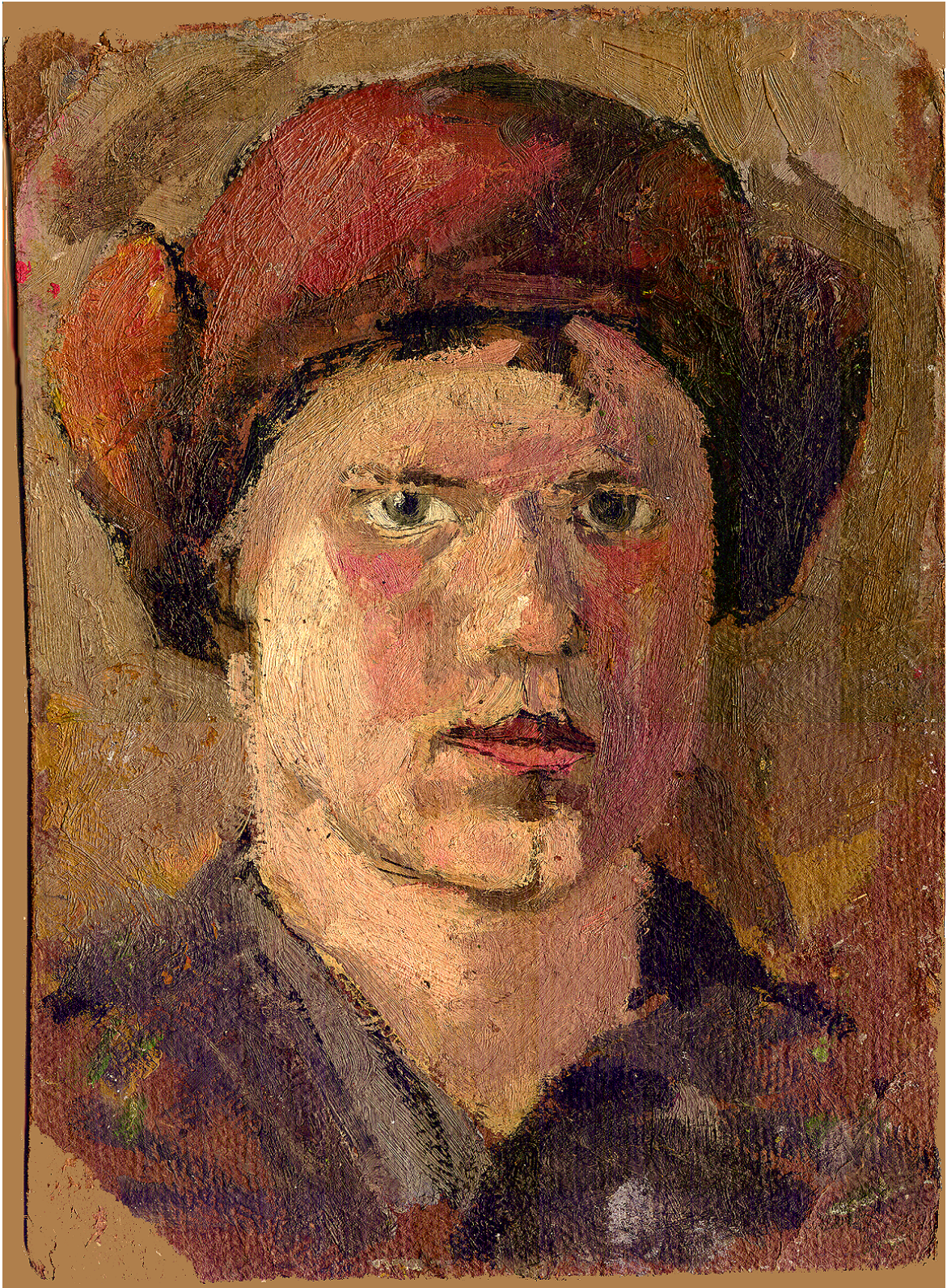
— Откуда дровишки, из леса вестимо?

— спросил он, улыбаясь.

— Не совсем,— сказали мы смущенно.— Но около того...

Николай Августович замысловато покачал головой и ничего не ответил.

“Любить — это значит: в глубь двора вбежать и до ночи грачьею, блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи”... Любовь-то тут, пожалуй, ни при чем. Все дело в рубке дров; шел дождь. Дождище даже. Энергичными порывами он полосатил небо, взмывал вверх и бросал на землю охапки желтых листьев, ломал ветки и сучья, превращал чернозем в мутное, мерзкое месиво. Было темно, холодно, сыро. Но хочешь -не хочешь, а колоть дрова надо! Чтоб печку протопить, ночью не мерзнуть.

В. Пурыгин. Автопортрет. 1942 г.
К., масло, 36,5х26.

На голову и за воротник падала вода. Сердишься, споришь с поленом. Упрямо эта деревяшка не желает поддаваться насилию. Держишь заклад: кто кого? Неужто совсем негодным топором, ничего общего с колуном не имеющим, можно раздробить это сучковатое, мокро-склизкое бревнушко? А дождь хлещет и хлещет, струйки стекают на лицо, взмокаясь прическа глаза загораживает. Но продолжаешь остервенело лупить полено о камень, будто это не деревяшка, а Гитлер ненавистный. Камень раскрошился, деревяшке хоть бы хны. Снимаешь куртку. Вспоминая подвиги отважных наших фронтовиков, снова и снова колохматишь топором. И когда, наконец, удастся повергнуть врага, когда он разбит, на кусочки расщеплен, чувствуешь себя гордым, успокоенным. И насквозь промокшим...

Возле правления колхоза “Аврора” я и Вадик Паустовский беседовали с завхозом школы Яном Григорьевичем Медоваром. Он славен тем, что буквально заполонил все село Воскресенское своими многочисленными детьми и родственниками. Мы даже песенку сочинили о том, как четырнадцать медоваров пошли купаться в море, а резвиться на просторе им довелось уже в совершенно другой местности, в Башкирии. Обсуждали мы вопрос снабжения общежития дровами. Сколько ж можно терпеть такое!.. В воротах показался Н.А. Карренберг. Хмурый, чем-то недовольный, с поднятым воротником пальто, в высоких сапогах. “Надо поздороваться,— подумал я.— Впрочем, он еще далеко. Неудобно издали”. На некоторое время забыл об этом, отвернулся. И вдруг, рядом резкий голос:

— Когда же вы будете здороваться? — Николай Августович зло теребил портфель.— Сколько раз надо об этом говорить?..

И в этот же момент у меня непроизвольно сорвалось: “Здравствуйте!” Так что мои приветственные слова и меткое замечание Николая Августовича слились воедино, образовав почти оперный дуэт.

Вадик Паустовский, насупившись, буркнул обиженно:

— А мы о дровах думали, вас не заметили. — Ян Григорьевич вымолвил:

— Ай-ай-ай!..

Директор заморгал от неожиданности серыми глазами, подбирая ответные, соответствующие случаю, слова. Вспомнив, вероятно, что молчание золото, повернулся и нервной походкой зашагал дальше. Наверное, в столовую.

Деревья сосредоточенно склонили осенние прически над затянутой инеем дорожкой клубного сада. Столб самый обыкновенный, деревянно-прозаический. На его верхушке укреплена черная радиотарелка, опущенная снегом. Транслируют скерцо Шестой симфонии П.И. Чайковского; богатырской. Со снежинками на непокрытых головах стоят почти неодетые, высочившие из избытого тепла, ребята. Слушают восхищенно, дрожат от холода, аккомпанируя патетическому симфонизму перестуком своих зубов. Небо утреннее, чистое, просторное. Мощные, жизнеутверждающие аккорды заставляют забыть непогоду, изморозь. Деревья соскучились по циркулюнику. Ветер взялся, насколько в его силах, исполнить эту обязанность. Наскочил на деревья, вмиг постриг их, обезлистил. Музыка, осень, ребята, суровая пора жизни. Поэзия и проза, слитые воедино.

Вот и середина октября. Первый день учебы после колхозно-трудового перерыва. Обули лапти (другой обуви уже не было) и отправились в школу. Начало

Наташа Малиновская. Новогодний карнавал.

общеобразовательных предметов в три часа дня. На первый урок опоздали, нас не пустили. Пришлось оставаться на улице. Чтобы совершенно не замерзнуть, решили навестить девичье общежитие. С озера дул влажный сквозящий ветер. Приняли нас радушно. Над постелью Ники Гольц целая выставка превосходных репродукций. Особенно привлекателен автопортрет бородатого Леонардо да Винчи. На импровизированном столике (торчмя поставленный чемодан, покрытый почти чистой салфеткой) альбомы и не толстые по объему книги. Текст не нашинский. Но имена-то какие: Рафаэль, Гольбейн, Эль Греко.

Было всего три урока. Первый — математика, второй и третий — литература. Из всего, рассказанного о великом и симпатичном А.С. Грибоедове, запомнил лишь то, что среди других убитых его опознали по исковерканному (следствие дуэли) пальцу левой руки. Голова совсем отсутствовала. Вот тебе, и горе от избыточного ума.

Церковь в селе Воскресенском (нарушенная безобразно) неизменно привлекала нас — человечески и художественно. Несмотря на все беды и обломы, она являлась могучим свидетелем прошлого, неведомой нам, далекой от нынешних волнений жизни.

Вместе с Вадиком Паустовским лазил на колокольню. Спиральная, обгаженная пернатыми озорниками, лестница. От деревянных (а еще есть и каменные) ступенек осталось лишь несколько планок, остальные растащены на дрова. Где раньше колокола располагались — кучи птичьего помета. До оконного проема пробуют дотянуться верхушки изящных березок. Посмотришь вниз — рыжие листочки импрессионистической сеткой перегораживают мерцающее бликами озеро. Жирная лоснящаяся земля, устланная опавшей листвой. До того красиво и живописно, что хоть вниз от восторга бросайся, или за этюдником беги. А внизу обительницы девичьего общежития. Сверкая карими глазами, Лика Сафьян кричит:

— Роша, хочешь талон на ужин? Есть лишней.

— Ой, хочу, хочу! — отвечает Роша Натапова.

Меня толкает в бок Вадик:

— Слезаем скорей! Может, и нам достанется. — Опоздали. От огорчения чуть оба не свалились с дырявой лестницы.

Распевая глуповатую песенку: “Раз, два, три, пионеры мы, папы, мамы не боимся, делаем в штаны”, жизнерадостно утречком идем в школу. За спиной солнце, впереди тени длинные. Ровная, до гор, дорога. По обеим сторонам избы двух- и трехоконные, да ленточка уменьшающихся к горизонту телеграфных столбов. Школа наша — крохотная избушка, похожая на баньку. Вмещается в нее (а есть еще одно школьное помещение в центре села) только один класс. Эта честь выпала именно нам. Идем радостные, ко второму уроку, почти сытые после посещения сельпо. Каждый умудрился съесть по четыре дешевеньких винегрета.

Переменка. Верзила-школьники восседают верхом на узеньких, не рассчитанных на таких дылд, четырехместных партах и курят самокрутки из тутошнего, прозванного “Смерть

Гитлеру”, табака.

Урок истории. Ведет местный учитель. Следит за своей речью, не хочет оконфузиться перед столичными вундеркиндами, хотя сам не намного старше нас.

— Алексей Михалыч кажинный вечер проводил у Артамона Матвеева, часто видел там Настасью Нарышкину...

Учитель остановился, задумался. Затем, стукнув карандашом по столу, продолжал:

— Здесь он ее и увидел. Вот!..

Про Петра I выражается так: “Воздушевленный Петр”.

Ребята не обращают внимания на учителя, каждый (вернее, “кажинный”) занят своим делом. Кто наброски делает, кто в “морской бой” играет, кто потолок рассматривает. Но вскоре изменилось к историку отношение.

Рашид Максютлов. Печка. К., масло,

Мы, буквально раскрыв рот, слушали его увлеченные рассказы (а в столицах он не обучался) о любимом своем крае, истории села Воскресенского и горного завода Петра III, Салавате Юлаеве и Пугачевщине.

В магазине местном. Покупательница, коренная воскресенка, спрашивает носастую продавщицу:

— У тебя, чай, гребешки-то есть?

— Есть, есть! Обождь маленько, я селедку доем...

Каждая семья в Воскресенском (почти каждая) имеет баньку. Строенье крохотное, потолок низкий, приходится сгибаться в три погибели. Под ногами, возле пола, малюсенькое, величиной в ладошку, оконце. Без стекла, затыкается тряпкой. Темно, не разобрать где что. Вместо алюминиевых, как в городе, шаек, корытца на четверть ведра, выдолбленные из цельного куска дерева.

В такую миниатюрную прокопченную баньку-хибарку помещается три средней упитанности взрослых человека. Моются мужчины и женщины вместе. Столько пару горячего напустят, что удивляешься, как выдерживают. Крепок русско-башкирский народ!

Пробовали и нас в обязательном порядке вогнать в это моечное заведение, определили очередность, мыло (а это необычайный дефицит) жидкое зелено-коричневое давали. Мы оказались хитрее. Мыло брали, но “мылись”, не снимая пальто и обуви. Помочишь водой голову и не торопясь, выходишь наружу. “Проверяющая” (из числа

оправдывался: “Конь молодой, шустрый, потому и красный. Состарится, успокоится — белым станет”. Осветили...

Старик. Облик впечатляющий. Широкий прямой нос, светлые улыбающиеся добрые глаза, грудь, как говорится, колесом, здоровенные ручища. Ходит в черной косоворотке, серых из толстой ткани портках. На ногах ладные лапти. Осанка гордая. На него можно долго смотреть, восхищаться могучей славянской красотой. Этаким сказочный богатырь. Мало того, он, оказывается, был даже делегатом какого-то колхозного съезда. И имя у него подходящее — Тимофей Емельянович. Фамилию не знаю. Неужто, Разин, или Пугачев?..

...И без алкогольных напитков было неплохо. Длинный, покрасневший от свекольных винегретов стол. Вилки и ложки не хватало. Приходилось есть ножами и даже мастихинами. Пыжились держаться культурно. На каждый стол полагалось (благо худые) по два человека. Ничего, поместились. После ужина достали и подогрели на печке патефон. Начались танцы. В

Женя Лобанов. Закат. 1942 г. К., масло, 12,5х20.

школьных сотрудниц) рукой проведет по мокрой прическе: “Помылся? Вытрись полотенцем как следует, простудишься!”.

Воскресенский старожил рассказал мне такую историю.

— У нас ведь тоже художник был, богомаз, иконы писал. Да так красиво! Заказали ему икону святого великомученика Георгия Победоносца сделать. Но обязательно на белом коне и чтобы острым копьём змея-злыдня поражал. Художник-то увлекся, натура творческая, и коня не белым, а красным изобразил. Икону освящать надо, а батюшка сопротивляется. “Я тебя о чем просил? На белом коне, на белом! А ты что?” Художник

соседней комнатке, служившей спальней, сидели нетанцующие и пускали в мерцающий от копилки потолок кольца махорочного дыма. Тут же заинтересовались предметами «гаремного» интерьера, рассматривали альбом с набросками, где с академической обстоятельностью изображались девочки в их естественном виде... Кто-то, наткнувшись на пузырьочки и баночки, делал себе маникюр, а один из гостей, самый бесцеремонный, примерял поверх своих давно не глаженных брюк девичье трико.

Все оделись, насколько позволяли возможности, в самое лучшее, каждому хотелось выглядеть опрятно. Поэтому не

брезговали одевать чужое. Во время игры в жмурки (традиционной для таких встреч) легко находили друг друга, узнавая на ощупь собственные рубашки и пиджаки...

...Целое утро Моря Миркин корпел над созданием композиции. Пригвоздил к стене огромный картон, кусочком печного угля наметил большие тональные пятна, да как начал вытирать о картон кисточки! Я смотрел и никак не мог разобраться, что за сюжет он выбрал. А Моря, уже весь перепачканный углем и масляными красками, разъяснял: «Это лошадей сдают Красной Армии». А я-то полагал, что тема его эскиза — взятие Чапаевым Трои. Зашел Вадик Паустовский. Долго смотрел, сопел. Моря спрашивает:

— Нравится?

— Ага! Только не совсем понятно, что это волю.

Во время игры проигравшего заставляли в наказание что-нибудь делать. Моря Миркина попросили спеть. Он встал к печке и поднял кадык вверх. Одна штанина у него подвернута, другая нормально опущена. Все настороженно ждали.

— Не умею...

Уговорили. Моря надтреснутым голосом вытянул свое коронное:

— И колокольчик, дар Валдая...

Осекся и убежал.

Что такое наш Воскресенский патефон? О, это целая поэма-экстаза! Мембрана перекручена веревкой. Вместо выпавших, утерянных винтиков — спички, гвоздики. Действует это музыкальное чудо так. Устанавливается пластинка. Один человек беспрерывно крутит патефонную ручку, другой пальцем регулирует скорость пластинки и равномерность звучания. Результат ошеломляет. Сперва раздаются дикие звукоизвержения, такой вопль, будто сто кошек с силой одновременно дергают за хвосты. Постепенно вытье преобразуется в визгливое сопрано, затем в сильный бас. Следующий этап уникален и не поддается разумному определению, слова бессильны. И вдруг, среди адских стенаний возникает тенор Лемешева: «Я-авилась ты-ы». Разумеется, это романс «Я помню чудное мгновение» (и патефон явился мне). Кстати, патефонные иголки благозвучия ради подтачивались напильником.

Вечерами в общежитие приходили педагоги. Не по обязанности учительствовать, а дружески. Разговоры велись в основном о

живописи. Михаил Владимирович Добросердов (мы называем его «знаете ли, понимаете ли»), попыхивая самокруткой, говорил:

— Веласкес тем и хорош, что он не пишет, а лепит лицо. Да так, что хочется обнять, пощупать сделанное. Посмотрите, на репродукции это видно — до чего просто, без мелочей, цельно, обобщенно голова вылеплена.

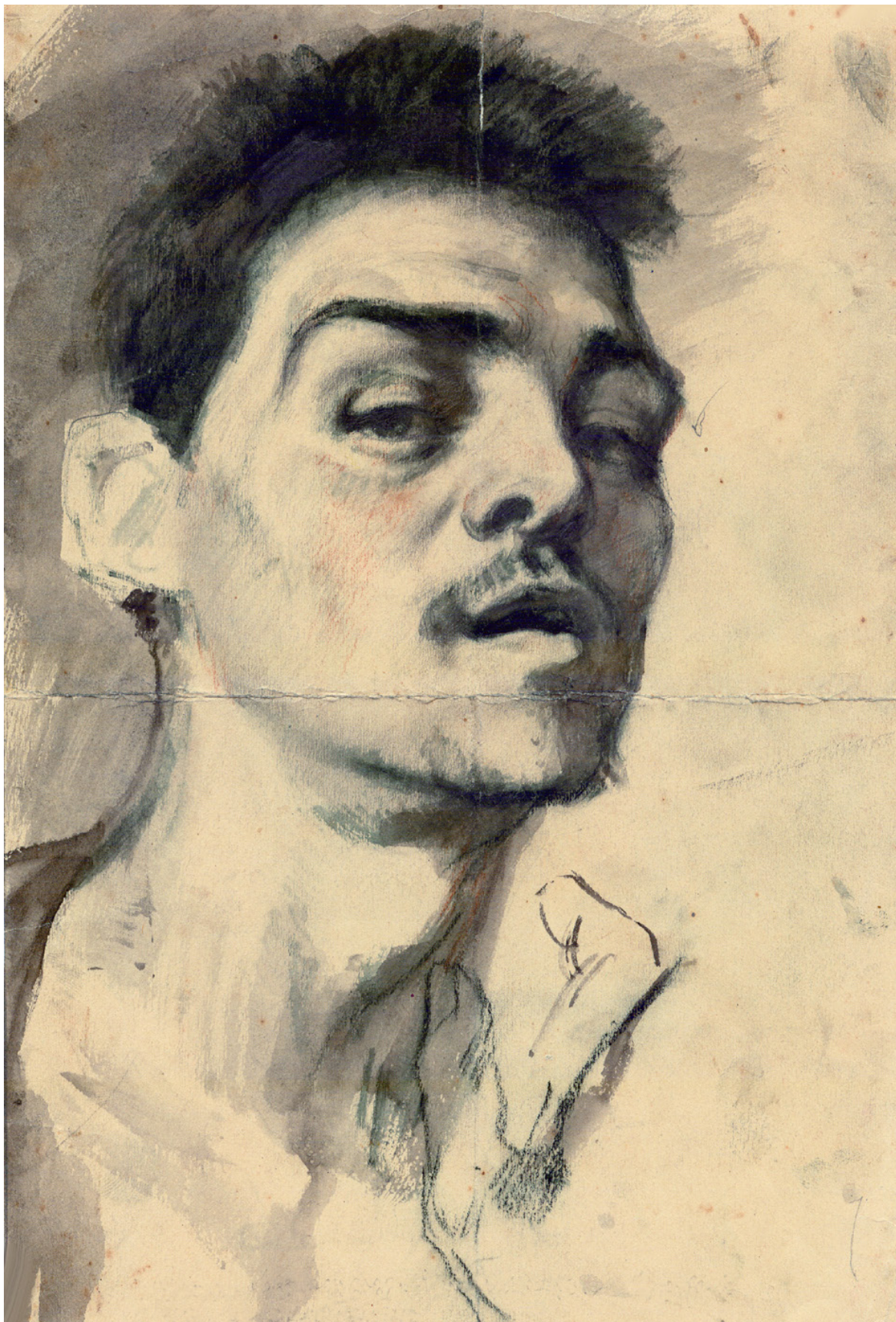
Другой педагог — Акиндин Петрович Шорчев, воспитанник чудесного живописца «бубновалетчика» Александра Васильевича Куприна, также охотно делился с нами размышлениями об искусстве и художниках.

— Коли речь зашла о цветах,— говорил он,— пожалуй, лучше всех писал их, знаете кто? Николай Сапунов. Слышали про такого? Он занимался в Московском училище у Левитана и прославился не только как театральным декоратор (работал с Мейерхольдом, Комиссаржевским, Станиславским), но и как автор изысканных по колориту натюрмортов. Вазы фарфоровые, фрукты и цветы самые разнообразные, сейчас трудно представить: гортензии, рододендроны, пионы, розы. Характер Сапунов имел эксцентричный, любил трактиры посещать, общаться (хотя сам был щеголем, одевался с иголочки) с простым

Н.А. Карренберг. Рис. Л. Шитова.

людом. Не без удовольствия (и с удовольствием) пил. Запретя, бывало, у себя, никого не пускает, наберет на несколько дней еды, фруктов, вина. И не выходит из добровольного заточения, пока не закончатся припасы и не завершит очередной

В. Иванов. Автопортрет. Б., смешанная техника, 29х19,5. Село Воскресенское.

живописный перл. Все лучшие его вещи созданы, когда он находился, мягко выражаясь, в подпитии. И умер Сапунов необычно — утонул в цветущем возрасте, катаясь с театральными друзьями и, разумеется, с подругами, на лодке, в Финском заливе. Тоже пьяным. Плавать-то он не умел. Вот, такие-то дела. Какой вывод из этого повествования моего следует сделать? Учитесь, ребята, плавать. И не пейте. Ни вина, ни водки. Алкоголь вреден. Курить? Тоже, конечно, не полезно. Но в меньшей степени. А махорочка-то у вас есть? Спасибо, не возражаю...

Про И.К. Айвазовского.

— Зря сейчас его всю ругают. Хотя, конечно, в последние годы, а прожил он больше восьмидесяти, не всегда безукоризненные вещи писал. Но профессионалом, мастером был исключительным. Главная его особенность — умение работать по памяти. Большинство знаменитых марин созданы им без натуры, в условиях роскошной мастерской в Феодосии. Окна там специально так высоко (по его же просьбе) были устроены, что совершенно не было видно моря. Это, чтоб не отвлекаться на мелочи. Про Айвазовского много легенд есть. О сказочных гонорах, щедрой его благотворительности, феноменальной быстроте письма. Вот одна из них.

Как-то в Ялте собралось изысканное общество: артисты, музыканты, поэты, художники. Среди них был и совсем молодой тогда Константин Богаевский. Разговор от общих проблем перешел к живописи.

— А я не верю, — заявил один из присутствующих, — будто Иван Константинович Айвазовский пишет свои восхитительные картины чуть ли не в один сеанс. Как же так можно! Да это совершенно невозможно!

— Могу доказать!

Вечерело. Гости вышли на террасу, с которой открывался чудный ландшафт: море, луна, кипарисы.

— Видите, — продолжал Айвазовский, обращаясь к собравшимся. — Держу пари: меньше, чем за час, точно изображу все это великолепии. И заметьте, по памяти, без оглядки на натуру...

Заклучили пари. Принесли холст, добавили света. Айвазовский разложил краски, взял в руки палитру. Засекли время.

Через сорок минут картина была готова. По художественным совершенствам она нисколько не уступала другим шедеврам мастера.

Об А.А. Осмеркине.

— Идем мы с Александром Александровичем (ох, какой это живописец!) по Васильевскому острову в Ленинграде. Вдруг он говорит:

— Акиндин Петрович, отойдите, пожалуйста, шага на два.

— Зачем?

— В таком случае, разрешите мне на некоторое расстояние отстать от вас...

Осмеркин остановился. Когда я прошествовал немного вперед, он громко и выразительно пукнул.

О К.А.Коровине и И.И. Левитане.

— Что и говорить, Константин Коровин — колорист! К тому же, чисто русская натура. Не российская, а русская. Вроде Шалапина. Но при всем при том, Коровин не создал русского пейзажа. Да, да! Левитан еврей. Но именно он передал полно незамысловатую природу нашу. Причем, без малейших примесей западных воздействий. Коровин смотрел на жизнь глазами человека сытого, довольного собой. Левитан другого склада. Он искренней, чище. В каждом его произведении отражена печаль одинокой измученной души. И ни капельки внешнего ловкачества, позерства. Этюды Коровина артистичны, бравурны. У Левитана — спокойная меланхоличность, грусть. Коровин был обласкан обществом, имел успех, деньги, а поклонников и поклонниц — хоть отбавляй! Творчество его — радостный, ликующий гимн жизни. Левитан — затюканный еврейский юноша, соученик и

А. Тутунов. Воскресенское. 1942 г.

приятель блистательного и бесшабашного Кости Коровина. В молодые годы Левитан настолько был беден и нищ, что и одежды-то малость приличной, чтоб посещать занятия в классах Московского училища живописи, ваяния и зодчества, у него не было. Но то, чего не смог Коровин достичь, сделал Левитан. Он стал родоначальником лирического пейзажа в русской живописи...

Акиндин Петрович во время беседы

(она проходила у нас в общежитии) то и дело качал головой. Но не сверху вниз (что является, как известно, знаком согласия), а из стороны в сторону, будто сам сомневался в только что сказанном.

Как-то вечером ввалился в нашу комнату авторитетный старшеклассник Иван Сорокин. Стремительный, импульсивный. Посмотрел на стены.

— Ишь ты! Пишете? — Удивился.— По-новому как-то, оригинально. А мы живем и не знаем. Я смотрю, ходят ребята, как все, а они вон чего вытворяют...

Увидел приколоченный к стенке мой довольно большого размера эскиз «Ополченец». Бульжная мастовая (камешек к камешку), энергично шагающие ноги. Сапоги, ботинки в обмотках. Верх фигур срезан.

Игорь Мануйлов. Воскресенское. 4 мая 1942 г. Б., акв., 13х17.

— Чего голов нет, не поместились?

— Так задумано. Здесь главное не голова, а сердце. Оно диктует поступки.

— Надо же! Я и не знал.

Попросил сборник стихов Сергея Есенина.

— Я ж пейзажист — лирик! Ох, и люблю Есенина! До зарезу. Жить без его стихов не могу. Сына его знал, рядом на даче жили...

Сорокин пришел в восторг от Гелиных натюрмортов.

— Ишь ты! Просто-то как! Тарелочки, бутылочка. В тоне красиво. Окончил? Нет? Коричневое надо пописать. Преподаватели видели? Ну, и черт с ними!..

И метеором выскочил. Молниеносно, как и появился...

— Она мне нравится,— рассуждал он о кареглазой красавице Лике, которая, хоть и не художница, но училась вместе с нами.— Нравится, как хрупкая красивая вещица. Вроде туфелек модельных. В грязь и слякоть не оденешь, носить нельзя. А пока лежат — и им хорошо, и тебе приятно. Потому что изящны и очень напоминают Москву...

От сознания собственной нерешительности еще горше и тошнее на душе стало. Не попрощавшись, покинул собравшихся. А ночь чудесная, дымкой сказочной все обволакивающая. Успокоившись, декламировал недавно прочитанные, запавшие в память стихи Федора Соллогуба: «В поле не видно ни зги, кто-то кричит «помоги»...

Новичок и виду не подает, что наблюдает за мной. Ему, наверное, порассказали всякого. Я ж целый спектакль устроил. Пушай наших знает!.. Раскрыл свой старый, верный, предельно чумазый этюдник. Вдоль палитры, по диагонали, растеклась окись хрома и зеленой сметаной перемешалась с краплагом и охрой. Ни одного свободного, не занятого красками местечка на палитре. Спокойненько достаю из кармана, где постоянно торчит любимая, расписанная мной самим ложка, мастихин и, хладнокровно соскоблив залежи красок, выкидываю их в мусорный ящик. Затем на палитру выдавливаю все имеющиеся у меня тюбики: белила, ультрамарин и сиену жженую (казенные). Начинаю чистить и приводить в порядок этюдник. Занимаюсь этим весь первый урок.

Саша Гущин. Воскресенские натурщики. 1941-1943 г., б., кар., 21,5x31,2.

Лишь в самом конце, намешав необходимый колер, успел мастихином плеснуть красками на холст. Когда заметил, что новичок с возросшим любопытством следит за моими действиями, демонстративно сломал ссохшуюся, с длинным черенком кисть и остатки ее выкинул в окно...

29 апреля день рождения Мони Миркина. Для именинника это важное событие прошло скучно, однообразно. Как и другие, обычные дни. Моня даже в школу на уроки пошел.

Оранжевым горизонтом надвигался вечер. Вскоре небо затянулось серым, появились драненькие облачка...

— Вадик, — спросили у Паустовского, — чего не танцуешь, сидишь грустным?

— Что за музыка?

— Фокстрот.

— Когда будет танго, пойду.

Поставили танго.

— А это что, танго? Вообще-то танго я не совсем освоил. Когда будет фокстрот, пойду.

Наконец из патефона раздались звуки медленного вальса.

— Ну, я пошел.

Ковыряя ноздрю и ухмыляясь, Вадик направился к девочкам.

— Кто, это... решится со мной танцевать?

Отважная нашлась. Вадик сделал несколько протяженных неуклюжих шагов, долженствующих представлять танцевальные

па. Но, узнав, что это вальс, а не фокстрот, смущаясь, извинился и вернулся на место...

К сожалению, живопись — это единственная тема, на которую я могу говорить членораздельно, без десятиминутных пауз. Для непринужденного общения с представительницами прекрасного пола этого, кажется, маловато.

Единодушно пришли к такому выводу: «Хорошо учиться — лишнее, но учиться надо!».

Ночь темная и, как всегда, слякотно-грязная.

Костя Карамян и я пропустили первый урок. Сидели в общежитии, и я читал Косте только что сочиненную, под сильным влиянием Леонида Андреева, повесть свою «Хромой черт». И тут особенно почувствовал, что написанное мной дрянь очевидная, пригодная только для того, чтобы ею растапливать печку, когда дрова сырые. В школе на третьем уроке Костя, захлопнув томик Тургенева, сказал: «Странная вещь, тургеневский «Рудин» в двадцать раз больше твоего «Хромого», а кажется, когда читаешь, в двадцать раз короче...».

Демонстрация кинофильма в клубе задерживалась. Народу собралось немного, половина всех присутствующих — детдомовские ребята. В ожидании начала детдомовские девочки, худые, бедно и плохонько одетые крошки лет десяти-двенадцати, запели никому

из нас не известную, какую-то тягучую, заунывную песню. Пели слаженно, проникновенно. И сразу стало хорошо, спокойно. Детские, с некоторым металлическим отливом голоса стройно и грустно плыли в пространство темного зала. Слова невозможно было различить, да и мотив казался странным. Но чем-то другим, искренней сердечностью и недетской серьезностью привлекала исполняемая песня. А на задних рядах шумно располагались наши ребята. Долговязый Саша Завьялов (прозвище «Кашалот» — из-за огромного рта) рыкнул на весь зал: «Эй, вы, детдомовская мелюзга, заткнитесь!». Непочтительный окрик не коснулся чистоты песни, и она, словно частица общего нашего безрадостного бытия, продолжала литься дальше, печальная и хорошая.

В школу не ходил. Читал «Евгению Гранде» Бальзака. Вещь, на мой взгляд, грандиозная, даже очень. Удивляешься, как можно таким простым, не цветистым языком, столько выразить!..

Виктор Иванов. Старик (на обороте - автопортрет: стр. 58).
Б., кар., 23x19,5. Село Воскресенское.

Через поле величественно прошествовала множественная по обилию участвующих свадебная процессия. Жених, парень семнадцати лет, в сапогах, черном пиджаке, сиреневой рубашке, кепке, надвинутой на глаза. Невеста — в слепяще малиновом платье, с не по-взрослому озабоченным личиком. Ей всего-то пятнадцать лет. За ними, в зеленых,

желтых, фиолетовых (да еще с цветочками и узорами) одеяниях, бабы, молодые и пожилые, мужики степенные. Поют, приплясывая, свадебные песенки. Мелькают в воздухе белые платочки. Родители плачут. Нарядно, солнечно, очень живописно. Процессия растянулась. В конце ее бегут деревенские ребятишки и детдомовцы, чумазые, в рваной одежде, босиком, с выглядывающими из-под юбок грязными трико...

Играли в волейбол. Наша команда все время проигрывала. Ира Аристова предложила:

— Давай спровадим Моню Миркина.

Он только мешается. Как только мяч попадает к Моне — очко потеряно. Сыграем хоть раз без него.

Ира ушла договариваться. Вернулась:

— Моня, тебя Жемма Бенина зовет.

Хочет передать письмо.

— К кому?

— Не к кому, а из чьих рук. Иди скорей!..

Моня кривой походкой, с не заправленной в штаны рубашкой, помчался на крыльях восторженного отношения к Жемме, в дамское общежитие. Какие там состоялись переговоры — неизвестно. Через две игры (мы все равно не выиграли) Моня вернулся. С большой синей книгой в руках — Демьян Бедный, «Избранное».

Делать было совершенно нечего. Спать не хотелось. Решили организовать танцевальную паузу. В качестве парламентаря (роль привычная) я направился в общежитие девочек. Они стайкой сидели на крылечке избы. Одни, положив размазавшиеся свои шевелюрки на колени подружек, дремали, другие слушали с большой проникновенностью кваканье лягушек. Время было позднее. Девочки, посовещавшись, отложили танцульку на завтра. Возвращаться ни с чем не хотелось. А вечер-то какой изумительный! Совершенно круглая, как лысина, луна, воздух влажный. Задумал разыграть ребят. Прихожу домой.

— Одевайтесь!

Чертыхаются, лезут под кровати за чемоданами. В потемках достают брюки, чистые рубашки.

— Все оделись?

— Все. Черт бы тебя взял! Нас четверо, а их вон сколько. Куда ж на ночь глядя пойдём! Не мог отговорить?..

Несмотря на ругань, все же чистятся, моются, переодеваются, причесываются.

— Моня, ты вычистил зубы?

— Ага.
— Геля, взял ли ты у Каплана или Ильинского хороший пиджак?
— Маловат, но взял.
— Теперь раздевайтесь, я вас обманул!..
Чуть не избили. Но все окончилось благополучно — проклятиями и смехом.

От чернозема валил пар. Казалось, горизонт щурился и морщился...

На улицах праздновали, как стемнело, еще одну свадьбу. Жизнь-то идет! Наяривала гармошка, бабы, красочно наряженные, распевали песни с неразборчивыми словами. Подсакивания, притоптывания. Лишь смолкла гармонь, одна баба визгливо и задорно заголосила частушки. На этот раз разобрал слова: «По деревне шла и пела баба здоровенная. Титькой за угол задела, заревела, бедная». И еще: «Гармонист, гармонист, положи меня на низ. А я встану, погляжу, хорошо ли я лежу». И снова гармонь, снова пляски...

Долго, каждый день, почти все световое время писал маслом на казенном темно-коричневом картоне Демона с крыльями. Без рисовальной четкости, мелкими отдельными мазочками, подправляя потом обычной пастелью. Получилась полуабстрактная фантазия, где контуры фигуры и крыльев растворялись в красочных, блекло-бледных, розовато-серых, еле различимых сочетаниях. Подарил «Демона» Геле Коржеву с такой многозначительной надписью: «Эта картина (может, и не очень удачная) — свидетель всего того, что происходило в нашей комнате». 31 октября 1942 г., с. Воскресенское.

...Это надобно прояснить. Насчет «может, и не очень удачная» — я схитрил. Многодельно-пуантеллистическая эта штукавина (а так никто из наших не работал), конечно, нравилась. Привлекала меня, прежде всего, идея безрисуночной, нематериальной, построенной исключительно на цветовых эмоциях, живописи. Я даже вполне серьезно намеревался иллюстрировать стихи Александра Блока, не прибегая к конкретному изображению голов и фигур, одними сочетаниями красочных пятен. Такой вот заворот в мозгах происходил...

Ну, а события, развернувшиеся в комнатухе нашей, представлялись, хотя и не шекспировски-масштабными, но вполне драматичными. Несмотря на внешне несокрушимую дружбу, то и дело возникали (да, и как иначе) мелочные раздоры. Восторженность

друг другом сменялась пренебрежительностью, третированием. Радость искреннего общения — бойкотом неразговорчивости. Возвышенные устремления — практицизмом, расчетливостью, противными червячками сиюминутных интересов. Оно и понятно: в центре бытовых наших интересов — ежедневная борьба за выживание. Мы постоянно испытывали голод, предпринимали дальние походы для обмена одежды и всякого городского московского барахла на любое питание. Карты игральные самостоятельно мастерили (и довольно ловко), чтоб потом за них хоть что-то получить из еды. Ушедших из Воскресенского на фронт по фотокарточкам рисовали для родных. В каждом

Рашид Максютлов. В избе (общезитии).

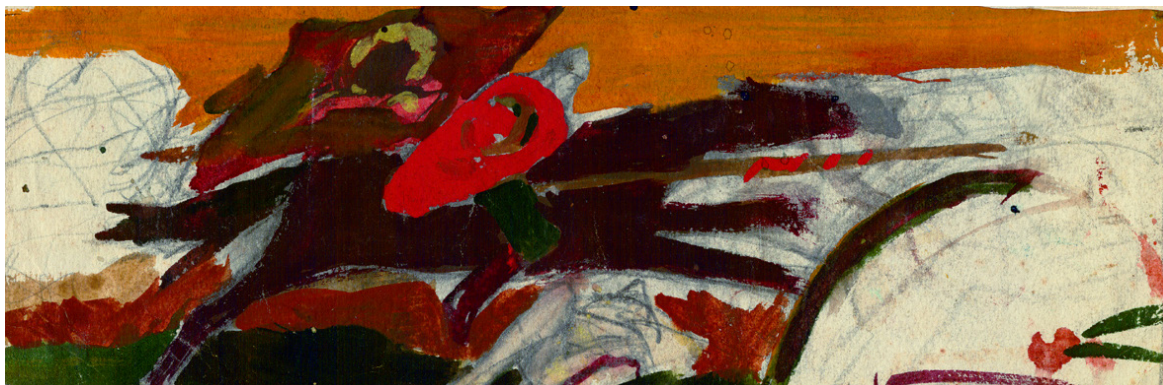
из нас происходило противостояние собственнических, эгоистичных черт («Мне по-больше, по-лучше, на остальных чихать») и начатков доброты, отзывчивости к чужим невзгодам. Во время одной из затянувшихся размолвок с Гелей, я обратился к нему с занудным письмом-исповедью, аж на двенадцати, исписанных мелким почерком, страницах. Пытался наивно прокомментировать сложившуюся обстановку. «В нашем не сильно взрослом возрасте, — рассуждал я, — у каждого, вне зависимости, хочет он или нет, вырабатываются негативные привычки, накапливаются в характере разные пакости. Они могут закрепиться». Я предлагал вернуться, вопреки властным поползновениям «железного»

Гены Самсонова и подчиненного ему податливого Мони Миркина, к прежней нашей “не разлей вода” дружбе. Не обошлось в том письме и без ехидного выяснения творческих пристрастий. “Опять спорите,— упрекал нас в подобных случаях Женя Батырь.— Хватит ерундой заниматься, лучше бы картошку почистили!”

“Торько признаваться,— писал я Геле,— но живописец из тебя не выйдет. Ибо форму, предмет, тон, пространство — все это можно выразить средствами графики. А цвет, основное

лишний раз свою (и своего отца Михаила Петровича) силу и духовную основательность. Думаю, затеянная нами пауза в дружеских отношениях — заблуждение. Разрыв это тяжело. Вспомни — приятельство наше в Москве, в Воскресенском, этюды взаимно подаренные, бесконечные рассудительные беседы и споры. Разрыв все уничтожит. Да, или нет? Продолжение или завершение?” И так далее, так далее, всякие слова сентиментальные накручены. Датировано письмо 20 июня 1942 года.

Прошло еще полгода, обстановка

Гелий Коржев. Эскиз росписи общежития. 1942 г. Б., акв., гуашь, 9,3x28. Село Воскресенское.

отличие живописи от рисунка, ты воспринимаешь не остро. Между тем, цвет это музыка живописи. Помимо обязательных академических норм, цвет призван отражать нечто большее, цепкими своими лапками захватывать в плен зрителя, приводить его в задумчивость и волнение. На такое способны были Врубель, Ван-Гог. Рядом с ними Константин Коровин и Клод Моне мелки, искусство их праздное и является отрывкой сытой буржуазности. В цвете должна чувствоваться боль, скорбь, радость. Тогда и только тогда, это живопись! Ван-Гог тем и силен, что мог на метровом по размеру холсте написать пустую белую стену с цветочками в горшке на первом плане. Но так написать, что в этом незамысловатом, лишенном сюжетной затейливости мотиве выразилась смятенная его душа, все страдания раненого его сердца. Твои последние этюды, если откровенно говорить, не “ах”. Хотя в них не может не привлекать природой данное и до сих пор тобою не осознанное чувство тонально-рисуночной цельности. Ты не цветовик, а значит, и не живописец. Грустно, но это так!”...

И, в заключение: “Ты знаешь, я тебя люблю, такого, каков сегодня, большого, неуклюжего, стремящегося сделаться лучше, чем есть на деле, привыкшего немножко прихвастнуть, громко побалагурить, показать

помаленьку нормализовалась, а все “минусы” перекувырнулись на “плюсы”. И это замечательно...

Совершили революционную перестановку кроватей в комнате. В новом месте обосновался так, чтобы не оставалось ни малейшего духа прежнего владельца. Окно завесил драпировкой. Стенку над головой украсил копией Ван-Гоговского пейзажа «После дождя». Под фотографией седого И.Е. Репина, повешенной, разумеется, вверх ногами, экспонировал, зажав гвоздиками, разукрашенную желтовато-голубовато-розовато-зеленоватым беспредметным узором свою реликвию — деревянную ложку.

Над кроватью Рашида Максютова в соседней комнате висела репродукция с портрета И. Левитана работы Валентина Серова. Просыпаясь первым, я старательно перевортывал портрет великого пейзажиста вверх ногами. Затем отправлялся завтракать. Вернувшись из столовой, обнаруживал, что Левитан расположен нормально, то есть головой вверх. А моя фотография с Репина, всегда расположенная вверх ногами, перевернута. Висит, подобно Левитану, как и положено, ногами вниз. Снова переиначивал Репина с Левитаном. И уходил. Но упрямый Максютов опять возвращал Репина

и Левитана в обычное положение. Тогда я снял фотографию Репина со стены, а Левитана сызнава повертывал ногами вверх. Но ярый приверженец реализма снова определял в естественное состояние Левитана, а мою копию с Ван-Гога переворачивал наоборот. Баловство такое продолжалось, пока окончательно не надоело...

В сердцах вознамерился пхнуть ногой стул, но такового не оказалось поблизости. Как неразряженная лейденская банка, отправился гулять по Воскресенскому большаку...

В избе сопливый пацан в шерстяных носках, выкрашенных фиолетовыми чернилами, играл на гармошке. Глаза у него грустные и голубые. А играл он что-то однообразно-тягучее, протяженное, но, несомненно, даровитое.

Нечто тягостное, тревожное беспокоит душу. Членораздельно высказать, не представляю, возможно ли. А оставлять в себе нестерпимо. Где же найти сочувствие?..

Собрались домой. Трепали, трепали языком об одном, а глаза говорили другое.

Солнце село. Вечер обволакивал тьмью. Соседка моя, чем меньше оставалось света, тем становилась красивее. По цвету и тону. «Эх,— подумал,— вот как писать-то портрет ее надо...».

Баба на том берегу улыбалась во всю свою ж и з н е р а д о с т н у ю розовощекую физиономию:

— Если бы не парень-то твой, утопла бы, чать!..

— Все говорят,— кокетливо заметила она,— что я выгляжу сердитой, когда у меня хорошее настроение...

В честь 25-ой годовщины Великой Октябрьской революции расписали в школьном зале черные чугунные печки и устроили (своими силами) праздничный и совсем недурственный концерт. Снова конферировать поручили мне. Сочинял специально для этой цели

полустихотворные словесные шаржи на ребят. Вышел на импровизированную сцену в черной шляпе, оранжевой кофте (не зря же Маяковский нравится) и с собственноручно расписанной деревянной ложкой в кармане. Когда после концерта начались танцы, Вова Стожаров, кивая на мою кофту и оранжевые туфельки моей партнерши, сказал, лукаво усмехаясь:

— В колорите!

А я, указывая на розовый нос Стожарова и сиреневое платье Жеммы Бениной, с которой Вова любезничал, ответил:

— Тоже колорит...

Чехов в совершенстве передавал душевные затруднения малозначительных людей. В чем причина? Делал ли это Антон Павлович, опираясь на богатые свои наблюдения? Думаю, нет. Большой художник изображает не поверхностные, впечатления, а

Гелий Коржев. Эскиз росписи над дверью общежития. 1942 г.

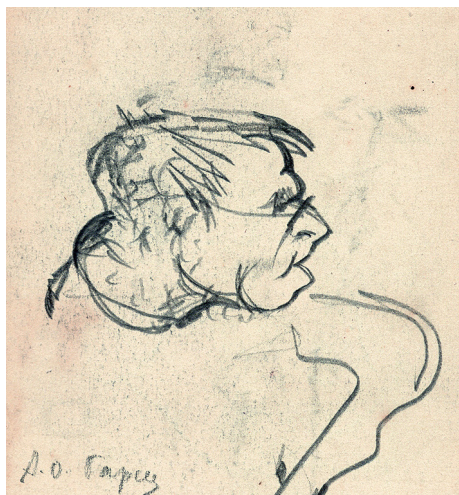
п е р е ж и т о е , прочувствованное. Чехов-то портретировал самого себя. Он был, как сам говорил, неказист, невесом и ничтожен в какой-то период своей жизни. Но в один прекрасный день осознал собственную, как ему казалось, пустоту, заметил, что и вокруг него люди такие же. Осталось что? Возненавидеть их вне себя и заклеить в себе. То есть Чехов воплощал в образах не случайно увиденное, а лишь выстраданное, пропущенное через собственное «я». И в героев вставлял частичку самого себя, проверяя на опыте их действия. Поэтому проза Чехова так трогательно проста и симпатична.

Сколько гадостей по молодости лет в спорах наговорили мы про художника Верещагина. Да и только ли мы! Вон, мудрейший и славнейший Иван Крамской утверждал, что смотреть на Верещагина можно только с этнографической точки зрения. Что его картины не будут разглядывать с целью интимно побеседовать с ними и вынести душевную крепкость и успокоение, необходимые для сознательного продолжения того, что называется жизнью. Нет, Верещагин не только этнограф (собственно, а что тут особенно скверного?). Он блестящий мастер, у которого следует учиться

безукоризненному профессионализму... В Третьяковской галерее я обычно быстро пробегаю мимо его полотен — большеразмерных, суховатых по живописи, дотошно детализированных, с орнаментальными узорами, переведенными через трафарет. Они меня тогда не трогали, не подталкивали к длительному рассматриванию. Но однажды, не желая вступать в неизбежную беседу с антипатичным знакомым, я отвернулся и сделал вид, будто меня заинтересовала картина Верещагина «Шипка — Шейново». Посмотрев ее вблизи, я отскочил, забыв про всяких знакомых. Снег, который издали казался сложным по цвету и явственно уходил в пространство, был, оказывается, вовсе и не написан. Это был оставленный чистый белый холст с нанесенным на него жиденькой краской рисунком. Я впервые понял на этом примере, что такое мудрая простота в живописи.

Художник обязан мыслить самостоятельно и самостоятельно преодолевать вредные влияния.

Колорит картины должен соответствовать сюжету. Н.А. Касаткин в 1895 году написал «Смену шахтеров», где

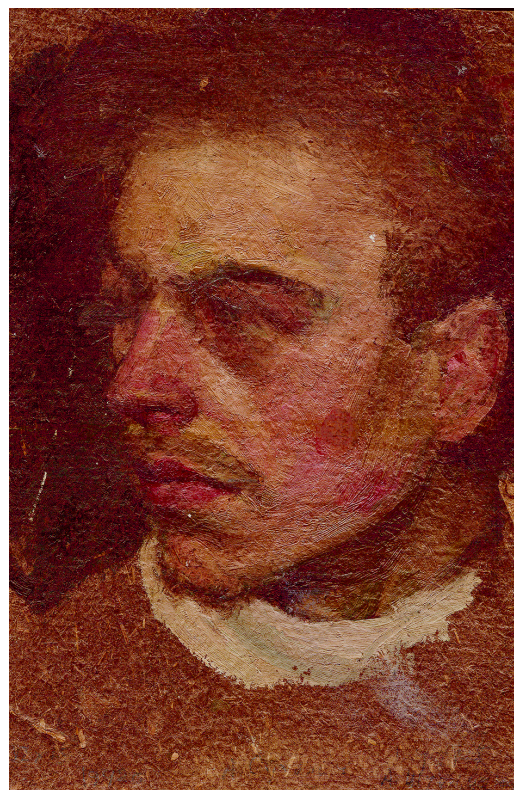
А.О. Барщ. Рис. К. Карамяна.

сгущенными до темноты красочными сочетаниями выразил беспроблемность существования шахтеров в ту далекую эпоху. А как в наши дни следует подходить к решению такой темы? Писать шахту в беспроблемно мрачном колорите только потому, что она скудно освещена? Нелепо. Следует цветовым строем дополнить, переиначить реальное событие. И основной целью ставить изображение, прежде всего, радости труда в обновленной нашей действительности. Это и будет социалистический

реализм. По крайней мере, так я его понимаю.

Нормальному человеку красивая физиономия ни к чему. Красота — вырождение. Умные люди внешне мало привлекательны. Именно поэтому женщины глупее мужчин. Было так в прошлом, и сейчас так. А умнейшие, толковейшие представительницы «прекрасного» пола имеют лица самые что ни на есть обыкновенные, не похожие на пустопорожних раскрашенных и расфуфыренных кукол.

...Несомненно, чем нос длиннее, тем женщина красивее. К тому же, этот явный лицевой фактор есть признак родovitости и

А. Суханов. Портрет А. Штеймана (на обороте - "Больница в Воскресенском"); к., масло, 22x15).

«породы». Наидлиннейшие носы в Воскресенском у Ники Гольц и юной дочки нашей школьной библиотекарши Екатерины Павловны — Наташи Малиновской (по прозвищу Мурзилка).

Если кому-либо сообщишь о глупости, тобой совершенной, то больше эта глупость не повторится. Почему вор ворует? Совесть нечиста! Есть внутри него что-то грязное, о чем другие не знают.

Слишком мелко и ничтожно ремесло

реалистической живописи. Окунуться в занятия ею полностью, искренне и глубоко, никак нельзя. Узки рамки! А коли душа широкая по габаритам, то она туда не влезет. Примером является творчество Ван-Гога и Врубеля. Если бы Ван-Гог не живописцем был, а сочинителем музыки, то многие всесветно прославленные композиторы вынуждены были бы уступить неистовому Винценту свои пьедесталы.

Трудишься годами, а придет праздный зритель, и трех секунд ему достаточно, чтобы составить о твоей работе определенное (и не всегда благожелательное) суждение.

Ира Аристова. Битва. Б., акв., 8,5х15,5. Село Воскресенское. 1941-1943 г.

Мне повезло, немножко заболел. Поместили в школьный изолятор. Ни на уроки не надо ходить, ни в столовую. Еду приносили, даже одну конфетку, «подушечку», жесткую, каждый день давали. Навещали педагоги, друзья. Морозными вечерами, когда не было электричества, при свете печурки мы, больные (всего-то три парня и Ника Гольц), читали вслух жизнеописание Бенвенуто Челлини, болтали об искусстве, вспоминали Москву. Доставать сухие дрова, «плашки», для такого дела было обязанностью «ходячего больного», неунывающего Мити Дмитриева. По ночам он крушил окрест лежащие бревенчатые заборы. В крохотной медицинской комнате изолятора на больших листах конторской книги голубыми чернилами я пробовал писать рассказы, в основном по впечатлениям осенних, 1941 года, налетов немецкой авиации на Москву.

Почему-то кажется, что если бы я попал не в башкирское село Воскресенское, а на фронт, и остался жив, то стал бы писателем. Не

довелось геройствовать вместе с наилучшими представителями нашего трудового люда, остался на обочине жизненной, с художниками...

Вот так штука! Оказывается, Пушкина Лев Толстой серьезно оценил только в 1857 году, прочтя его «Цыган» на французском языке в прозаическом переводе Проспера Мериме.

Мы сидели в холодном классе в пальто, шапках, валенках. Учитель математики, чем-то похожий на гоголевского Акакия Акакиевича, с бородкой реденькой, одетый в потрепанную шубу, под которой виднелась суконная курточка с множеством пуговиц и крючков, успокаивал

аудиторию словами: «Стихните, смолкните!». После уроков учитель заворачивал оставшиеся кусочки мела в тряпочку, прятал в коричневый портфель с застежками и шел неторопливо в учительскую жаловаться Наталье Викторовне на безобразное поведение ребят. Иногда он делился с нами пессимистичными своими, не лишёнными философской глубины размышлениями:

— Как сказал мудрый человек, вход в жизнь один, а выходов до черта. Поедешь, бывало, за город. А там благодать. Речка, гладь лазурная. Так и манит, так и манит, зовет к себе. Мол, что ж ты, прыгай скорее!.. Или гвоздик какой, крючок в стене — так и зовут, бери, мол, веревку покрепче, намыливай! Всюду намеки, соблазны, всюду нет покоя...

Не делай сам того, что порицаешь у других.

Несчастен тот, кто не умеет переносить

несчастье.

Трамваев бояться — в Москву не ездить.

Не только тех следует наказывать, кто зло совершил, но и тех, кто только помышляет о нем.

Вспомним мертвых, а на живых еще насмотримся.

...Девчонок заколотили! Тесаком, железными скобами, гвоздями большущими. Об этом сообщил Валя Пурыгин. Как они там? Ни выйти, ни войти. Туалет во дворе, воды нет, еды,

Борис Крюков. Сценка.
Б., акв., 19,7х27. Село Воскресенское.

наверное, тоже, печка не топлена. Валя сказал, что начальство в курсе дела и грозит всех причастных к этому безобразному проступку исключить из школы бесповоротно.

На завтрак никто из девочек не явился. На уроках живописи возбужденно обсуждали происшествие. Некоторым ребятам факт заколачивания гарема представлялся даже проявлением героизма. Тоже мне, подвиг! Заколотили, обидели, да еще на пороге наложили кучу-вонючу. После подобного действия не во всех глазах станешь Александром Македонским.

Во время занятий живописью в аудитории, озабоченные последними событиями, заглянули Вовик Стожаров и Митя Дмитриев, позвали Коржева. Геля встал, идет. Добросердов, срисовывавший в свой самодельный карманный альбомчик нашу модель — местную, одетую в теплые платки, девочку, встрепенулся: “Куда вы? Надо спрашивать!” — “Меня вызывают”. — “Ну, ладно”. И продолжал набросочек.

Сняв с уроков нескольких ребят, школьное начальство заставило их вычистить крыльцо и откупорить двери общежития.

Девочки, как ни в чем не бывало, сидели на кроватях и (по рассказам “открывателей”), не обращая внимания на букет запахов, делали вид, что делают композиции. На головы мужественных освободителей посыпались различные обидные слова. “Нет, чтоб спасибо сказать, а они ругаются”...

Предложено было позорный факт заколачивания обсудить на открытом (в воспитательных целях) комсомольском собрании. Изя Каплан немедленно воспротивился, заявив, что никто из комсомольцев в этом безобразии не участвовал. “Голову на отсечение даю — никто!”

На общеобразовательных предметах, когда математик рассказывал байки, не имеющие отношения к точным наукам, в класс с опозданием восшествовали Мила Адамович с Женей Березнеговской. Как раз в этот момент мы в ответ на очередную остроту учителя дружно хохотали. Вошедшие девочки, приняв сие на свой счет, густо покраснели. Цвет лица у Адамович сравнялся с цветом ее волос, образуя тем самым слитное, колористическое единство. Березнеговская (в силу постоянной задумчивости и философичности она получила прозвище “Спиноза”) на вопрос Изи Каплана: “Ну, как?” спинозисто ответила: “Больше всего понравился сургуч у двери”. А потом ехидно добавила: “Зато нам дали двойной завтрак, вот!” — “Когда проголодаетесь, — ответил Изя, — сообщите. Мы еще разок заколотим”. — “Не без этого”...

После обеда писали портрет Нины Филипповны. Та возмущалась случившимся, но не очень. Это, мол, издержки возрастного периода.

29 января 1943г.

На пять часов назначили комсомольское собрание. Но неувязочка получилась — во второй половине дня должно было состояться мероприятие куда более актуальное — баня. Собрание передвинули, чтоб все на него, и непременно чистыми, хотя бы физически, успели. После занятий в школе Геля и Генка отправились на этюды. Я сперва помогал Моне топить печку, а после обеда пошел в баню. Когда заканчивал мыться, Вадик Паустовский уже одевался. Прихожу домой — нет его, опять отправился партизанить насчет еды. Коля Гончаров, наш комсомольский вожь, готовился к собранию. Картошка сготовилась и, пересыпанная в другое ведро, соблазнительно вкусный пар пускала в ноздри. Подкрепились — и в школу, на собрание.

Народу много. Наталья Викторовна сделала доклад об итогах третьей четверти. Выдвинула массу рекомендаций и советов, зная

преотлично, что ничегошеньки нами не будет выполнено. Игорь Ильинский, член комсомольского комитета, отчитывался за проделанную работу. В домашней обстановке Игорь вежливый, предупредительный, приятный. Но официальные обязанности мало способствуют совершенству характера. Он так и не научился фальшивить. Видно было, что пафос его слов не выстрадан, да и обороты речи не совсем удачные. “Вот взять, например,— докладывал Игорь,— Будихина Витю. Парень музыкальный, поэт замечательно, не хуже Карузо, этюды пишет красивые, к тому же блондин. Но бузотер. Только благодаря подтягиванию комсомольцев, его удалось вытянуть”. В заключение Игорь сообщил: “Недавно я получил из дома письмо. Там говорится, что в Кремль направлено прошение, подписанное Александром Герасимовым, певицей Валерией Барсовой, Моором, Демьяном Бедным, Соколовым — Скаля, о переводе нашей школы в Москву”. Это нам понравилось.

Василий Васильевич Почиталов, педагог по живописи (мы сокращенно зовем его “Вас-Васиконостас”, или “Вас-Вас сложноразноцвет”) говорил о пошатнувшейся дисциплине в последнее время. Но поток мыслей у него был слишком тягучим. Инцидент с общежитием девочек Вас-Вас предлагал разобрать немедленно, на сегодняшнем собрании. Я крикнул с места, что имеется предложение вообще не обсуждать это событие. Сергей Павлович Михайлов (ведет у нас рисунок) встал и, не спросив разрешения у председательствующего, сурово обрушил на мою голову ворох неприятных обвинений и педантичных нравочуждений. Коля Гончаров высказал свою комсомольско-секретарскую точку зрения по всем проблемам сразу. Затем слово взял Добросердов. “Я, как секретарь партгруппы школы, приветствую от лица коммунистов собрание”, — начал Михаил Владимирович. Но все замечательно знали, что школьная парторганизация состоит только из одного человека, который и является ее руководителем, — самого Добросердова. Речь свою он произносил тихим голосом. Зал внимательно следил, сколько раз он скажет коронное “Знаете ли, понимаете ли” и вслух считал эти словечки. Их оказалось ровно девяносто. В патетические моменты, когда Михаил Владимирович, длинный, худощавый, гладковыбритый, херувимского облика, начинал, что редко с ним случалось, выходить из себя, зал отсчитывал: “восемьдесят два, восемьдесят три”. И многие не то чтоб улыбались, просто хотали. Окончив выступление, Михаил

Владимирович сел, но тут же снова встал и обрушился на Веру Дрезнину, за две минуты успев произнести пять раз фирменное свое выражение. Упомянул он и “Коржева с Шитовым”. Оказывается, я “в смысле поведения

Сергей Гусев. Натюрморт. Б., акв., 31x21.

недопустимое явление”, а с точки зрения живописи “так и останусь на всю жизнь талантливым неучем”. Я был польщен, ибо впервые получил общественное признание своего вундеркиндства. Слово “талант”, что ни говори, магическое.

Председательствующий Коля Гончаров подвел итоги и предложил собрание комсомольское как таковое считать закрытым, а случай с девичьем общежитием, не откладывая, “разобрать сейчас же, но уже на обыкновенном (назовем его так) собрании. Тем более Изя Каплан, вращая огромными глазами и вызывая в стане девочек возмущенные крики, снова клялся и божился, что ни Коржев, ни Дмитриев и, вообще, никто из комсомольцев в этом неприглядном событии не участвовали. На вопрос: “А кто же?” — улыбаясь, ответил: “Не знаю”. Такой же вопрос был задан Коржеву, Китаеву, Карамяну. Приведя уважительные причины, они ответили отрицательно. Спросили Дмитриева. Молчит. “Ты знаешь?” Молчит. Это показалось подозрительным. Рассерженный Добросердов подошел к Митьке, сидящему в темноте, в самом дальнем углу.

Пути детства

— Есть ли здесь, на собрании, тот, или те, кто совершил этот проступок?

Митька молчит.

— Я тебя как партиец комсомольца спрашиваю, отвечай!

Все ждут, тишина.

— Есть.

Переполох. Коля Гончаров (а собрание затягивалось, уже ночь близко) дал пять минут,

весь вечер сидели у меня в библиотеке.

Девочки выразили негодование по поводу заявления Бабицина.

— Не мог он такого сделать, он талантливый! И нарочно это сказал, чтобы других выручить.

Бабицин обиженно:

— Да, нет же, это я!..

Собрание закрыли, решив продолжить

Петр Оссовский. Историческая композиция. 1940 г. К., масло, 8x11.

чтобы участник сознался сам. Если этого не случится, все разойдется, будем считать разговор исчерпанным. А сознаться он должен, так как подводит остальных, всю школу. Прошло минуты две. Встает Бабицин, нервный, тонкий, возбужденный.

— Это я сделал!

Вскакивает с места Екатерина Павловна:

— Неправда. Бабицин и Игорь Годин

рассмотрение конфликта на учкоме, председателем которого, к сожалению, был я.

Дождался Колю Гончарова. Подошел Андрей Овчаров. Болтаем. И вдруг, осев на плечо мое, он сказал шепотом: “Это я сделал. Мне нельзя сознаваться, выгонят”. Обсуждали разные варианты. Андрей (прозвище “Цыма”), в обычное время чрезвычайно озорной, крикливый и задиристый, в эти минуты вдруг стал тихим,

П. Оссовский в Козах (после волейбола). 1946 г. Рис. Л. Шитова. 23,5x36,5 .

Отправились Костя Карамян, Ахмет Китаев и Митя Дмитриев. Вскоре вернулись. “Выпроводили! Требуют, чтоб пожаловали к ним те, кто дверь заколачивал”.

Возникло две проблемы: сразу же идти забивать девочек еще раз или показать им тех, кто вначале совершил это действие. Последнее, после горячего обсуждения, показалось более разумным. Пять человек оделись понаряднее и во главе с Рашидом Максютовым опять

Юра Виноградов. Портрет С. Тофтула. Б., акв., 16х12.

двинулись в гарем. Выработали стратегическую программу: ни в коем случае и не выдавать и не показывать того, кто, деликатно выражаясь, поставил сургуч у заветной двери. Остальных — пожалуйста, не жалко.

Через несколько минут с победной песней появился сияющий Максютов:

— Ну, все, братва! Доставайте рельсы, гвозди, молотки, айда забивать гарем!..

Девочки не поддались уговорам. Они развили такую идею: “Забить дверь — милая шутка. Покажите того негодяя, кто сделал несколько больше, чем другие”.

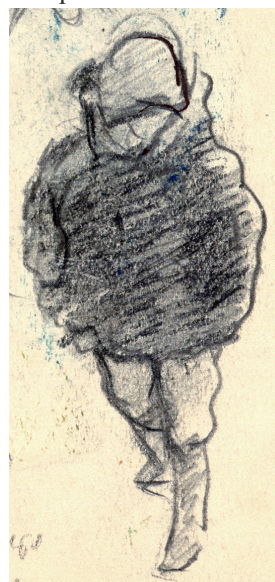
В ответ на это Максютов предлагал заколотить гарем капитально, окна тоже, чтоб не вылезли. Но прежде, чем приступить к финальным действиям, вознамерились предпринять еще одну переговорную попытку, самую последнюю. Если и она потерпит крах, бросить клич “Сарынь на кичку!”, набрать народа поболее и заколошматить гарем так, чтобы обитательницы его и думать не могли о

свободе. Пусть выгоняют из школы, пусть произойдет полный жизненный разлом, дальше фронта все равно не пошлют. Игра стоит свеч.

На переговоры отправились Коля Гончаров, Геля Коржев и я. В рыжем электрическом свете, с темными от обилия теней стенами, красно-бурым ковром на полу и затейливыми всюду занавесочками комната, куда нас впустили, глядела упрямыми, непреклонными глазами девонок. Они не желали сдавать позиции.

Сидели мы, не снимая зимней одежды, за столом, заваленном самодельными игральными картами (их девочки тоже рисовали для обмена на картошку). Белая кружка, два карандаша, тоненькая акварельная кисточка, бритвенное лезвие. Чтобы сосредоточиться, я машинально ломал бритву пальцами на мелкие кусочки и бросал их в чашку.

Хозяйки гарема с упрямой настойчивостью не соглашались с миролюбивой нашей инициативой. “Мы же девочки,— возмущались они,— нас оскорбили. И вдруг, именно мы должны идти на попятную. Уступите, назовите шестого!..”. Я прикидывал в уме такой вариант: сейчас уйдем, затем воинственной оравой вернемся, заколотим наглухо общежитие. И поскольку все мы комсомольцы (секретарь, как всегда, в авангарде), то в назидание другим попрут нас не только из школы, но и из комсомола. А это не самый заораживающий факт биографии. С живописью придется расстаться. Холст почти полуметровый, на котором Виктор Иванов написал, и очень

Митя Дмитриев. Рис. К. Карамяна.

неудурно, мой портрет (там я в шляпе и с бантом) можно демонстративно располосовать ножом и

стопить в печке. Придется покончить со всем, что еще недавно было дорого. Аж страшно стало. С отчаянием начал развивать перспективы, которые могут последовать в случае отказа девочек идти на мировую. Они упорно молчали. Ира Аристова приткнулась возле печки, сидит нахмуренная, Жемма Бенина хлопала длинными ресницами. Мила Адамович прятала колени. Но сквозь дырочки в мутно-фиолетовых чулках светились кусочки розовой ее ноги. У рыжих вообще цвет кожи такой, будто их кипятком ошпарили. Наконец, Вера Дрезнина прервала молчание:

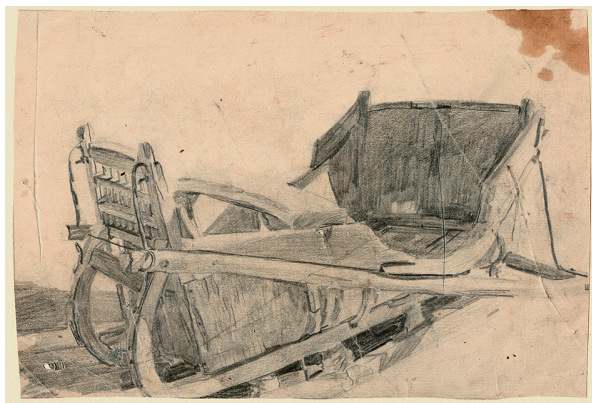
— А что думает Ира?

Слова Аристовой поразили неожиданной логичностью. Надо же, кто бы мог подумать!

— Знаем, участвовало в этом безобразии шесть человек. Пятерых мы высчитали. Но требовать имени шестого, по-моему, не нужно. Он и так достаточно измазан и пристыжен. Пусть будет ему всю жизнь гадко и стыдно.

Что это — уступка? Девочки приняли предложение Иры безоговорочно. Снова молчание... Сразу решились все трудности. Не верилось даже. Комната осталась той же, свет электрический не сделался ярче, еле струился. Те же ковры и занавесочки, не изменились и выражения лиц, поз девочек. Все, как было. И, одновременно, не произойдут катастрофические перемены, все останется по-прежнему. Может, даже лучше станет. Ребята, которых хотели исключить, не покинут школу, продолжат учебу. И опять казалось, что мы только-только вошли и еще не начинали дипломатию разводить, девочки что-то ждали. Наконец, Надя Усачева, староста общежития, вымолвила:

— Я бы на вашем месте ушла.

Сани. Рис. К. Карамяна (или В. Пурьгина).
Б., кар., 15,5х23 (обрезан по периметру).
Село Воскресенское. 1941-1943 г.

Мы попрощались и покинули общежитие.

В. Пурьгин. Воскресенское. Б., черн.
акв., 20х24.

31 января 1943г.

Вчера, в воскресенье, до обеда читал грабаревскую монографию о Валентине Серове. Пришел Витя Иванов. Снова спорили об искусстве. Я порицал Серова и Репина! “Кому сегодня, а мы приближаемся к середине двадцатого века, нужен этот устаревший, буквалистский реализм! Да и вообще, надо ли нам изучать анатомию, перспективу, стремиться к передаче натуральной материальности?” Серова Витя защищал, но не активно. За Репина и устои реализма готов был хоть в воду.

Дебаты пришлось прекратить, отправиться на переговоры с Почиталовым. Назначенный ответственным за разрешение конфликта с общежитием девочек, он интересовался недавними в этой области новостями. У Вас-Васа как раз находилась Надя Усачева, показывала свои домашние, выполненные вне класса, этюды. Мы потоптались перед дверью. А Вас-Вас все занят и занят. Я побежал домой за портретом Нины Филипповны, чтобы тоже его проконсультировать у Вас-Васа. К началу нашего серьезного разговора о последних событиях подоспели Коля Гончаров и Геля Коржев. Помогли они (и Надя Усачева) значительно, уломали Вас-Васа. Дело с “заколотом общежития” замяли. Выражаясь официально, сняли с повестки дня. В честь наступившего мира и укрепления дружбы с девочками наметили провести праздничный танцевальный вечер. Но Вас-Вас разрешил веселиться и радоваться только до одиннадцати вечера. И то, если будет электрический свет.

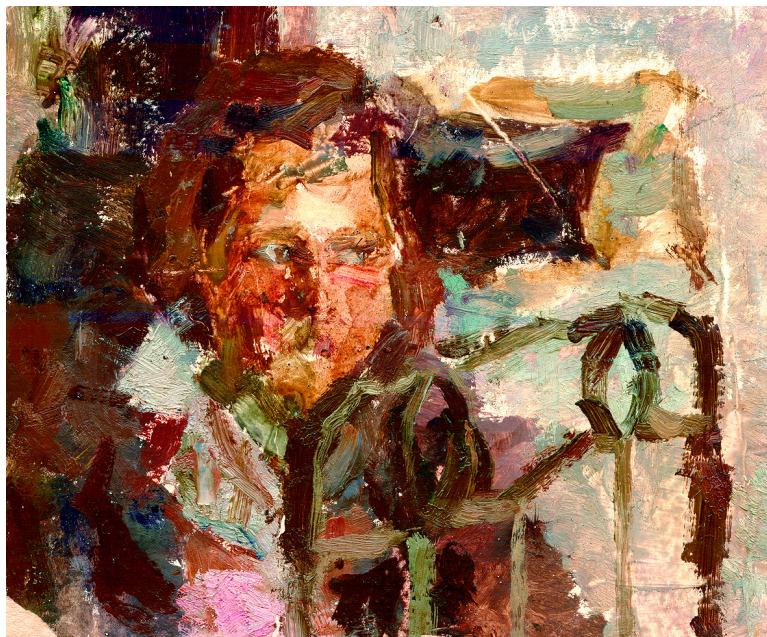
Еще часа два беседовали о живописи. Почиталов разошелся, пустился в воспоминания о годах учебы во Вхутемасе у Александра Васильевича Шевченко, о дружбе с Борисом

Шалыпиным, сыном великого певца, Порфирии Крылове, том самом, который один из “Кукрыниксов”. Вас-Вас был искренно польщен нашим вниманием.

— Вот ты,— говорил он мне,— бант нацепил, ложку в кармане носишь. Я в свои молодые времена тоже выделялся из серой, так сказать, общей массы. У меня куртка артистичная была, ну, точь-в-точь, как у парижских

своя, подвластная природным возможностям. И поверьте, обязательно найдутся, хотя их может быть совсем немного, люди, зрители, настроенные на твою волну. Полистайте историю искусства. Она состоит из совершенно различных, не обязательно титанически великих, мастеров живописи...

Рая Михайлова, также пришедшая к Почиталову, изнывала нетерпением, ожидая в

Мила Адамович. Этюд. К., масло, 15x18,5. Село Воскресенское. 1941 г.

художников. Вот такая, до колен. Все ходили смотреть. Не на куртку, конечно, а на мои работы. Писал я тоже не совсем так, как остальные, в основном мастихином, бесстрашно и широко. Главным для меня была красота живописи, выразительность цвета. Мог в один сеанс замазать большущий холст. Все нипочем! Когда писал, воображал, будто я по меньшей мере Сезанн, куда выше по культуре живописи, чем мои коллеги, корпевшие над дотошным изучением природы. Эдакие, как казалось мне, копировальщики — крохоборы! А вот именно они, а не я, так распорядилось время, оказались правы. Их сегодня кто только не знает...

Снова коснулись различных толкований понятий таланта и вкуса, о месте в отечественном искусстве Врубеля, Серова, о честности художника, значении чрезвычайно модных нынче импрессионистов, которых, само собой разумеется, Вас-Вас беспредельно любил.

— И запомните,— вещал наш учитель,— надо иметь в душе “свой жанр”, присущую только тебе и соответствующую именно твоему голосу мелодию. У художника должна быть своя песня, пусть маленькая, но

коридоре, когда мы закончим высокие разглагольствования.

Затем — скромный обед, как всегда количественно недостаточный. А дома, то есть в общежитии нашем, гость — Женя Лобанов. И сюрприз — картошка с салом. Пригласили Лобанова к трапезе. Батырь, наиболее из нас рачительный, недовольно бурчал.

Вечером состоялось в школе долгожданное танцы, девочки слегка припозднились. Да и не все пожаловать изволили. Понять их можно, не легко быстро преодолеть себя. Когда в первые минуты ни одной из гаремных одалисок еще не было, всерьез дебатировался нами вопрос: а не заколотить ли девичье общежитие повторно? Но все обошлось.

К концу вечера признался Наде Усачевой, что мне понравились ее этюды, те, что видел у Вас-Васа.

— Я-то думал, ты совсем не можешь писать.

— Ну, спасибо, удружил!

— Нет, серьезно...

Надя рассказала, что у них в общежитии

была мама Вадика Паустовского и гадала девочкам по руке. Что кому она напорочила, какую дорогу в жизни и творчестве, узнать не смог. Но, как сообщила Надя, девочки остались довольны.

1 февраля 1943г.

Саша Гуцин. Голова девочки (на обороте - зарисовки: см. стр.61); 31,2з21,5.

Писал в избе на большом листе картона маслом портрет местной колоритной бабы. Возвращаясь, увидел — кто-то среди улицы с мольбертом стоит. Кто — Ирина Аристова, Галя Барц? Подошел — Аристова. Поздоровался. Отвернувшись, ковыряя кисточкой палитру, невнятно ответила.

— Неужели, так интересен этот домик?..

Молчит. Вероятно, коли пишет, значит, интересен, чего спрашивать. Но почему такая отчужденность, нежелание разговаривать? Вчера на танцы пришла позже, до этого — вообще не была, а еще раньше, если и появлялась, то по-зимнему укутанная и полупрезрительно танцевала, не снимая рукавиц. Ну, а на вчерашние танцы, хоть и опоздала, но зато щеголяла в нарядном костюмчике, туфельках изящных,

благоухала московскими духами. Как не пригласить ее! Непринужденная болтовня. “Что тебе нагадала Паустовская?” — “Не скажу”. На извечный вопрос: “Что делаешь?” (в смысле творческом) — все тот же ответ: “Ничего! Живопись маслом не идет, а акварель надоела”.

И все. Остаток вечера она беседовала и танцевала только с Витей Ивановым. Я сидел, надувшись, в углу, курил махорку. Вовик Стожаров, добрая душа, даже взволновался. Он спросил Ирину: “Ты чего не танцуешь с Люцианом?” — “Не я с ним, а он со мной не танцует”. Разумно, конечно. Но я так и не подошел к ней...

После обеда отправился в гости к Вите Иванову в общежитие “Доротдел”. Он продемонстрировал свои работы. Подарил мне кучу своих блестящих по мастерству рисунков, выполненных промасленным углем и сангиной. В их числе портреты Леша Мерзлякова, Левы Котлярова, Изи Каплана, несколько автопортретов. Конечно, не обошлось без споров об искусстве. В этом помогал нам обаятельный Саша Суханов. После ужина ответный визит в наше общежитие “Райсовет” нанес Виктор

Иванов. Продолжили (а как же иначе!) дискуссию о путях развития живописи. Геля Коржев и я представляли одну, если можно так сказать, систему взглядов, Виктор Иванов —

Виктор Иванов. Сани. Село Воскресенское.

другую. Нейтральный к отвлеченным умствованиям Рашид Максютлов слушал наши споры, коварно улыбаясь татарской своей улыбкой.

На днях В.В. Почиталов проверял классы, где проводились занятия общеобразовательными предметами. Холод, пар изо рта, ребята сидят в зимних пальто, руки в варежках “Почему не записываете?” — спросил наивный Вас-Вас. Учитель: “Нет бумаги и карандашей. А у кого есть, берегут для рисования”. Почиталов удумал вот что. Надо, мол, попросить в библиотеке оборотные стороны толстых литературных журналов. Все равно их никто не читает, да и читать не будет. Обложки эти можно использовать для работы. Мы слушали, удивлялись. Воистину, печатное слово — благо, но его отсутствие, как выясняется, благо еще большее. В заключение Вас-Вас обратился к Березнеговской: “А вы как думаете, нужно записывать слова учителя?”. Женя гордо, не вставая и не пошевелив бровью, ответствовала: “Это дело вкуса”.

7 февраля 1943г.

После обеда прилег отдохнуть. Вадик говорил Жене Батырю о том, что нужно, и побольше, намять картошки. И хорошо бы, хоть какую-никакую, курочку достать. Слушал, не

вмешиваясь, желая продлить приятные мгновения дремоты. Уснул. Пробудился — свет уже горит, вечер. Начал собираться в гости к С.И. Кускову. Всю неделю давал себе слово навестить его, и все не получалось. Неожиданно пожаловали к нам Витя Иванов и Саша Суханов. Поболтали немножко. Еле ушел. У Кускова опять пространные разговоры о поэзии, литературе. Читал он на память стихи Иннокентия Анненского из сборника “Кипарисовый ларец”, говорил, что Владимир Маяковский не только революции трубач, но и трепач, а при коммунизме поэзия будет в духе акмеизма: многозначна, метафорична и текуча. Ибо акмеизм и есть подлинная вершина поэзии. Я с удовольствием слушал Сергея Ивановича, но ни в чем с ним не соглашался. Мои жалкие попытки возражать он разбивал в пух и прах. Основной целью моего прихода была необходимость договориться — какого числа Кусков будет читать лекцию “Гамлет и Дон Кихот”. Он дал мне (в обмен на возвращенные его же книги) стихи Константина Случевского и Алексея Константиновича Толстого.

Вернулся в общежитие. Непоседливый Вадик курочку все же раздобыл. Невероятно худую, синеватого цвета, малопривлекательную. Пока варили эту дистрофичку, отправился в библиотеку. Хотел, после настойчивых рекомендаций Виктора Иванова, посмотреть монографию о И.Е. Репине. Библиотека вот-вот закроется. Сидят там и листают красочные альбомы Ира Аристова и Клара Власова. Толстенную книгу про Репина Екатерина Павловна разрешила мне взять домой, предупредив, чтобы не вырывал на память о великом художнике иллюстрации. Из библиотеки вышел вместе с Ирой. Ночь, совсем темно. Светились окна общежития “Райсовет”. Говорили, разумеется, о живописи (о чем же еще). Ирина бойко рассказывала всякую всячину. А вот и гарем. Но мы, уминая валенками только

В. Иванов. Похороны. Село Воскресенское.
Б., черн. акв., 10,5x22

что обильно выпавший снег и увлеченно беседуя, двинулись дальше. Не хотелось расставаться. Но, как утверждают мудрецы, всему приходит конец. “С завтрашнего дня, Люцик, я буду всерьез учиться писать маслом”. Я скромно ответил: “Вообще-то, Ира, и мне не мешало бы...”. Попрощались. Силуэт ее растворился на фоне бревенчатой стены

Гелий Коржев. Базар.
Б., кар., 28x37,5. Село Воскресенское.

общежития.

Дров в школе нет, не привезли. Уроки отменили. Очень хотелось писать. Такое же желание, что естественно, возникло и у Гели. Решили увековечить кого-либо из девочек. Пока обсуждали эту проблему, шутили с новой неповоротливой и толстой уборщицей нашей Анной Алексеевной, глядь — а на часах уже одиннадцать. Остановились на таком варианте: писать Раю Михайлову. Помчался ее разыскивать. На занятиях в школе ее нет. Просил Надю Усачеву, чтоб передала Рае, пусть придет к нам позировать, мы ждем с нетерпением. Вычистили и выскоблили палитры, краски выдавили, картонки и холстики приготовили. Нет! Перед обедом Геля и я заглянули в гарем. В комнату нас не пустили, а из-за двери неприветливо ответили, что Рая обедает. В столовой Рая заявила, что позировать сегодня не может, а завтра — пожалуйста. Что делать? Писать ох как хотелось, как никогда раньше. По общему согласию надумали пригласить Жемму Бенину. Та сидела, моргая выразительными глазами, за дощатым обеденным столом и ждала добавки супа. На мое: предложение она, помахав ресницами, отреагировала отрицательно. Недовольные вернулись домой. Нина Филипповна, зачавшая в наше общежитие, успокаивала нас. Снова, отторгнув самолюбие, потащились в гарем. Прямо передо мной качающаяся спина Аристовой скрылась в

передней. Вхожу. Ира уже в комнате. Дверь оставалась открытой, виднелись недовольные физиономии девочек. Они начали гримасы корчить и были, как мне показалось, недостаточно вежливы. Официальный предводитель гарема Надя Усачева заявила с металлом в голосе: “Никто позировать не будет. Ни я, ни Вера Дрезнина, ни Мила Адамович, ни Ира Аристова”. Последнюю кандидатуру Надя ехидно подчеркнула. В кармане моем позвякивала целая коллекция длинных гвоздей. Снабдил ими Геля на случай отказа. Но по причине миролюбивого настроения я постеснялся припугнуть девочек гвоздями, в соседней комнатке у печки величественно возвышалась Женя Березнеговская. И она отказалась. Гаремный “детсад”, то есть, Ирочка Никонова, сестра Паши и Миши Никоновых, самая мелкая по возрасту и росту, позировать согласилась... Писали ее в обстановке творчески-сосредоточенного молчания. Лишь изредка кто-то остроумничал. Да Иришка неторопливо рассказывала разные истории про девочек. Они подтверждали ту непреходящую истину, что и женщина человек. Оказывается, все девочки курят и иногда даже выпивают. Напившись, становятся красными и громко хохочут. В разгар нашего живописания сызнова явилась Нина Филипповна и сообщила, что наконец-то

Лев Котляров. Эюд на историческую тему.

привезли дрова. Предоставили Иришке отдых, а сами побежали в школу. Приволокли оттуда большое бревно. Продолжили портретирование. Закончив, успел перед ужином с Вадиком Паустовским сходить за картошкой. Наменяли и

В. Буланов. Эскиз на историческую тему.

приволокли в общежитие целый пуд. Вечером была лекция о международном положении. Свет электрический отсутствовал; холод. Все же пошел на лекцию. Встретил там Витю Иванова. Долго и душевно, удрав из зала, беседовали о живописи. Замыслили организовать объединение: молодых художников. Ведь по окончании школы не в институт же идти! Хотя служба в армии — гражданский долг — неизбежна.

8 февраля 1943 г.

Опять занятия не состоялись. С утра писали Раю Михайлову. Народу набилось в комнату — ой, ой! Тесно, неудобно, мешали друг другу. Да и посадили Раю неудачно, К тому же у меня (и, вероятно, не только по этим причинам) ничего не получалось. Предложили с некоторой издевочкой натурщице нашей закурить махорки. “Не курю,— ответила она с многозначительной улыбкой. После обеда заканчивали портрет Иришки Никоновой. Снова вели разговоры на бытовые темы.

12 февраля 1943 г.

Ночью неожиданно заработал движок, появилось электричество. Встал и до завтрака, реализуя вчерашние живописные впечатления, писал. Затем занятия рисунком в школе. Перед обедом продолжали портрет Раи Михайловой. Не выходит у меня! Геля Коржев посоветовал:

— Цвет здесь не важен. Ты смотри, она же молодая, симпатичная. Обрати внимание на

фактуру лица — без морщинок, бархатная, с румянцем. Не то, что у старушек. Надо это почувствовать. А глаза-то какие живые! Не от общих цветowych пятен исходить следует, а из этого вот ощущения молодости...

Содрал с холста все сделанное. Переключился на другое, начал с вместе с Костей Карамяном писать Валю Пурыгина. Увы, убеждаюсь — нет цвета в моих этюдах. Есть краска — сырая, противная. Неужели, не вижу отношений? Спросил у Кости. А он почти слово в слово повторил сказанное Гелей:

— Надо тон и материальность передавать. Тогда и цвет появится. Твоя теория, что если верно взять цвет, то и рисунок и объем уточнятся — ошибочна. Как раз наоборот. Рефлексы дурацкие, разнообразные мелькания света и цвета сейчас такие, через миг другие. Разве утонишься! С точки зрения живописи, человек — явление фундаментальное, рядом с ним все второстепенно. Так зачем же мимолетному отдавать предпочтение? Я, например, тоже не вижу красиво цвет. Ну, никак! Хотя, что понимать под словом “красиво”? И рисунка у меня нет крепкого. А ты лучше стал рисовать. Не скажу — точнее, но выразительней! Это факт. Так что, не огорчайся...

Костя скромничал. Живопись у него густая по краскам, плотная. И рисунок тонально слаженный.

Костя Карамян. В блокадном Ленинграде.

Перед ужином снова вместе с Вадиком совершили традиционный поход за картошкой. На этот раз направились к хитрющему старику Маврикию. Говорят, раньше он числился кулаком, прижимистый такой. Решили поактерствовать. Я изображал скупого хозяина ниток, предназначенных к обмену, а Вадик

натуру бесшабашную, с купецким размахом и наигранной, но расчетливой добротой. Спектакль прошел успешно, обмен получился удачным. Довольные, ввалились мы, чтоб не опоздать, с мешком картошки прямо в столовую. И тут же стали объектом многих шуток...

Ну и денек выдался сегодня! С утра, пока не рассвело и почти до темноты занимался

слышал. Я думал, у него состояние такое разбитое после хамоватой реплики Гончарова. Тем более, бревно они так и не могли осилить; варили картошку, используя в качестве топлива подрамники. Геля совсем уж приготовился идти на танцы, был празднично разодет: белый свитер, вместо валенок галоши, вместо носков портянки, завернутые на брюки. Поговорил с

В. Захаркин. Эскиз. Б., черн. акв., 8,5x19,5. Село Воскресенское. 1941 г.

живописью. И весь день раздраженность, неудовлетворенность сделанным. Вечером должны состояться танцы. Как-никак, а это возможность уйти от творческих забот и других волнений. Картошку, добытую с Вадиком, приволокли в общежитие. Коля Гончаров и Женя Батырь занялись дровами, пыжились распилить крупнейшее, на санках доставленное бревно. Геля Коржев предложил: “Есть топор? Я разрублю. Пила тупая, долго возиться будете”.

ним о случившемся. “Люцик, хороший, не в том суть. Тут посложнее дело. Скажу после”. А в коридоре мрачный Гена Самсонов варит что-то вкусенькое. Один, без Гельки. Значит, раздор-то у них серьезный...

Лишь начались танцы, сообщил Геле и Максютову: “Пойду округлять личные свои делишки”. Через весь зал под звуки мелодичного танго демонстративно направился к своей симпатии. Она сидела, как всегда, в дальнем

В. Иванов. Садко. Б., черн. акв., 12,3x22,3. Село Воскресенское. 1941-1942 г.

Коля Гончаров: “Мы и сами как-нибудь! Обойдемся без советчиков”. Спросил Колю: “Чего так зло ответил?” — “Он наколет дров, первым поставит ведро, а нам ждать!”

Ну и ну! Геля был в соседней комнате у Игоря Ильинского. Пока Изя Каплан покоится в изоляторе, я перебрался на его место, в комнату Игоря. Он тоже слегка гриппует. Геля лежал грустный на моей, вернее, Изиной кровати и все

углу, в шубе и валенках. “Пойдем?” Печальный взгляд капризных глаз. “Не хочется”. Что ж, значит, не судьба! Вернулся. Макс и Геля усмеваются: “Ну, как, закрутился?”...

13 февраля 1943г.

Солнечный денек. Снег мокрый, липкий. Выбежали из школы во двор, и давай снежками кидаться. Учительница физкультуры Раиса Ивановна Чернышева сделала замечание

Ире Аристовой:

— Зачем в людей? Швыряла бы в столб!

— А я сейчас швырну в один столб!

И, хотя Раиса Ивановна находилась рядом, Ирина запустила в нее снежком.

Лучше умереть от водки, чем от скуки.

Сергей Иванович Кусков, врач, высокий

мешочек два пуда махорки.

Умение разговаривать, на мой взгляд, состоит не в умении складно излагать мысли, а в умении заставить это делать собеседника.

Быть все время умным — значит быть все время глупым. Ибо быть умным в глупой обстановке означает разрушение гармонической

Володя Захаркин. Эскиз. 1942 г. Б., черн. акв., 10,5x15.

представительный мужчина, с чуть выпученными под толстыми стеклами очков глазами, любитель изящной словесности и шахмат, отец нашего суперодаренного книжного иллюстратора Вани Кускова, объяснял:

— Шахматист обладает одной особенностью, которая начисто отсутствует у простых смертных. Это оценка позиции, взвешивание разнообразных, готовых вот-вот осуществиться вариантов. Применительно к бытовым обстоятельствам — анализ жизненного положения...

Накануне отъезда в Москву зашел к нам Саша Суханов, талантливый живописец, гордость школы, голубоглазый, светловолосый, широкоплечий, приветливый и славный парень.

— В приказе директора, — сообщил он, — сказано, что каждый учащийся, уезжая, может взять с собой личного багажа не более сорока килограммов. А у меня вот...

И показывает: брюки истрепанные, свитер заношенный, шубу старую и еще подушку и матрац.

— А больше ничего нет. Шубу, матрац и подушку загною. Брюки и свитер надену. Красок и этюдника нету. Остается вот что...

Он показал мешочек для табака.

— И больше ничего!

Мы ему посоветовали насыпать в этот

взаимосвязи с окружающим.

Когда начинаешь толковать о чем-либо с увлечением, забываешь о самом главном, из-за чего, собственно, и речь-то свою начал. А вспоминаешь об этом поздно, когда это главное уже потеряло интерес. Поскольку говорить больше не о чем, выкладываешь все же ранее задуманное и забытое. И попадаешь в глупое положение, ибо сказанное оказывается не к месту.

Геля Коржев высказал недавно любопытную мысль.

— У каждого в голове существует определенная, выработанная на окружающих людей схема. Одну из сторон этой схемы обычно развивают до гиперболических размеров. Именно здесь заключен корень очень многих поступков. Один видит в человеке лишь положительное начало и варьирует его до бесконечности. Отсюда — преклонение перед данным субъектом. Другой увидел нечто скверное. И в разговорах, действиях мелких и крупных фиксирует внимание только на этом, закрывая глаза на остальные, не такие уж негативные качества. Не этим ли объясняется беспричинная ненависть одного человека к другому, вполне, если судить объективно, положительному. И наоборот...

Не все, что дорого и интересно тебе, интересно и дорого другим.

Можно ли сравнивать Чехова и Бальзака? На мой взгляд, это все равно, что рассматривать картинку Франсуа Буше после фресок Микельанджело.

Перечитывая (который раз) стихи Сергея Есенина. Безысходная меланхолия. Неужели нужно обнажать до такой степени душу свою, ежели в душе до такой степени муторно?..

Надя Усачева спросила меня:

— У вас, мальчишек, бывает что-нибудь интересное в жизни?

— Конечно, бывает.

— Часто?

— Каждый день.

Рая Михайлова и Кира Бахтеева.
Рис. К. Карамяна.

— А что именно?

— Картошка вареная. Без хлеба, зато с солью.

Люди, живущие сердцем, охотно верят в приметы.

Когда человек теряет цель, его поведение становится неуравновешенным.

Надо верить в людей и верить в жизнь, чтобы почувствовать необходимость изменить

жизнь и помочь людям.

— Я свои работы никому не показываю,— строго говорила она,— нет смысла никакого. Никто ничего полезного не скажет. Только подражания начинаются. А это противно. Если и показываю, то тому, кто понимает, может посоветовать что-то.

— Например, мне?

— Хотя бы.

— Раньше я тоже прятал свои картинки от посторонних глаз. Теперь решил — глупости это. Если всерьез начнешь учиться — написал этюд, неважно какой: плохой или хороший,— приколачивай его на стенку. Пусть все смотрят, высказываются. По крайней мере, будешь знать, кто как воспринимает твою живопись...

Должен был состояться большой праздничный Первомайский вечер. К торжественной части все было готово: зал разукрашен, декорирован художественно и даже политически. Мало того, графин для воды со стеклянной пробкой достали. Ну, а другая, более увлекательная часть — танцы — оказались под угрозой срыва. Приличных пластинок патефонных не было. А те пять, что имелись, надоели до предельной степени. Достаточно сказать, что ухитрились танцевать даже под фортепьянный прелюд Рахманинова. Владелец большой коллекции пластинок доктор С.И. Кусков куда-то (с ним бывает) запропастился. Сергей Иванович человек со странностями и не без веселости характера. От него что угодно можно ожидать. Так, например, всех больных учащихся и от всех болезней лечит исключительно уротропином. А себя — и тоже от всех хворей — только спиртом. Помимо глубоких профессиональных знаний в области медицины, Сергей Иванович очень недурно играет в шахматы (имеет первую категорию, и в его репертуаре королевский гамбит), автор возвышенно-романтических стихов и литературоведческих эссе. Придя в школу по делам праздничного вечера, я вдруг неожиданно встретил Сергея Ивановича. Он был в черном пальто, роговых очках, с тростью и выглядел весьма внушительно.

— А я тебя искал,— сказал Сергей Иванович.

От него пахло спиртом. Спокойно, без обычных острот, он объяснил, что подготовил двадцать «замечательнейших вальс-бостонов и фокстротов» из своего уникального собрания.

— Только,— добавил он,— смотри, чтобы пластинки остались в целости, не побились. Ставлю одно условие. Так как я плохо

вижу, назначь кого-то (а лучше сам) в провожатые мне. Чтоб безопасно мост перейти. Мостик, как знаешь, в две дощечки, внизу речка, а ночь темна, хоть выколи глаза. Не случилось бы что со мной. И с пластинками. Будет очень жаль, особенно пластинки.

— Я вас, Сергей Иванович, провожу.

— Вот и хорошо.

Началась торжественная часть. О значении Первомайского праздника в сложной обстановке военного периода произнес краткую речь наш директор Николай Августович. Я сидел в первом ряду и все гадал, как бы, никого не тревожа, побыстрее удрать. Директор окончил говорить. Только я собрался уйти, начал выступать следующий оратор. Из местных, партизан, после ранения вернувшийся с фронта.

Мила Адамович. Рис. Л. Шитова.

— Мы, дорогие товарищи ученики-художники, вторую маю встречаем в условиях Великой Отечественной войны...

Нашел-таки возможность выскочить в коридор. Кусков ждал. Поделился с ним впечатлениями от торжественных речей. Сергей Иванович тут же развил тему всеобщей малограмотности.

— Недавно из центра приказ доставили. Черным по белому и, заметь, врачами руководящими сочинено такое: «Серьезную ошибку совершают те, кто отправляет на фронт беременных девушек». Ха-ха! Эдак до богохульства дойти можно! Ежели вспомнить Престол премудрости Богородицу нашу, честнейшую Херувим...

Вернулись в зал. Еще несколько ораторов выступило. Затем снова взял слово Карренберг, официально разъяснил процедуру

предстоящего в скором времени возвращения в Москву. Это замечательно!..

Начались танцы. Кусков под мелодичные звуки своих пластинок тоже немножко потанцевал. И отправился, взяв меня в провожатые, вернее, в поводыри, домой. Ночь была не только кромешно темной, но и прохладной. Выломал надежности ради из плетня тросточку себе. Сергей Иванович развлекал меня дорогой рассказами. На мосту замолчал, стал серьезным. Перебрались на другой берег. Я пожаловался, что холодновато, одет-то легко.

— Это поправимо,— душевно откликнулся Сергей Иванович,— я дам тебе таблетку уротропина.

— Он невкусный.

Миша Голубенков. Рис. Л. Шитова.

Кусков немного подумал.

— Тогда дам средство более радикальное — стакан водки.

— А обратно дойду?

— Ты молодой, дойдешь. Я всегда по утрам, вместо физзарядки, выпиваю водки и, пока не разобрало, тороплюсь к мостику. Перехожу спокойно. Только чуть погода начинается приятный гул в голове и общее, я бы сказал, качание. Но больница рядом. А там привычное дело — приемы, обходы, клизмы, то да се. Перед тем, как домой возвращаться, повторяю свой маневр. Опять стакан водки, и скорее, скорее к мостику.

Вошли в дом. Жена Сергея Ивановича и сын Ваня спали. На столе зажженная керосиновая лампа. Кусков раскрыл шкаф, вынул здоровенную, в несколько литров зеленую

бутылку с прозрачной жидкостью.

— Ну, в честь Первого мая и за мое

Андрей Тутунов. Двор.
Б., акв., 8x10. Село Воскресенское.

здоровье — прими!..

Налил полный стакан. Я выпил. Кусков принялся увлеченно пояснять достоинство пьес Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» и «Принцесса Греза», декламировал на память отрывки. Затем перешел к своему любимому «коньку» — лирической драме Аполлона Майкова «Три смерти».

— Обязательно прочитай! Там и про тебя есть. Эпикурец Луций — не ты ли? — говорит: «Мудрец отличен от глупца тем, что он мыслит до конца». Ну, а в двадцатом веке невзрачных и остроумных людей стало еще больше, а вот людей умных явно недостает...

Не очень-то любезно отозвался о Маяковском. Я вступился за Владимира Владимировича.

— У него фантазия кошмарнее, чем у Гете гвоздь в сапоге. Так это все равно не его слова. Это он у кого-то стащил...

Водочные пары начали действовать на мою голову. Извинившись и еще раз поблагодарив за любезность, гостеприимство и отзывчивость, я нашел предлог, чтобы покинуть милейшего Сергея Ивановича.

Вдруг вспомнилась организованная в нашем школьном зале выставка самостоятельно выполненных работ. Спрашивал ребят, кто сильнее всего понравился. Большинство отвечало: Гелька Коржев. По живописи этюды его мощные, уверенные, простые. Пишет без колебаний и сомнений, словно иначе нельзя. Каждый мазок укладывает таким способом, что заставляет поверить — именно так и должно быть. Коржев своей живописью будто говорит: если делаю я, значит, это хорошо. И никаких

возражений! Я не способен работать плохо, невыразительно. Такая сокрушительная самоуверенность увесисто воплощена почти во всех работах. Невольно подпадаешь под обаяние его решительности. Даже не замечаешь некоторого цветового однообразия и тональной приглушенности. Но ведь история искусства оставила имена художников, которые воздействовали (да с какой силой!) вовсе не цветом, не декоративной красотой, а чем-то иным, хотя бы впечатляющей, сугубо рисовальной лепкой формы, передачей предметной материальности. Таким был Густав Курбе. Таков (а он не любит этого француза) и Гелий Коржев.

Второй номер на выставке — Валя Пурыгин. Он оставил позади себя отменного рисовальщика Леву Котлярова, акварелистопленэристок Иру Аристову и Тасю Скородумову, нашего признанного «классика» Виктора Иванова и других воскресенских вундеркиндов. Для Пурыгина цвет — это как раз все на свете. Он убеждает именно цветом, ясным по локальной сути, резким по тону. Валя волжанин. Все в нем — кряжистая фигура, лицо, открытый прямой характер, манера писать и рисовать — соответствуют монолитности этого понятия.

Конечно, рановато столько хвалебных слов говорить о друзьях. Что ж, поживем — увидим, сохраняются ли превосходные их художественные и человеческие качества в будущем...

Теплая ночь. Луна должна быть, но не пожелала смотреть на даровитых юных художников. Забыв попрощаться, задрапировалась тучами. Может, в последний раз видим небо Башкирии, к которому привыкли. Увы, все прошлое, все в нем, так почему ж печальны слезы не льются? Мы живем, как выясняется, в беспрестанном изменении. Что было, то было, время ступеньками переходит в историю, история — в вечность. А что будет?.. Впереди Москва, отступать некуда...

Май 1943 г.

7. Еще один опус.

Экспромт Шопена.

Она была такой же, как все. Ее мама, женщина моложавая, полноватая, со светлорыжеватыми, почти желтыми глазами, носила пенсне и целые дни просиживала за роялем. Из под коротких ее пальчиков, мягко касавшихся клавиш, выстраивался преобразующий все вокруг, завораживающий мир музыки Шопена.

— Фу, опять не так!..

И мираж исчезал. Отец Иры писатель.

Он редко бывал дома и, если не разезжал по командировкам, то с утра до вечера пропадал в редакциях и на совещаниях. Ира удивлялась, когда же он сочиняет?..

Училась она прилежно. Уроки готовила тщательно, ложилась спать, осваивая учебники, иногда за полночь. Чувствовала себя неловко, если не успевала подготовиться по какому-либо предмету. Отец раздражался от такой аккуратности — вечные промокашки с цветными ленточками, учебники и тетрадки, обернутые в чистую бумагу.

Четвертый член семьи — бабушка. Не шумливая, малоразговорчивая. Она чудесно готовила завтраки, обеды, ужины (на славу удавались ей пироги с капустой), следила за порядком в комнатах, ухаживала за внучкой и была, пожалуй, наилучшей ее подругой. Кроме того, очень любила кошек, которых всех звала Васьками (Васёнами). В общем, она не отличалась ничем примечательным, обыкновенная бабушка, каких много.

Жили они хорошо. Две просторные, с высокими потолками комнаты в малонаселенной коммунальной квартире. Там, где находился рояль, на стене красовался большой ковер, привезенный отцом из Средней Азии. Стояли также два книжных шкафа с полками разной высоты, кровать с металлическими шпешечками, узкая кушетка и ярко-желтый, украшенный балясинами, письменный стол. В другой комнате висела живописная копия “Острова мертвых” А. Бёклина в черной раме, старинные фотографии, диван, покрытый пестрой драпировкой, и три потрепанных кожаных кресла.

В школе к Ире относились с уважением. Она считалась “серьезной девочкой из интеллигентной семьи”. Так характеризовала ее классная руководительница. Ире эти слова не понравились, она даже покраснела.

Однажды шустрый одноклассник, зачарованный ее серьезностью, дернул, с самыми добрыми намерениями, Иру за косу. И получил в ответ звонкую пощечину.

В этом году весна задерживалась. Еще в мае в Москве выпал снег Ире не терпелось быстрее увидеть лето. Папа обещал взять ее с собой в Крым. Испытания сдала благополучно, ни одной посредственной отметки. Ее поздравляли с переходом в следующий класс. А отец притащил вечером портвейн. Мама,

конечно, качала головой, порицала эту излишнюю, по ее мнению, инициативу. Что, впрочем, не помешало в дружной семейной обстановке за ужином опустошить всю бутылку.

В ближайший же выходной Ира отправилась с друзьями на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, где провела целый день. Вернувшись, рассказывала, что она там объелась мороженым и конфетами “Мишка”,

Давид Хайкин. Сценка.
Б., акв., 20х23,5. Село Воскресенское. 1942

насмотрелась на такую разнообразную и нарядную публику, что до сих пор рябит в глазах.

— Очень понравился павильон Прибалтийских республик, крохотный, но симпатичный. Только очередь туда большая. Купила вот...

И достает маленькую, в тонкой белой обложке книжку: Лев Толстой. “Семейное счастье”. Мама поджала губы, но ничего не сказала. Недавно она заметила на полке дочери однотомник, да еще нарядно иллюстрированный, Мопассана. Папа отреагировал по другому:

— Молодец! У тебя постепенно вырабатывается хороший вкус...

Ира готовилась к курортной поездке, примеряла сарафаны, отбирала купальники. Днем 22 июня пошла в театр. Там в антракте узнала о нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Поездку на юг пришлось отложить. “До лучших,— заметил папа, —времен”. Во всем доме начались приготовления на случай неожиданных сюрпризов. Папа поступил работать на завод. Ира старалась принять участие в общих хлопотах, сделать хоть что-то

Валентин Пурьгин. Осень в Воскресенском.
К., масло; 31,5x40.

полезное, нужное другим. Бабушка жаловалась, что Ира мало бывает дома, называла ее “моей маленькой внученькой”. Ира обижалась. А папа объяснял:

— Для бабушки все мы, и я в том числе, так уж получилось, маленькие. Но ты выросла, стала большой. Да и время сейчас непростое. Можешь действовать, как тебе заблагорассудится...

У мамы от такого заявления предельно округлились глаза. А Ира в кругу подруг рассказывала про своего “хорошего папку”...

Залитые солнцем улицы, люди с противогазами на боку. Кучи песка возле каждого подъезда, спешно достраивающиеся бомбоубежища. Общий энтузиазм, целеустремленно оживленные улицы — все казалось Ире протяженным сном. Не верилось, что наступила настоящая, не “киношная” война, способная круто изменить жизнь.

И вдруг, первая тревога. Иру разбудил крик соседа:

— Спокойно, спокойно, товарищи, не

волнуйтесь!..

Он барабанил ладонями по двери и не унимался:

— Спокойно, спокойно! Тревога. Быстро одевайтесь, и в убежище! Не волнуйтесь...

Папа Иры неспешно поднялся и вышел. После некоторой перебранки сосед утихомирился.

Вставать не хотелось. Сирена продолжала выть, противно-препротивно. Глаза постепенно привыкали к темноте. На лестнице слышался топот ног. Мама засуетилась.

— Ах, они могут разбомбить мой рояль!..

Но тут же, позабыв про рояль, начала судорожно перекладывать из мелких ящичков шкафа документы и деньги в сумку.

— Ирина, надень свой выходной костюм! Кто знает, может, мы сюда больше не вернемся.

— Не надену!

— Как ты разговариваешь, слушайся

Миша Хайруллин. Парк в с. Воскресенском. Б., кв., 17x22. 1942 г.

меня!

Подошел папа. Он тихо сказал маме несколько слов.

— Все равно, все равно! Ты тоже хорош!..

И, возбужденная, покрасневшая, она засеменила, нагруженная сумками, в убежище.

— Ира, приходи немедленно!

Папа вставил:

— Не обращай внимания, дочка. У мамы вечные причуды. Но в убежище пойд.

— А ты?

— Я буду на чердаке.

Ира вышла на улицу, огляделась. У подъезда дежурный сделал замечание:

— Проходите, проходите, нечего здесь стоять.

В небе загорались вспышки разрывов. У горизонта светилась полоска рассвета. Оранжевые барашки разбежались по зеленому небу. От выстрелов зениток все вокруг мгновенно окрашивалось заревом. Это война...

И, бессознательно, подчиняясь обстоятельствам, Ира спустилась в убежище.

На длинных скамьях сидели невыспавшиеся, встревоженные люди. Полусогнувшись, уставив прозрачные глаза в одну точку, о чем-то думала бабушка.

— Ира, ты не видела нашего Васечку?..

В дальнем углу, окруженная знакомыми соседками, сидела мама и увлеченно рассказывала:

— Знаете, почему немцы прорвались сегодня? Нет? Жаль, очень жаль. А я знаю,

слыхала. Вы только себе представьте, на Щелковском аэродроме множество наших самолетов поднялось навстречу немцам в воздух. И у всех, да, да, у всех без исключения, отказали моторы. Так все и рухнули. Дорога к столице открыта. Измена! Кругом измена!..

И говорила, говорила. Ира слушала, и было стыдно. А женщины кивали согласно головами.

На кровати с металлической сеткой молоденькая мама, укачивала плачущего младенца. Прислонившись к стене, беседовали двое мужчин.

— Странно, женщина культурная, а какую чушь несет!.. — кивнул головой один из них на Ирину маму.

— При чем здесь культура?

— Как же, музыкантша, Шопена играет..

Ира направилась к выходу. Ее достиг мамин голос:

— Да, да, я пианистка!

Лишь поднялась по лестнице, внизу раздалась радостные возгласы:

— Отбой, отбой!

Утром Иру разбудил папа.

— Вставай, малышка, труба зовет! Скоро полдень. И не стыдно так спать?

Солнечные лучи щекотали лицо. Из репродуктора раздавалась бодрая музыка. Папа был оживленным, улыбчивым, будто и не было ночной тревоги.

— А мама где?

— Маму воспитывать надо. Она

С. Тофтун. Лес.

Б., акв., 19,5x13,2. Воскресенское.

побежала занимать очередь за сахаром и солью... Ира, сегодня была учебная тревога. Понимаешь? По радио передали. До настоящей, будем надеяться, еще далеко.

Папа достал торт.

— Садись, дочка, пировать будем.

Кот Васька ласково жмурился. А солнышко залезло на стол и языком лучей перепробовало все кушанья.

Настало время настоящих тревог. В небе на подступах к Москве, захлебываясь, ревели самолеты. Прожекторы голубыми стрелами лихорадочно полосатили небо. В уши назойливо лезло уханье зенитных орудий, трещотка пулеметов. В темной выси фейерверками раздраблывались разрывы снарядов. Это была не театральная мистификация, не сказка, а явь.

К воздушным тревогам Ира относилась с непонятным спокойствием. Мама быстренько семенила в убежище, привыкнув к тому, что дочь с отцом отправлялись на чердак, крышу или дежурили в подьезде. С крыши отлично просматривалась широкая панорама ночного неба, взбудораженного зенитками и прожекторами и силуэт мрачного, без огней, города.

В одну из тревог над домом лениво повисла осветительная ракета. Стало так светло, что можно было книжку читать. Ира ждала зажигательных бомб. Ей хотелось отличиться, потушить хоть одну. Друзья ее уже открыли счет, в их комнатах на видном месте лежали кусочки обгоревших зажигалок со стабилизаторами. Но, как нарочно, зажигательные бомбы обходили ее дом. Об крышу с резким звуком ударялись лишь мелкие осколки снарядов.

Днем, гуляя по городу, Ира искала следы разрушений. На Красной Пресне видела остатки трехэтажного кирпичного дома. Перед ее глазами громоздились груды обломков, обсыпанная штукатурка, железные прутья. Двое рабочих наводили порядок. К куску стены, валяющемуся на тротуаре в пыли, прицепились тетрадные листочки, исписанные неровным детским почерком. Буквы кривились, налезали друг на друга. Чернила в некоторых местах размылись. “Дорога шла через лес. Вокруг меня тихо шилестели деревья”. Ошибки были подчеркнуты красным карандашом. А внизу стояла отметка “пос”. И та же детская рука скопировала рядом учительский “пос” фиолетовыми чернилами. Ира взяла этот тетрадный листок с собой.

Одна тревога многое изменила в жизни Иры. Сирена скрипуче ныла.. За открытым окном уже грохотали орудия. Кромешная ночь входила свежим ветерком в комнату. Мама, заразительно зевая, с подушкой и романом А. Дюма, направилась в убежище. По дороге наткнулась на котенка, не отшвырнула его, а взяла на руки, приласкала.

— Бедненький, все пугают тебя, Васечка, пугают. Вот какие нехорошие! Худеешь ты. Почему не строят бомбоубежища для кошек?..

Ира давно не слыхала маминых острот и улыбнулась.

Скоро все ушли. Васька остался один в темной комнате. Он зашлепал мягкими лапками по полу, вскочил на подоконник и уселся наблюдать огоньки бомбардировки, прижимая уши от каждого громкого выстрела зениток.

Ира и папа стояли в парадном.

— Смотри, трассирующие так и шныряют. Там он. Слышишь?..

Прожектора бросились в сторону. Один нащупал маленькое светящееся пятнышко. Остальные присоединились. И скоро поблескивающая точка оказалась в ореоле скрещенных лучей. Зенитные вспышки вежливо разрывались вокруг, отводя самолет от центральных районов. Он метался, бросаясь из

стороны в сторону. Разряд зенитки разорвался совсем близко от левого крыла. Блестящая точка неуклюже покачнулась, осела и ринулась стремительно вниз. Остальное прикрывал от Иры темный силуэт дома.

— Сбили, сбили, Ирочка!..

Ира бросилась на чердак посмотреть, куда же упал самолет. Папа остался.

Прыгая через ступеньки, Ира оступилась, чуть не упала. И вдруг услышала, как зенитки затахтели ожесточенней. В небе творилась невообразимая суматоха. Затем — шипенье, свист и потрясающей силы взрыв. Стекла окон зазвенели, звякнулись о плиты, рассыпались брызгами. Ира кинулась вниз. Лестницу на первом этаже разворотило. Двери парадного пробиты. В пролете лежал человек. На стене чернелись пятна крови.

— Папа!..

Ире помогли вытащить его на свет. Головы не было. Точно отрубили чем. Кусок осколочной бомбы, сокрушив створки дверей, разбрызгал голову. Стоящий на улице фургон для хлеба был смят, и жель, сморщившись, сбросила краску... Вот он, папа! Совсем, совсем недавно был, говорил. А сейчас его нет. И не будет. Ире это представлялось невероятно несправедливым. Не хотелось верить. Но пальто, одежда — его. Ира даже не плакала, стояла и лихорадочно думала. О чем? И сама не могла сказать, мысли были беспорядочными, отрывочными. “Сбили, сбили, Ирочка!..”

Мама эвакуировалась к бабушке под Саратов. Ира не захотела уезжать, осталась в любимой Москве. Мама совсем не сопротивлялась. После смерти мужа она сделалась вялой, плаксивой. Ира временно переехала на квартиру к своей тете и поступила работать на тот завод, где хорошо помнили ее папу.

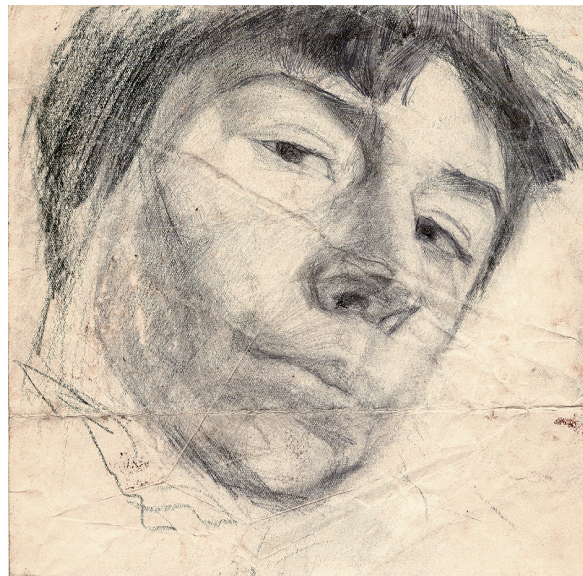
Проходя по сумеречным московским улицам, в больших резиновых сапогах и ватнике, Ира вспоминала свое детство как красивую, почти забытую, доставлявшую когда-то столько радости, игрушку. Окраины столицы застраивались баррикадами, устанавливались надолбы и заграждения. Деловито нахмуренные, в теплой одежде, вооруженные и неразговорчивые люди, патрулировали почти пустынные улицы. Сознание Иры наполнялось гордостью — она тоже защитница Москвы.

Мама вернулась одна. Бабушка умерла.

— Ты и шестнадцатого октября была в Москве?

— Да.

— Продуктами запаслась?

С. Тофтул. Автопортрет.
Б., кар., 27,5х20. Село Воскресенское.

— Мама, как тебе не стыдно!..

Мать хотела рассердиться, но что-то внутри восстало против этого. Лень и еще какая-то причина сковывали язык. Она грузно опустилась на стул и смотрела, как ловко Ира орудует с ее чемоданами и сумками.

— Ну, вот и все, мамочка. Давай чай пить!..

И чуть позже:

— Мама, я думаю, ты справишься здесь одна? Завтра я убываю в воинскую часть. Так уж мне заблагорассудилось...

Вечером через задрапированное синими шторами окно в спокойную темноту города неслись звуки фортепьянного этюда Шопена.

Воскресенское, март 1942г.

О тех, кто упоминается (и не упоминается) в этой книге.

1. Адамович Мила. 1925 — 1948. Училась (1939 — 1944) в Московской средней художественной школе (сейчас — Московский академический художественный лицей им. Н.В. Томского) и Московском государственном художественном институте им. В.И. Сурикова (1944 — 1948), живописец.

Стройная, рыжеволосая, зеленоглазая, скромная. Творческая ее манера оказалась не по нраву реорганизаторам (1948) Суриковского вуза. В результате конфликта с институтским руководством окончила жизнь самоубийством.

2. Аристова Ира. Род. 1926. Училась в МСХШ (1939 — 1945) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), живописец. Работала в Комбинате

В. Пурыгин. Эюд. К., масло; 25,4x19. Село Воскресенское. 1942г.

Первый выпуск МСХШ. Группа П.С. Хайкина и С.П. Михайлова на фоне выставки выпускного класса. Май 1944 г.

Сверху (слева направо): Ю. Фролов, М. Стасевич, Б. Старис, О. Шухвостов, М. Голубенков, Е. Батырь, К. Власова, Р. Натапова, М. Адамович; сидят: В. Будихин, Л.

живописного искусства. Преподавала в Московском текстильном институте (1977 — 1982), доцент. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

3. **Бабицин Гейзер** (Виктор). 1926 — 2000. Окончил МСХШ (1939 -1945) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), живописец.

На одном из собраний в башкирском селе Воскресенском, куда осенью 1941 года была эвакуирована наша школа, преподаватель рисунка С.П. Михайлов держал речь: “Идет война с немецкими фашистами. Вы, юные дарования, привезены сюда и, несмотря на трудности, а их не мало, обеспечены всем необходимым, чтобы учиться, заниматься искусством. Страна хочет сохранить вас для завтрашней жизни, для творчества, и если за время существования нашей школы из стен ее выйдет хотя бы один мастер такого уровня, как Репин, она полностью себя оправдает. Бабицин,— обратился Сергей Павлович в темный зал (собрание проходило при свете коптилок) — это я про тебя говорю!”.

Искорки незаурядной одаренности Бабицина выявились в конце 1930-х годов, в канун войны. Его карандашные, с живой тональной разработкой эскизы на исторические

сюжеты вызывали всеобщее восхищение, публиковались в печати. “Новым Репиным” называли четырнадцатилетнего школьника. Время тогда благоприятствовало развитию творческой одаренности. И все!.. Сгустилась атмосфера, дымок рисовального и композиционного волшебства улетучился. Не удержал он первенствующего положения, не оправдал себя в дальнейшей деятельности. И сложилось впечатление, будто всю оставшуюся еще довольно долгую жизнь, Бабицин, превратившийся из Гейзера в Виктора (переменил имя), вспоминал былые успехи и пытался догнать самого себя, юного и талантливого.

В последний путь Бабицина (а умер он летом 2000-го года) провожало из его школьных друзей всего-то пять человек. Не было ни речей прощальных, ни официальных представителей Союза художников. Из академического лица, бывшей когда-то родной МСХШ, так никто и не пожаловал.

С устройством посмертной персональной выставки Бабицина тоже несладушки произошли. Поторопились. Состоявшаяся в январе 2001 года в зале на Кузнецком мосту, 20, она не очень-то была

подготовлена. Лучшие вещи, в том числе прославленные юношеские рисунки и нешаблонно задуманные масштабные картины, отсутствовали. А то, что находилось в экспозиции — лишь начатые, экспрессивно и хаотично прописанные, но не завершённые холсты его жены, Ирины Аристовой, и дочки — впечатляли, но не сильно. На вернисаже руководители Академии художеств, творческих союзов Москвы и России, соревнуясь в красноречии, много хвалебных слов адресовали Бабицину. Называли его гением, предлагали сохранить каждую крупницу бесценного творческого его наследия, призывали открыть в Москве галерею, целиком ему посвященную, не все же А. Шилова да С. Андрияку убажать. Все это были слова. Приятные, но поздновато произнесенные.

Ахмет Китаев.
Рис. К. Карамяна.

4. Бакшеев Василий

Николаевич. 1862 — 1958. Живописец, автор лирических пейзажей и жанровых картин. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1877 — 1887). С 1896 г. член Товарищества передвижных выставок. Экспонировал свои произведения на выставках Товарищества до конца его существования (1923). Преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1897 — 1918), Институте повышения квалификации художников (1936 — 1941), Московском училище памяти 1905 года (1940 — 1958), Московском художественно-промышленном училище им. М.И. Калинина (1946 — 1952). Народный художник, действительный член Академии художеств, лауреат Сталинской (1943) премии, профессор. Автор книги “Воспоминания” (Москва, 1961).

Некоторое время мне довелось преподавать в Училище памяти 1905 года рядом с Василием Николаевичем. Он был стар, морщинист, согбен. Приходил редко, в основном, на итоговые просмотры. Сидит, бывало, полузакрыв глаза, охватив корявыми пальцами массивную трость и, казалось, не вникает в суть происходящего. Но вдруг стукнет тростью и резко, прерывая споры, заявит: “Это хорошо!”. Или: “Не годится!”. Я был тогда молодым, самоуверенным и сперва не понимал такого поведения уважаемого мэтра; мне казалось, он

должен вместе с нами участвовать в дебатах. Но после уразумел: больше-то ничего не надо! Ни разглагольствований, ни настойчивых доказательств. Его годы, опыт, знания, вся его, посвященная живописи долгая жизнь и есть решающий аргумент. Главное (а Василий Николаевич был художественным руководителем училища) дать верную направленность учебному процессу, уберечь от ложных дорог и тропок.

Выступал он вместе с нами, недавними выпускниками вузов, и на регулярных педагогических училищных выставках. Экспонировал маленького размера, написанные на проклеенных рыбьим клеем картонках, многосеансно сработанные пейзажи. Казались мне миниатюрки эти невразумительными, малоэффективными. И опять же, лишь

годы спустя понял их мудрость. В этих тихих, скромных этюдах заключена выстраданная временем формула понимания жизни, искусства, судьбы своей. А наши тогдашние нахальные по цвету, живописно размашистые холсты и холстики представляются сейчас задиристым щенячьим лаем.

Иногда он приезжал в училище специально для встречи со студентами и педагогами. Садился в кресло на сцене большого зала и рассказывал эпизоды из своей богатой

Саша Суханов. Рис. В. Иванова. 10,5x22
(на обороте - см. стр. 76).

художественными событиями и встречами жизни. Об учителях Владимире Маковском и Василии Поленове, товарищах по училищу: Исааке Левитане, Алексее Степанове, Алексее Корине. Или о тех, кто, может, в юности был не менее талантливым, но по разным обстоятельствам так и не выдвинулся в крупные мастера. Впоследствии эти рассказы вошли в книгу воспоминаний Василия Николаевича.

5. **Барщ Александр Осипович.** 1897 — 1971. Учился в 1918 — 1925 годах во Вхутемасе (Высших художественно-технических мастерских), график. Член ОСТА (“Общество станковистов”). В 1939 — 1958 годах преподавал рисунок в МСХШ. Автор полезных для каждого любителя изобразительного искусства книг “Учебный рисунок в средней школе” (Москва, 1957) и “Наброски и зарисовки” (Москва, 1970).

6. **Барщ Гая.** Род. 1926. Закончила МСХШ (1939 — 1945) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), живописец, дочь А.О. Барща. В 1996 г. эмигрировала в США.

7. **Батырь Женя.** Род. 1925. Окончил МСХШ (1938 — 1944). Несколько лет, до реорганизации, учился в МГХИ им. Сурикова (1944 — 1948) Но пришлось уйти, не сложились отношения с новым институтским руководством. В 1949 году поступил и в 1954 году окончил философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Но по специальности не работал. Снова вернулся к изобразительному творчеству, трудился в издательствах. Художник книжной графики. После выхода на пенсию философски решил свои материальные проблемы, подрабатывая дворником.

8. **Бахтеева Кира** (К.В. Коржева). Род. 1923. Училась в МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1946). Окончила актерский факультет Московского государственного театрального института (1952). От артистической карьеры отказалась, вернулась к живописи. Тонкий колорист, ученица и последовательница живописной системы В. В. Почиталова (он считал Киру одной из самых одаренных в школе).

Созданные в последние годы свои произведения передает в дар детским домам-интернатам, жена Гелия Коржева. Золотая свадьба у них позади, бриллиантовая не за горами. Есть дети, внуки, правнуки.

9. **Бенина Жемма.** 1926 — 2000. Окончила МСХШ (1939 — 1945) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), живописец. Работала в Московском комбинате живописного искусства.

Л. Шитов. Рис. Льва Котлярова.
Симферополь. 1944 г.

В Воскресенский школьный период была одной из первых (как казалось тогда) наших красавиц: большущие глаза и длинные пушистые ресницы, которыми она искусно то и дело взмахивала.

10. **Березнеговская Женя** (Е.М. Гореликова) 1924 — 1999. Закончила МСХШ (1939 — 1945). Один год училась в Суриковском институте (исключена за идеологическое, с политическим оттенком хулиганство) затем, недолго, в Московском институте прикладного и декоративного искусства. В 1953 году закончила факультет монументальной живописи Высшего художественно-промышленного училища (бывш. Строгановское) и его аспирантуру, художник-монументалист и дизайнер. Человек разносторонних интересов: писала стихи, сочиняла музыку, профессионально занималась вокалом (меццо-сопрано)... В 2000 году в Москве в зале на Старосадском переулке состоялась ее персональная выставка.

11. **Будихин Виктор.** Род. 1925. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), живописец. С 1950 по 1956 годы жил в Курске, преподавал в педагогическом училище, возглавлял местную организацию Союза художников. Одновременно был солистом хора при Курской филармонии. После возвращения в Москву, не бросая станковой живописи, вел оформительскую работу на крупных промышленных столичных предприятиях.

В воскресенской школьной жизни Витя Будихин (прозвище “Седой”) являлся фигурой примечательной. Худошавый, светлоглазый, с

вздернутым розовым носом и соломенно-белесой шевелюрой, он обладал приятным тенором, музыкальностью и для всех нас являлся Лемешевым, Карузо и Собиновым одновременно. Пел всегда и везде, по любому поводу и совершенно без повода. Был, как все теноры, в меру легкомыслен, не утруждал свою, ставшую с годами лысой, голову глубокими познаниями в науках, писал и рисовал охотно. Но ни выдающимся артистом, ни значительным пейзажистом-лириком не сделался, хотя выступал как певец на профессиональной сцене и участвовал живописными произведениями на различного уровня выставках.

12. **Буткевич Олег.** Род. 1924. Скульптор и искусствовед, заслуженный деятель искусств, член-корреспондент Академии художеств (с 2001 года). Учился в МСХШ (1939 — 1943). Служил в рядах Советской Армии. Окончил скульптурное отделение МГХИ им. Сурикова (1948 — 1952).

Будучи еще студентом, экспонировал на выставках скульптурные бюсты передовиков труда. Автор надгробия художнику Аполлинарию Васнецову на Введенском кладбище в Москве. Завершил аспирантуру по эстетике НИИ истории искусств Академии художеств. С 1962 года корреспондент, затем заведующий отделом и член редколлегии газеты «Советская культура». В 1972 — 1986 главный редактор журнала «Декоративное искусство». Свыше двадцати лет секретарь правления Союза художников России. С 1998 года главный редактор журнала «Художник». Автор множества статей и книг по российскому изобразительному искусству, в том числе, монографии о В.В. Почиталове. Один из организаторов создания картинной галереи в селе Воскресенском.

Олег Буткевич единственный, кто, прочитав моих «Вундеркиндов», сам позвонил: «Ты, конечно, свинья,— сказал он.— Мог бы вспомнить меня. Но книжка твоя понравилась». И объяснил — почему. «События и ребята показаны там не с сегодняшней колокольни, а такими, какими были тогда. Ведь никто из нас не знал, какая судьба кому уготована, кто кем станет»..

В Воскресенском Олег жил отдельно, не в общежитии. Тропинки наши пересекались, но не каждый день. Поэтому и нет упоминаний об Олеге в записках. Но не сказать о нем никак невозможно, повествуя о нашей школьной юности.

13. **Власова Клара.** Род. 1926. Окончила МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), живописец. Автор натюрмортов, жанровых картин, портретов, в том числе,

групповых. Несколько раз была в творческой командировке в Японии. Многие годы возглавляла в Московском союзе комиссию по содействию художникам старшего поколения. Наряду с Буткевичем, Бабициным и Кобозевым, инициатор создания Воскресенской картинной галереи, основу коллекции которой составляют произведения выпускников Московской средней художественной школы.

В самом начале 2002 года в залах Московского лица состоялась обширная ее персональная выставка. Я был на вернисаже, слышал добрые, искренние в адрес Клары

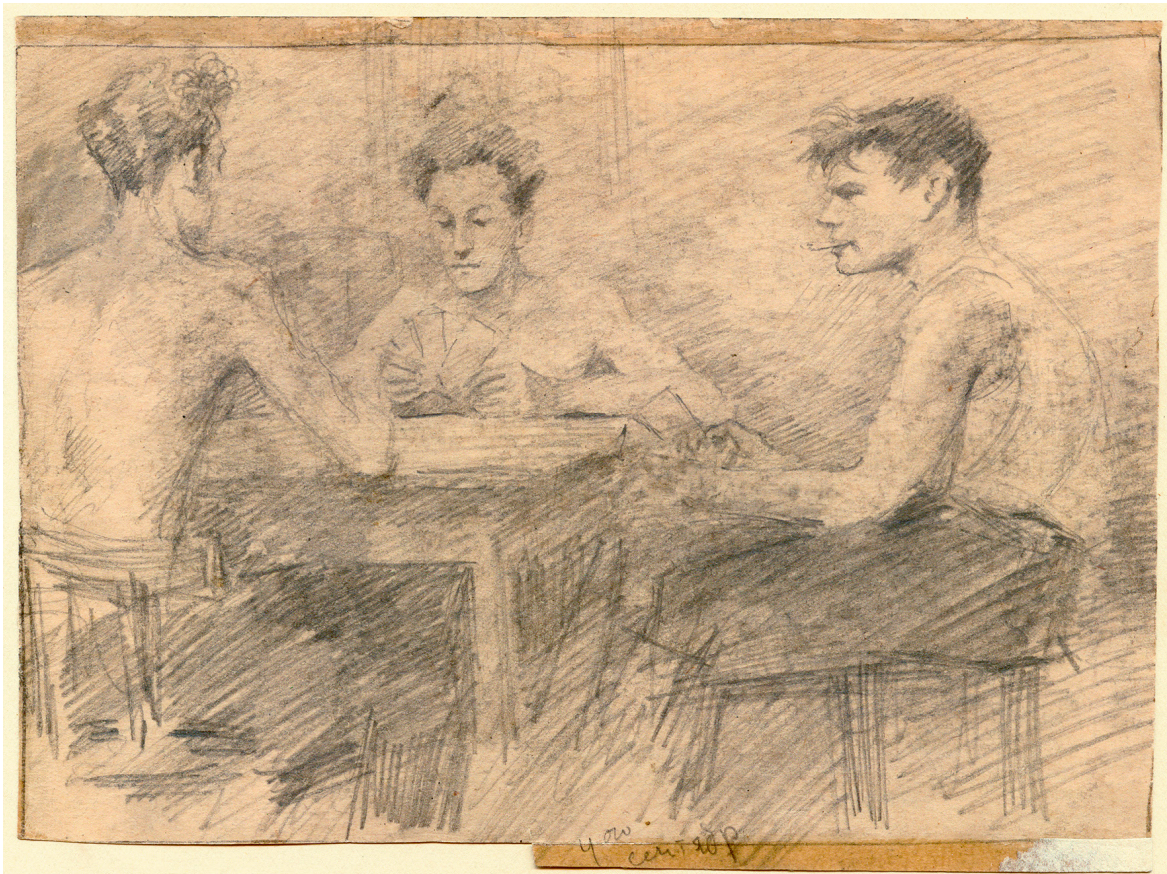

Митя Дмитриев. Рис. Л. Шитова. 1947 г.;

Власовой (человека и живописца) слова. Поразительна цельность творческого ее облика — от ранних школьных работ до выполненных в последнее время. Жаль только, никому, совершенно никому в наши дни это не нужно. Ни частным коллекционерам, ни музеям...

14. **Гаврилов Володя.** 1923 — 1970. Учился в МСХШ с 1939 года. В 1942 году был призван в ряды Советской Армии. В 1942 — 1945 годах работал в Студии военных художников им. М.Б. Грекова. Окончил живописный факультет МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), народный художник.

Буквально взлетел на вершину художественного Олимпа первыми своими портретного плана историческими композициями «Радищев» и «Суриков», созданными еще в студенческие годы. Легкий в

Лев Котляров. В гостинице (А. Теодоронский, К. Фридман, Л. Шитов).
Симферополь. 4 сентября 1944 г.

общении, остроумный, разговаривающий всегда с ухмылочкой и некоторой “подковыркой”, Володя Гаврилов в ранних произведениях утверждал живописную манеру сугубо московскую, размашисто-эмоциональную, с густо насыщенными цветовыми сочетаниями и обязательным, в качестве объекта, присутствием человека. Он являлся в 1950-х годах бесспорным лидером молодых российских художников. Думаю, Академия художеств (в который раз) допустила просчет, не включив его тогда в свои гранитно крепкие реалистические ряды, не поддержав в тот период.

В селе Воскресенском Володя был незаметен. Помню похороны его отца суровой зимой первого года войны. На эту тему, если не ошибаюсь, есть акварельные эскизы Виктора Иванова и Лоры Рыбченковой.

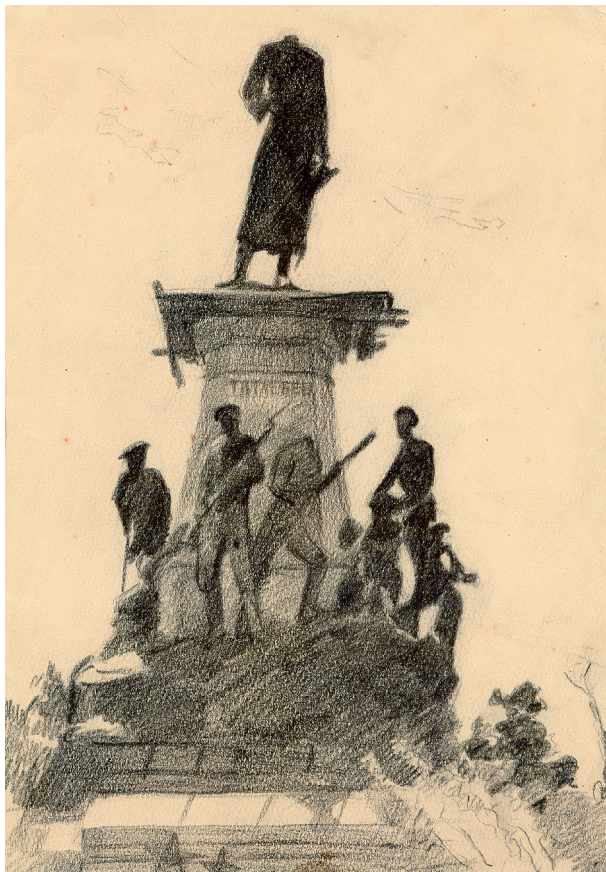
Но отголоски сильнейших впечатлений башкирской юношеской поры, образы земли родной вспыхивают ярко в некоторых его наиболее известных полотнах. Достаточно назвать “Радостный март” (избы, голубизна теней на снегу; из банки шествуют розовощекие молодилы; ликующий, мажорный колорит) и “За родную землю” (раздумье о войне, Родине,

золотых ее людях, своеобразной и суровой красоте природы).

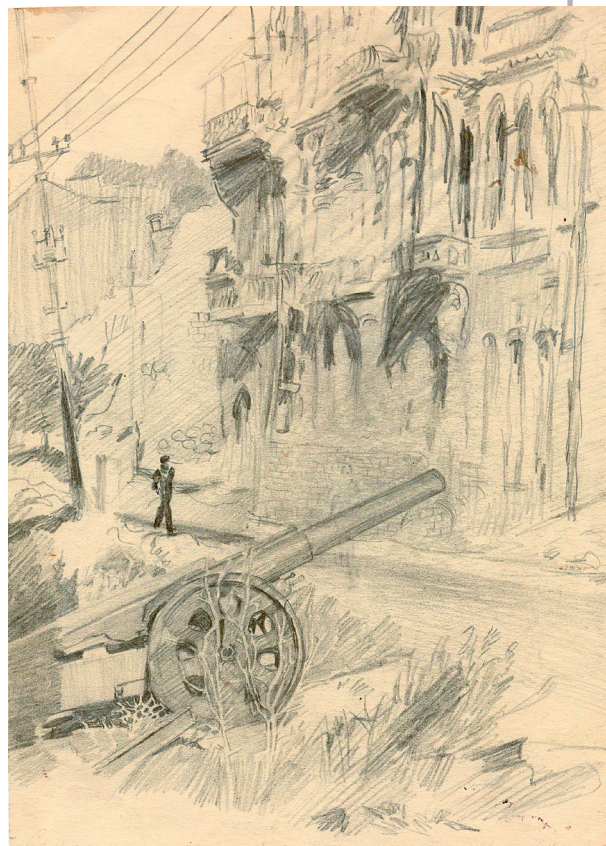
С годами произошло у В. Гаврилова смятение чувств. Огрубел, лишился трепетности характер творческого его почерка. И от академических ортодоксов не отошел, и к “суровостильцам” в силу исключительной своей живописной одаренности не смог примкнуть. Тем не менее, оставался, наряду с А. Пластовым и братьями Ткачевыми, несравненным маэстро живой натурной работы.

Знаменитый на весь мир в 1960-1990-х годах виртуозный пианист Андрей Гаврилов, живущий ныне за рубежом,— сын Володи.

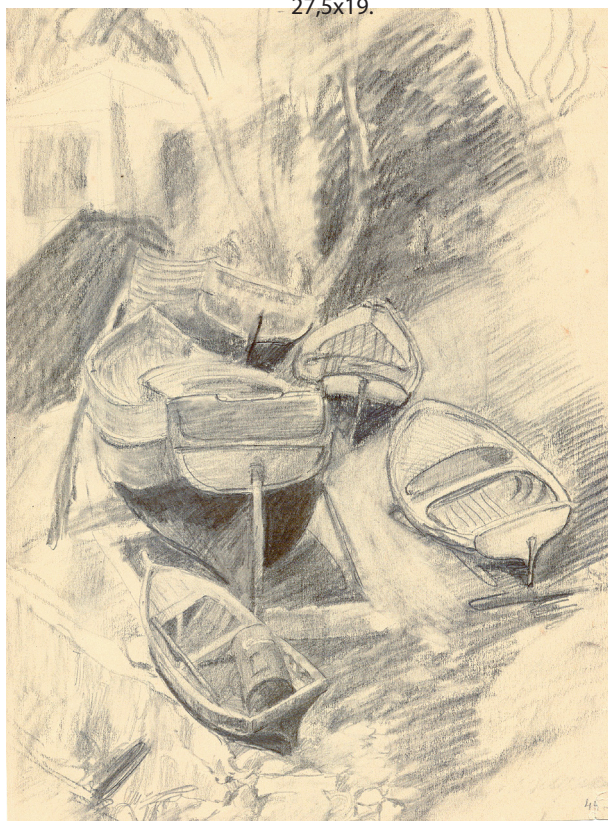
15. Герасимов Александр Михайлович. 1881 — 1963. Весьма масштабная, сегодня почти вычеркнутая из искусствоведческой печати личность. Родился в семье прасола на Тамбовщине. С юных лет совмещал учебу в церковноприходской школе и уездном училище с выполнением домашних поручений по “торговому делу”. Приходилось в любую погоду, жару и холод, развезать по окрестным деревням и ярмаркам. Одновременно упорно занимался самообразованием, изучал точные науки, иностранные языки, рисовал.

Л. Шитов. Памятник Э.И. Тотлебену.
Севастополь. Октябрь 1944 г. Б., кар.,
27,5x19.

Л. Шитов. Улица в Севастополе.
Октябрь 1944 г. Б., кар., 25,4x18,3.

Л. Шитов. Лодки. Севастополь. 1944
г.

Л. Шитов. Севастополь. Октябрь 1944 г.
Б., кар., 25,4x17.

Слева направо: Н. Гончаров, Г. Коржев, Л. Шитов, В.В. Почиталов, С.П. Михайлов, А.П. Шорчев, В.Будихи; И. Каплан, М. Миркин, Е. Батырь, В. Паустовский; Г. Самсонов, И. Ильинский (один нос).

Отправился, несмотря на сопротивление семьи, в Москву. И в 1903 году поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества. Учился у Абрама Архипова, Николая Касаткина, Константина Коровина. После успешного окончания живописного факультета переходит на архитектурное отделение (1910 — 1916). Это позволило еще пять лет посещать вольнослушателем мастерскую своего кумира, К. Коровина, работать под его руководством. Впервые за всю историю училища получил сразу два диплома — живописца и архитектора. Член Ассоциации художников революционной России (1925 — 1932), председатель правления Московского союза художников (1937 — 1939) и Союза советских художников (1939 — 1954), президент Академии художеств (1947 — 1957), народный художник, лауреат Сталинских (1941, 1943, 1945, 1949) премий, доктор искусствоведения. Автор торжественных композиций на историко-революционную тему, портретов государственных и общественных деятелей, ученых, артистов, а также эпических пейзажей, натюрмортов, темпераментных акварелек, книжных иллюстраций. Особенность творческая почерка А. Герасимова — импровизационность и эмоциональная свобода.

Работал он без заранее обдуманной схемы и предварительно выверенного рисунка, как говорится, “На авось”. Начинал сразу кистью, цветом. Писал размашисто, фактурным мазком, почти без разбавителя. Вносил поправки композиционного характера в процессе работы, надбавляя (или убирая) сверху, сбоку холст. Его палитра (за исключением ранних произведений) предельно аскетична, всего четыре основных краски: белила, охра, красная земля, кобальт синий. Остальные краски применял лишь при необходимости. Мало о ком из наших мастеров существует столько анекдотов и баек (иногда остроумных), как об Александре Михайловиче, особенно в период руководящей его деятельности.

Вундеркиндом А. Герасимова трудно назвать. Но в те годы судьба художников, и не только юных, во многом зависела от него. Возглавив после войны Академию художеств, он жестко проводил установки, предопределявшие в масштабах страны линию развития изобразительного искусства и систему подготовки творческой смены. Все чернить из того, что свершалось в те годы, легко, отваги и ума большого для этого не надобно. Но в то же время, вряд ли правомерно представлять

Л. Котляров, А. Китаев . Приложение к газете МСХШ
"Будильник". 1944 г.
В "куче-мале:

тогдашнее положение дел исключительно в розовом колорите.

Все мы, ученики МСХШ, были так или иначе знакомы с Александром Михайловичем. Он являлся главным инициатором организации нашей школы, навещал ее, беседовал (и увлекательно, в шутовском тоне) с учащимися и педагогами. Да и после окончания Суриковского института нередко приходилось общаться с ним, как президентом, по различным проблемам. В том числе, и в связи с созданием живописных панно для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Мне довелось также трудиться вместе с ним в период своего преподаательства в училище памяти 1905 года, где после разоблачения так называемого "культ личности", уже не в качестве президента Академии художеств, Александр Михайлович, чуть потускневший, не напористый, некоторое время работал.

Я долго думал: включать ли в эту книгу биографический очерк о А.М. Герасимове. Все же, к вероятному неудовольствию и упрекам большинства моих друзей (и не только), решил — надо!

16. Годин Игорь. 1926 — 2002. Занимался (1939 — 1944) в МСХШ. Один из выдающихся ее учеников. Какой славой и поклонением у нас, школьников, пользовалось его имя, скакой исключительной талантливостью, легкостью и великолепием, на зависть всем, он рисовал! Опубликованные в канун войны в журнале "Юный художник" исторические

композиции И. Година и его
Ганди Юмагузин. Из стенгазеты 1944 г.
Москва.

иллюстрации к басням И.А. Крылова, потрясали. В 13 лет он рисовал (предвижу порицания в свой адрес) убедительнее, совершеннее, психологически выразительнее, чем в таком же возрасте это делали В. Серов и И. Репин. Но за спиной мальчика из интеллигентной семьи Антоши Серова стояли великие учителя. Наставниками Ильи Ефимовича были И. Крамской, Ф. Бруни, вся система русского академизма. А у Игоря Година никого и ничего не было. Он никого не слушался, ни у кого фактически не учился. Его хороший друг и одноклассник Лева Котляров (в Башкирии они жили под одной крышей) вспоминал: "В нашей среде появился законченный профессионал, мастерству которого мог бы позавидовать любой самого высокого класса художник. Парадокс, но это факт. К сожалению, как выяснилось позже, в этом и заключалась трагедия И. Година. Он перешагнул свое время. И пока мы, его сверстники, под руководством заботливых педагогов в своей учебе, как и положено, двигались от простого к сложному, душе Игоря этот процесс был чуждым и малоинтересным. Я не помню его учебных постановок. По-моему, Игорь их игнорировал. Но на всю жизнь остались в памяти его превосходные наброски, особенно лошадей и другой живности, акварельные пейзажи, композиции".

Школу И. Годин так и не окончил. Был исключен из последнего класса за упорное

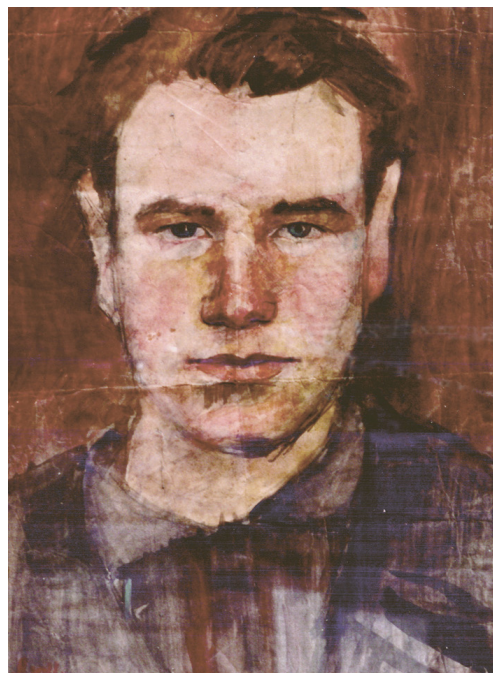
Н. Христолюбов, А. Завьялов, Л. Котляров, Б. Ставицкий, А. Тяпушкин, Л. Шитов, А. Малкин; В.П. Ефанов, И. Аристова, В. Гаврилов, И. Богданова, Р. Михайлова, А. Суворова;

нежелание осваивать общеобразовательные предметы. А это уже не шуточки — учащимся предоставлялась отсрочка от призыва в армию. Директор Н.А. Карренберг на дом к Игорю приходил, уговаривал. Не помогло. А нужно ли было уговаривать? Формально школьная администрация, проявив принципиальность, права: дисциплину крепить надо. Но, по сути, не хватило нашим почтенным преподавателям мужества закрыть глаза на ершистое поведение одаренного подростка. Нет, чтобы сохранить его для творчества, взять “на поруки”, освободить от алгебр и геометрий, дать полную свободу — лишь бы рисовал, рисовал, рисовал! Банальность мышления восторжествовала, ударив круто по судьбе И. Година. Армия, фронт, ранение, контузия, снова армия... Восемь (и каких!) лет. Как тут не растерять привязанность к искусству. Ан, нет! Годин показал характер, не сдался. И вскоре нашел пристанище в издательстве “Детгиз” (“Детская литература”). Стал там (это с неполным средним образованием) одним из лучших книжных иллюстраторов. Коллекционеры собирали издания с его рисунками, писатели просили, чтобы именно И. Годин иллюстрировал их произведения. Тут-то и обозначилась его исключительная любовь к лошадям. “Если бы я не стал художником, — говорил Игорь, — работал бы конюхом”.

В книжных иллюстрациях и эскизах “для себя” Игорь, словно забавляясь, рисовал лошадей в немыслимых движениях и ракурсах, передавал, как ни странно, с их помощью свое толкование окружающих событий, свои

чувствования, радости и огорчения. Собирал книги и альбомы о лошадях, коннозаводческие давние альманахи, досконально знал (без понуждения со стороны) анатомию лошади, изучал творчество всех значительных “лошадников” мирового искусства И все же только книжной графикой и анималистикой никак нельзя ограничивать творчество Игоря Година. Он мечтал о живописи, большой серьезной картине. Мечта эта осталась нереализованной.

Когда Гелий Коржев в первом своем

Л. Шитов. Автопортрет. 1943 г.

Лури гетемба

Сверху; 1 ряд: М. Харитонов, Л. Котляров, С. Ратнер, М. Дмитриев; 2 ряд: натурщик, И. Архипов, Р. Такташ, натурщица, Е. Колобаева, Ж. Бенина, А. Каменский, В. Фукс, И. Попов, С. Тутунов; 3 ряд: натурщик, И. Аристова, В. Стожаров, Е. Голихин, Г. Барщ, П.Т. Кошевой, И. Коган, А. Завьялов, К. Фридман, Н. Третьяков, В.

Москва, 1944 г.

Сверху: И. Коган, Е. Колобаева, В. Черняк, Г. Барщ, Н. Третьяков, Е. Голихин, И. Аристова, В. Стожаров, Г. Бабицин, А. Завьялов, С. Тутунов, 2 натурщика, А. Мерзляков, Ж. Бенина, П.Т. Кошевой, натурщица, С. Ратнер, К. Фридман, Такташ; В. Фукс, Д. Дмитриев, И.

Пути детства

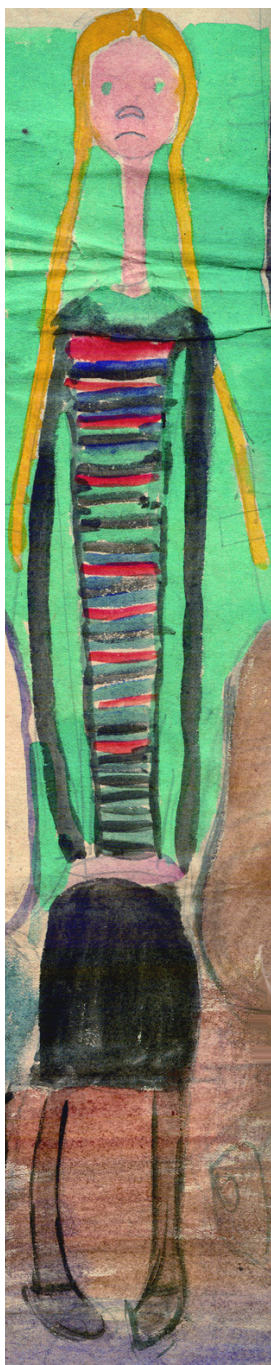
крупном произведении “В дни войны” (1954) затронул тему судьбы совестливого художника в тревожные дни Отечества, он написал И. Година — светлую легенду нашей юности. Это Игорь сидит раздумчиво в накиннутой на плечи солдатской шинели перед большим, еще не тронутым кистью холстом, на фоне зашторенного синей маскировкой окна, за которым лютует история. Эту голову Игоря Година к этой картине хранится в Калужском художественном музее.

Вот и получается, что скромненько, незаметно, не выдерживаясь из общей массы, не

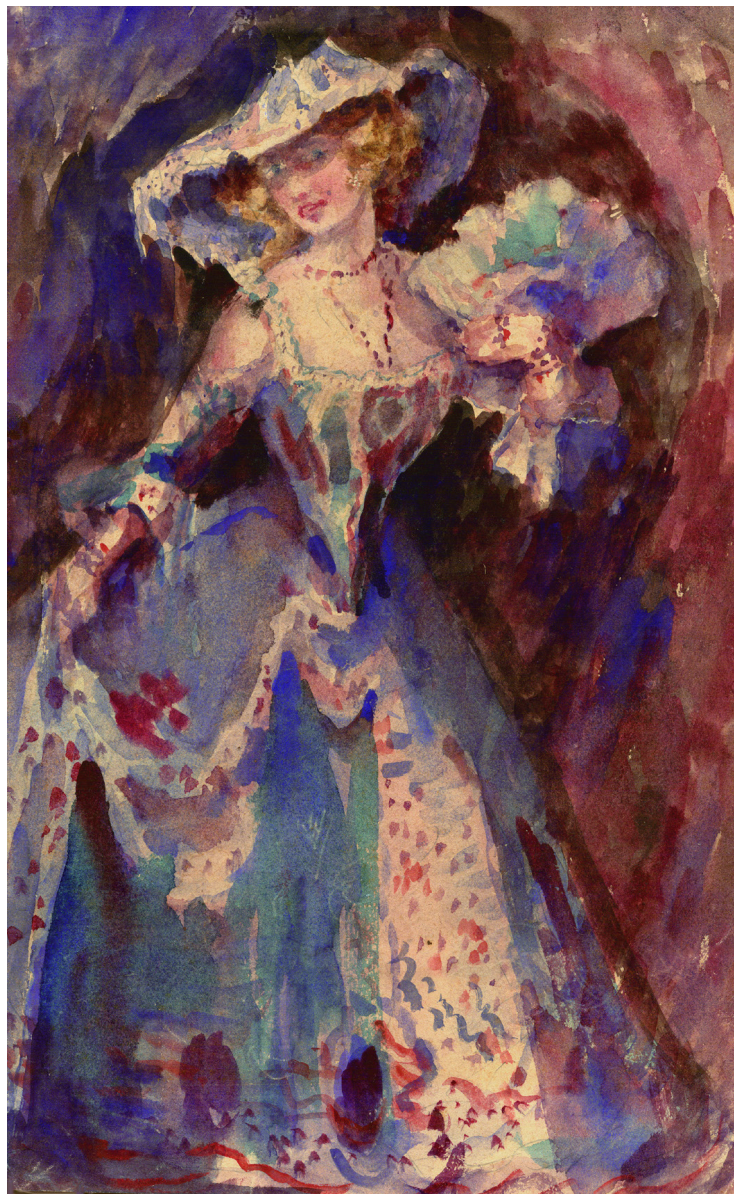
мелькая на художнических сборищах и выставках, не имея почетных званий, неведомый искусствоведам и широкой публике, жил среди нас уникального дарования и самобытности художник.

17. Голубенков Миша. 1925 — 1991. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), живописец. Преподавал в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина, доцент.

В юные годы жил в крайней бедности в полуподвале ветхого домика на улице Короленко,

Мила Адамович. Фрагмент школьной стенгазеты. 1944 г.

Ира Аристова. Дама. 1942 г. 34x21,5.

В. Иванов. Руки Бабицина. 1942 г.; 21x29.

что в Сокольниках. Окно его комнатки располагалось ниже уровня земли, и видны были только каблуки редких прохожих.

В школе Миша считался интересным живописцем, его любил М.В. Добросердов. За этюды, выполненные в селе Воскресенском, был награжден зимой 1942 года ценным по тем временам подарком — новыми валенками.

18. Гольц Ника. Род. 1925. Училась в МСХШ (1939 — 1942) и на монументальном отделении МГХИ им. Сурикова (1943 — 1950). Живописец, мастер книжной графики, заслуженный художник России; дочь академика архитектуры, театрального художника, лауреата Сталинской премии 1941 года Г.П. Гольца, трагически ушедшего из жизни в 1946г.

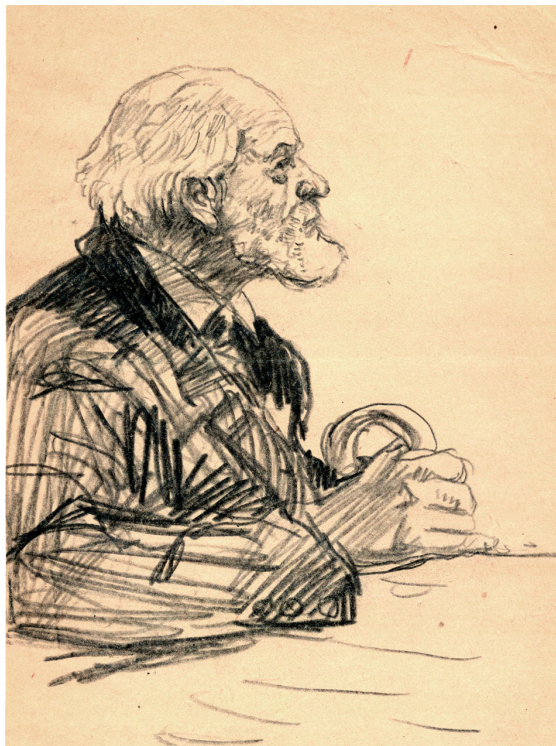
После вуза почти полностью оставила масляную живопись, обратилась к иллюстрированию книг для детей. Помимо работы в различных издательствах (прежде всего, “Детгизе”), приняла участие в росписи фойе Музыкального театра для детей Наталии Сац.

В роскошной пятикомнатной квартире Ники, где на стенах висели картины итальянских мастеров и малых голландцев, семейные портреты, редкие гравюры, а в старинных шкафах золотыми корешками вперед хранились уникальные, бесценные по интересу и качеству книги, мы за огромным, раздвижным, круглым, антикварного значения столом встречались, спорили об искусстве, отмечали дни рождения и новогодние праздники. С какой эстетической

изысканностью и пластической привлекательностью Ника иллюстрировала и иллюстрирует по сей день детские (и не только детские) сказки Андерсена, В. Гауфа, братьев Grimm, Гофмана, Ш. Перро, В. Одоевского, А. Погорельского. К сожалению, в последние годы, когда обрушился выпуск иллюстрированных изданий литературной классики романтического направления, Ника все чаще вынуждена работать “в стол”. Но именно в этот грустный период происходит наивысший творческий взлет художницы. Выполненные ею иллюстрации, показанные как станковые произведения на прошедших в последние годы с успехом персональных ее выставках, выдвигают Н. Гольц — и это закономерная неожиданность — в число наиболее выдающихся отечественных книжных графиков.

19. Гончаров Коля. 1925 — 1987. Занимался в МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1948), живописец. Полный курс учебы не завершил, в числе других “формалистов” был отчислен из вуза. Принимал участие в оформлении ВСХВ, преподавал в заочном Университете искусств им. Н.К. Крупской. В школьные годы имел непререкаемый авторитет общественника. С настойчивостью, накопив сухарей, не раз пробовал убежать из нашего башкирского села на фронт, помогать доблестной Советской Армии бить ненавистных извергов человечества, гитлеровских оккупантов. Но водворялся обратно. В Москве после институтской учебы мало с кем из бывших друзей общался. Увлёкся геофизическими теориями, древнейшей историей, реконструкцией памятников старины. Трудно сказать, продолжал ли он заниматься живописью, членом Союза художников так и не стал.

20. Горский Андрей. Род. 1926. Окончил МСХШ (1939 — 1946) и театрально-декорационный факультет МГХИ им. Сурикова (1946 — 1952), живописец, работал в Московском товариществе художников. Рано начал выставляться. Автор жанровых композиций, портретов, пейзажей с включением памятников архитектуры. Преподавал в МСХШ (1952 —

Л. Шитов. Василий Бакшеев. 1956 г.
Б., кар., 18x13,3.

1953). Член всевозможных выставкомов, советов и комиссий Московского союза художников (в том числе, одной из важнейших — выставочной работы).

75-летие А. Горского торжественно было отмечено персональной выставкой в Центральном доме работников искусств. На вернисаже председательствовала знаменитая в прошлом и не менее моложавая, чем на портрете Александра Герасимова, выполненным шестьдесят лет назад, балерина Ольга Лепешинская. Звучали проникновенные слова в адрес юбиляра. А он — отчаянной худобы, прихрамывающий, сутулый, седой и морщинистый, с сильно дрожащими руками (а какой раньше был красавец!) — воспринимал все похвалы в свой адрес вполне мужественно.

В селе Воскресенском (да и позже) звали его “Андриком”.

21. Грабарь Игорь Эммануилович. 1871 — 1960. Живописец, критик и историк искусства. Учился в Петербургской Академии художеств у В.Е. Савинского и И.Е. Репина (1894 — 1896), а также и в Мюнхене в школе Антона Ашбе (1896 — 1898). Член объединений “Мир искусства” и “Союз русских художников”. Один из основоположников музееведения и реставрационного дела в нашей стране, руководитель (с 1918 года) Государственной

центральной художественной научно-реставрационной мастерской (носящей сейчас его имя), автор первой научной, в шести томах, “Истории русского искусства” (1909 — 1916), монографий о В. Серове, И. Левитане (в соавторстве), И. Репине. Директор Третьяковской галереи (1913 — 1925), художественных вузов в Москве (1937 — 1943) и Ленинграде (1943 — 1946), Института истории искусств (с 1944). Народный художник, действительный член Академии наук и Академии художеств, лауреат Сталинской (1941) премии, профессор. При его деятельном содействии была организована в 1939 году Московская средняя художественная школа.

Мне посчастливилось учиться у Игоря Эммануиловича, беседовать с ним, бывать у него в мастерской на Верхней Масловке. Помню висящий на видном месте портрет молодого щеголеватого Игоря Грабаря, с бравурной хлесткостью написанный суперодаренным Филиппом Малявиным в годы учебы у Репина в Петербургской Академии. Человек энциклопедических знаний, Игорь Эммануилович говорил задиристо, с шуточками и остроумными отступлениями, растолковывая нам сложные проблемы как бы играючи, мимоходом, без всякой свойственной искусствоведам псевдоучености. Я сохраняю по сей день светлую память об Игоре Грабаре и сожалею, что в 1948 году, во время глобальной перетряски и реорганизации Суриковского института, он прекратил преподавательство. О тех, кто пришел на смену прежним кадрам, Игорь Эммануилович сказал с грустью: “Да, они и автопортреты свои рисуют по фотографиям”. Профессор, возглавивший после Грабаря портретную мастерскую, поблескивая на лацкане модного пиджака кучкой медалей лауреата Сталинской премии, заявил доставшимся ему по наследству студентам: “Я из вас эту грабаревщину выкорчую!”. И началось в институте массовое изготовление “культоличностных” курсовых и дипломных композиций.

22. Грицай Алексей Михайлович. 1914 — 1999. Живописец. Занимался с 1932 по

А.О. Барц.
Рис.
К.
Карамяна.

Луги детства

1939 годы в Петрограде в частной студии С. М. Зейденберга (непродолжительно) и Всероссийской Академии художеств (мастерская И.И. Бродского). Участник Великой

Ира Аристова, Галя Барщ, Лена Колобаева.

Рисовал, в основном, Лева Котляров.
Приложение к газете МСХШ "Будильник".

Отечественной войны, фронтовик. В ранний период, автор тематических жанровых композиций. Затем почти полностью посвятил свое творчество пейзажу, воспеванию красоты среднерусской природы (Подмосковье, Приокский край, Волга), развитию на новом этапе лирической живописной манеры А. Саврасова, Ф. Васильева, В. Поленова, И. Левитана. Хороший рисовальщик, знаток линейной перспективы и пластической анатомии. Народный художник, действительный член Академии художеств. В течение более двадцати лет являлся членом ее президиума, лауреат Сталинских (1951, 1952) и Государственных (1973, 1978) премий.

Женя Батырь. Наброски левой руки.

Награжден бронзовой медалью Всемирной выставки в Брюсселе (1958). Преподавал в Московском институте им. Сурикова (1948 — 1974), профессор. Закономерен вопрос: а при чем здесь, в этих заметках, А.М. Грицай? Он не учительствовал в МСХШ, не эвакуировался, как началась война, в Башкирию. Нужно ли его выделять особо? У каждого из нас в школьные годы были свои любимые учителя. Ну, а в дальнейшем судьба сложилась примерно одинаково: после школы — институт, участие на выставках, вступление в Союз художников. Кого-то затащило преподавательство (как-никак, а легкий способ жизнеобеспечения). Кто-то, ярко себя заявивший произведениями, был

Кира Бахтеева. Рис. К. Карамяна.

удостоен чести стать (в те годы это считалось весьма почетным) академиком. Но для всех нас общим художественным "папой", старшим другом и наставником, поводырем в добрых (если они случались) свершениях, выработке, вернее, выстраданности, почтительного отношения к профессиональному совершенству, к искусству жизни и радости, а не загнивания и скорби, был А.М. Грицай.

В Суриковском институте он появился в 1948 году, в период его реорганизации. Высокий, спортивно сложенный, приветливый. Из тогдашних академиков Алексей Михайлович был, пожалуй, самым молодым, всего-то 34 годика. После он вспоминал: "Сказать по правде, я от души завидовал, когда видел, как на переменах, вы, здоровые детины, дурачились в институтском дворе, забавлялись футболом, используя вместо мяча набитый газетами чулок, или играли в чехарду, прыгая, гогоча, друг через друга".

Наставничество А.М. Грицайя не ограничивалось преподаванием. Он "вел"

учеников и близких ему по духу молодых живописцев в течение долгих лет. Помогал всячески. Это происходило и на знаменитой Академической даче под Вышним Волочком, и во время многочисленных заседаний

Женя Берзнеговская. "Будильник",
1944 г.

выставочных комитетов, советов, комиссий, в состав которых его непременно включали. Даже такая частушка бытовала: "На большой совет пришла я, там увидела Грицай. Ах, хороший мой Грицай, ты меня не отрицай!". Лева Котляров карандашиком и акварелью сотворил на Академичке (и совершенно безвозмездно) большущее многофигурное панно, где запечатлел деятелей искусства, связанных с этим благословенным для художников российским Барбизоном. Алексей Михайлович там меланхолично обнимает березку. Сей пасторальный образ Лева, натура одаренности всесторонней, сопроводил собственного сочинения стихами: "Неравнодушно смотрит он на белый ствол березы, сильней краснеет нос его, и на палитру льются слезы. Его волнуют с давних пор осины, ивы, косогор, рассветных зорь малиновая алость. И крик вороны в серый день, что на заборе...". Последнее слово у Левы не очень приличное, в значении "обкакалась".

Живописью в те годы мне приходилось заниматься урывками. Растеряв институтскую выучку, работал я прескверно. Помню, с какой настойчивостью на Академичке Алексей Михайлович тратил время на мое совершенствование в пейзажописании, объяснял элементарные истины: почему, например, просветы в листве деревьев нельзя

Витя Будихин. Рис. К. Карамяна.

передавать тем же тоном, что и небо. Значительное воздействие А.М. Грицай оказывал и на журнал "Юный художник", издание которого было возобновлено (а меня назначили главным редактором) в конце 1970-х годов. На регулярных редакционных отчетах в Академии художеств он всегда уважительно, не скрывая симпатий к журналу (он являлся

Олег Буткевич.
16x9.

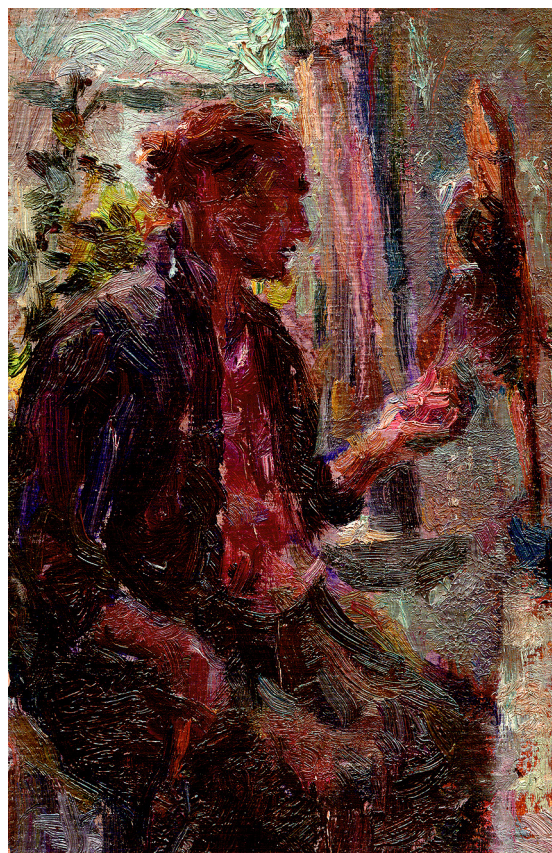
членом редколлегии), выдвигал полезные для вразумления подрастающего поколения рекомендации.

Жил и работал А.М. Грицай на Верхней Масловке, в одном подъезде с Гелием Коржевым, виделись они почти ежедневно. Мастерская Алексея Михайловича была необычайно скромной по размерам, вовсе не соответствовала масштабу его творческой личности. На стенах, стеллажах, полках картины, этюды, иконы. Много ценных книг, монографий; литературная классика, философия, стихи. Еще дореволюционного изготовления великолепный (не белого, а от времени желтовато-коричневого цвета) гипсовый отличного качества слепок Люция Вера. Большая, составленная из вкраплений ценных пород дерева, старинная, витиеватая, загогулистая по очертаниям палитра. На подоконнике крохотные скульптурки коров, целое стадо. Он иногда оживлял ими сельские свои пейзажи. На двух мольбертах начатые картины. Работал Алексей Михайлович постоянно, практически круглые сутки. У него была в мастерской сконструирована система искусственного освещения (различные лампы и отражатели), позволявшие заниматься живописью в любое время. Он делал на грунтованной бумаге маслом быстрые натурные этюды, которые составляли основу будущих композиций. Не повторял их точь-в-точь на основном холсте, а комбинировал, беря от каждого моменты, нужные для воплощения замысла. Иногда заклеивал временно бумагой какой-либо фрагмент почти завершенной

картины и продолжал живопись. Варьировал предполагаемые (а может, лучше будет?) изменения. Озеро, к примеру, вставлял, где было поле изображено, или менял характеристику растительности. Его бесхитростная живописная система питалась непосредственным восхищением природой, была напрочь лишена звонкой аффектации и экспрессивной удали. Она казалась некоторым приурочившимся к постперестроечной ситуации мастерам кисти и резца устаревшей, взятой из далекого прошлого, оторванной от жизненных, милых демократам, обстоятельств. Ни отвлеченной пластики, ни Гулага и сталинских репрессий. Ничего этого нет, только тихая, да еще, благодаря превосходному мастерству А. М. Грицай, зеркально удвоенная реальность. Разве ж так можно! Он даже не сердился в ответ. И продолжал петь немудрящую свою, щемяще родную пейзажную мелодию.

Когда в связи с возрастом и по состоянию здоровья А. М. Грицаю трудно стало передвигаться, он отстранился от активной деятельности.

По телефону стал чаще беседовать с друзьями и учениками бывшими. Разговоры

Клара Власова. Шура Девяткова с прялкой.

эти были продолжительными и всегда занимательными. Таня Лившиц рассказывала, что как-то Алексей Михайлович беседовал с нею о превратностях жизни и искусства более двух часов кряду. Звонил Алексей Михайлович и мне, в основном, в мастерскую. Если это происходило в дневное время, извинялся, что отрывает от работы. Давал советы по поводу ведения журнала «Юный художник». О каких, по его суждению, мастерах, разбивая складывающиеся стереотипы, желательно поведать детишкам, какие периоды истории искусства акцентировать, чей педагогический опыт пояснять. Наиболее грандиозным педагогом в истории отечественного искусства (в какой-то мере выше П. П. Чистякова) он считал скромного Василия Дмитриевича Поленова. Неожиданным для меня было совсем не восторженное его отношение к творчеству сильно мною любимого в молодые годы Валентина Серова. Алексей Михайлович доказательно, на конкретных примерах пояснял, что образцовым рисовальщиком Серова трудно считать, а живопись его, лишенная единой концепции, построена, преимущественно, на внешних приемах.

После моих путешествий в Италию Алексей Михайлович, прекрасно знакомый с культурой и музеями этой благословенной страны, интересовался деталями моих впечатлений. И не только от Рима, Флоренции, Венеции, Равенны, но и от других, не менее сказочно-расчудесных городов.

Как-то он заметил: «Вы, Люциан Александрович, делаете, как главный редактор «Юного художника», чрезвычайно важное дело. Влияние журнала несомненно, и оно отзовется положительно. Но вот что я вам, и не удивляйтесь пожалуйста, предложу. Журнал укрепился, встал на ноги. Вам надо бы подумать теперь о другой сфере приложения сил. А не попробовать ли вам, дорогой Люциан Александрович, стать директором нашей московской художественной школы? Там несколько лет положение, мягко выражаясь «не ах». Мне представляется, вы смогли бы наладить это хозяйство, пока оно вконец не развалилось. Опыт педагогический у вас есть, надежный круг друзей, большинство которых выученики школы, тоже. Взгляды ваши на искусство и воспитательные процессы президиуму Академии художеств известны; мы их разделяем и поддерживаем. Что скажете?». Я всегда чувствовал себя крайне растерянным в подобных судьбоизменчивых ситуациях. Отшучивался: «Чего мыло на шило менять? В школе сколько учеников? А у журнала только подписчиков почти двести тысяч». Вскоре

примерно такой же разговор (вероятно, с подачи А.М. Грицай) состоялся и с президентом Академии художеств. «За журнал спасибо. Он, как говорится, «на мази». Но знаешь, Люциан, что я тебе скажу: иди-ка ты в школу московскую, подиректорствуй!». Тоже отказался. Хотя после размышлял на эту тему. Перво-наперво, конечно, я, несмотря на возможные возражения, запретил бы ученикам и педагогам в школьных помещениях курить. И ввел бы табу на употребление спиртных напитков. Ни банкетов, ни торжеств. Вопросы художественной направленности при таком развороте событий решатся, разумеется, сами собой. И в лучшую сторону. Но главное, как прояснилось в последнее время, я никудышный администратор, к тому же сжился с журналом, привык к постоянным редакционным нервозам, да и вообще, предположить не мог: как так можно совсем расстаться с ним?

Личная судьба у А. М. Грицай сложилась трагично. Его сын, талантливый живописец, умница, красавец, парень авторитетный, артельный, умер в расцвете сил. Умер мучительно, от рака. Вскоре и верная спутница А. М. Грицай, его жена Валентина Степановна (сопровождавшая заботливо его во всех поездках) тоже ушла из жизни. Алексей Михайлович остался один.

Скончался он в начале июня 1999 года. На его могилку на Ваганьковском кладбище (а под одной загородкой рядышком: Алексей Михайлович, Саша, Валентина Степановна), чтоб помянуть, приходят, ковьяля (тоже, уже не спортсмены) Лева Котляров и Геля Коржев. Если в это время я бываю в Москве, то присоединяюсь к ним...

23. Дмитриев Митя. 1925 — 1980. Учился в МСХИ (1939 — 1945), затем в МГХИ им. Сурикова и Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Но ни тот, ни другой институты не окончил. График, художественный редактор журнала «Юность» (1955), работал в АПН (Агентство печати и новостей), а также в ряде крупных книжных издательств.

Митя среди нас, школьников первого набора, был наиболее озорным и непредсказуемым в поступках. Если где-нибудь происходил скандал, шум, драка — можно быть уверенным, обязательно там окажется Митя. Небольшого росточка, белобрысый, с голубыми чуть навывкате глазами, он обладал дерзостно скандальным нравом. По аналогии с литературными героями, имевшими взбалмошный характер, он, как мне кажется,

напоминал (применительно к совсем иным условиям) своего тезку из романа Ф. М. Достоевского — Митичку Карамазова.

Я жил с ним в одном доме на Колодезной улице, в Сокольниках. Хорошо помню его добрейшую (из старообрядцев) маму — Марию Нестеровну. Отгороженный шкафами уголок для Мити в их двадцативосьмиметровой комнате коммуналки. На книжной полке кнебелевские издания монографий о Левитане, Рябушкине, Нестерове, шеститомная грабаревская “История русского искусства” в золотых переплетках. Рядом аккуратно сложенные столярные инструменты и штихели. Миниатюрные, на деревянных дощечках, иконки, им написанные. Много линогравюр, офортов, ксилографий (Митя резал цветные иллюстрации) и полный, на старославянском языке текст “Слова о полку Игореве”, рисунки и акварели в больших папках с белыми тесемками.

Митя странно учился. Обворожив профессоров Суриковского вуза талантливыми своими работами, Митя без экзаменов, сразу был принят на третий курс графического факультета. Такое доверие ему оказали! Мы, его друзья, только-только начинали долгий студенческий путь, а он вон куда враз прыгнул; Через пять лет мы приступили к выполнению дипломных программ, а Митя все еще оставался на третьем курсе. Оказывается, занимался он (и успешно!) исключительно рисованием, освоением на практике графических техник и полиграфических тонкостей, а общеобразовательными предметами решительно пренебрегал. И имел, начиная с первого курса, задолженность по ним, включая, конечно, общественно-политические дисциплины. То он переводился из вуза московского в ленинградский (опять на третий курс). Поучившись там около года, возвращался в Суриковский родной институт, правда снова на третий курс. То увлекался (с бегством из Москвы в тихую сельскую местность) студентками-актрисами. Щукинское училище при театре имени Е. Б. Вахтангова располагалось в одном помещении с нашим живописным факультетом, даже некоторые аудитории для лекций были общими.

Как все прирожденные графики, Митя обладал отменной зрительной памятью. Вот один случай. Работая над традиционным заданием “По летним впечатлениям”, Митя сначала сочинил композицию. Потом к этому эскизу, созданному целиком по воображению и памяти, сварганил подготовительные наброски, якобы натурные: фигуры в тех же поворотах, особенности одежды, пейзажное окружение. И представил все это в комплексе на суд

просмотровой комиссии. Митины работы понравились. “Вот как надо делать композицию! — ссылаясь на его опыт, нравочали нас педагоги.— Главное, последовательность! Почему эскиз получился? Собран добротный, детально на натуре проработанный материал”.

Умер Митя от рака.

24. **Добросердов Михаил Владимирович.** 1906 — 1986. Окончил в 1930 году Вхутеин, где его учителями были К. Истомин, А. Осмеркин, А. Шевченко. Продолжил образование в Институте повышения квалификации художников у Б. Иогансона. Мастер большой живописной культуры. Автор натюрмортов, портретов, пейзажей. Преподавал в МСХШ (1939 -1948), Студии инвалидов Великой Отечественной войны (1949 — 1952), МОХУ памяти 1905 года (1953 — 1984), заслуженный художник.

Редкий случай полнейшего соответствия (как в комедиях Дениса Фонвизина) фамилии и свойств характера. Высокий, худощавый, с чистыми спокойными глазами, благородными чертами лица, он действительно был человеком добрым и сердечным. С бережной уважительностью относился к каждому ученику. Почти непрерывно курил. В селе Воскресенском — махорку, затем дешевенькие сигареты, чаще других “Прибой”. Кончики его пальцев от самокруток были коричневатыми. Говорил медлительно, не повышал голоса. Употреблял беспрестанно слова: “Знаете ли, понимаете ли”. Мы его так и звали: “Знатели-пониматели”. В живописи сторонник крымской тональной системы, совершенно чуждой и абсолютно не понимаемой поклонниками простоватой цветасто-французистой манеры. Любимый колорит — густые серебристо-умбристые сочетания. Поразил и надолго запомнился один натюрморт, поставленный Михаилом Владимировичем еще в довоенное время, когда школа располагалась на Каляевской улице. Картошка только что вырытая, морковки пузатенькие, луковицы золотистые, потрепанная мешковина грубая, несколько обыкновенных кирпичей, поленья березовые, топор, ведро жестяное поблескивающее; натюрморт был “двухэтажным”, компоновался по высоте и стоял далеко от окон, в полутемном углу аудитории, возле голландской печки с чугунной дверцей. На другой год, когда разразилась война, в период эвакуации, все эти предметы стали уже не отвлеченно-художественной экзотикой, а жизненной необходимостью сурового нашего полуголодного бытия в избухных школьных общежитиях. В октябре 2001 года в Москве в ЦДРИ была проведена небольшая, хорошо

подобранная по составу произведений выставка М. В. Добросердова. Мечта (в сочетании с немалыми усилиями) его семьи — дочери Татьяны и внука, студента Суриковского института Димы осуществилась. На торжестве открытия администраторы Дома искусств выпускали ораторов (в основном, из числа бывших учеников Михаила Владимировича — седых, хромых и беззубых) по ранжиру: сперва академиков и народных художников, потом всякую чернь замухрынистую.

Впервые на меня произвела столь сильное впечатление живопись М. В. Добросердова. С годами поумнел, наверное (я про себя). Вблизи бестолково-аляповатые мазочки, а на расстоянии (картины висели на фоне белой стены) поразительно-чарующая, чуть приглушенная по краскам; певучая гармония, где нет никаких диссонансов, выпячивания черненьких червячков, тональной несогласованности. Речи ораторов перемежались музыкальными антрактами. Пианист играл громко, с аффектацией, держался нарочито артистически. Я подумал, если бы М.В. Добросердов был музыкантом и доведись ему исполнять Фредерика Шопена, то инструмент у него, наверное, не стучал бы, а пел. Такой уж лирический склад был у этого цельного по своим душевным качествам человека.

25. Дрезнина Вера. Род. 1924. Окончила МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), живописец. Автор картин исторической тематики, портретов. Работала в Комбинате живописного искусства, была директором Московского дома художников; организатор популярных художественных капустников (эстрадный коллектив “Кохинор”). Преподавала в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, доцент, заслуженный художник.

26. Завьялов Саша. 1926 — 1992. Окончил, МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1960), живописец. Сын известного художника почтовых марок В. В. Завьялова. Работал в Комбинате живописного искусства, преподавал в МСХШ. Прозвище в селе Воскресенском “Кашалот”.

27. Зархин Роня. 1925 -1969. Учился в МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1948 — 1948). Как и ряд других студентов, был освобожден от продолжения учебы, то есть, исключен, в связи с реорганизацией вуза. Закончил Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина (1950 — 1955),

живописец. Учительствовал в общеобразовательной школе, работал художником-рекламщиком в столичных

Миша Голубенков. Рис. К. Карамяна.

кинотеатрах.

Хотелось бы несколько добрых слов сказать об этом никому не известном, бескорыстном, большой душевной ясности человеке. Роня был близорук, хилого здоровья, носил очки с толстыми стеклами. Беспреданно качал влево-вправо и вверх-вниз головой, имел дергающуюся, с подпрыгиваниями, походку. В школьные годы я жил рядом с ним, на одной улице. Помню его семью: грузного отца, директора магазина на Кузнецком мосту, худенькую, симпатичную, всегда аккуратно одетую, с печальными такими глазами маму. Что-то произошло у них дома, мама Рони наложила на себя руки. Роня не остался с отцом, переселился в соседний подъезд, в бывшую ванную комнату, чрезвычайно маленькую и неудобную, с квадратным, высоко расположенным окном. Кроме стула, кушетки, тумбочки и навесной книжной полки ничего больше там не помещалось. Он любил шахматы, и мы иногда сражались далеко за полночь. Помню и живопись его: натюрморты с коричневатыми черепами человеческими, бронзовыми подсвечниками, синими плотными драпировками, древними, в кожаных переплетах с застешками книгами, корпусно написанные, колористически благородные. Из Суриковского вуза Роню отчислили за так называемый “формализм”. Ну, а в пединституте он не смог

развернуться в полную силу живописных своих данных. От отца не принимал помощи. Как позже выяснилось, Роня был не родным сыном, а приемным, из очень бедной семьи. После отселения жил скудно, перебиваясь случайными заработками. Умер от опухоли мозга.

26. Знаменский Игорь. 1925-1973. Учился недолго в МСХШ (1939 — 1941). Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (1945 — 1951), художник-мультипликатор. Я не знаком с его мультфильмами и не могу сказать, отразилась ли природное остроумие Игоря на самостоятельной творческой его деятельности.

29. Иванов Виктор. Род. 1924. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), живописец. Автор содержательных художественных циклов о жизни современной деревни, портретов, пейзажных композиций; преподавал в МСХШ (1950 — 1952). Народный художник, действительный член Академии художеств, многие годы секретарь правления Союза художников России, лауреат Государственных премий (1966, 1968) и Международной премии имени М.А. Шолохова. Автопортрет В. Иванова (1983) находится в галерее Уффици во Флоренции.

При всем почтении к несомненному и

Коля Гончаров. Рис. Л. Шитова.

яркому его живописному мастерству, считаю В. Иванова прежде всего рисовальщиком. И не рядовым, а выдающимся. Ставшего таким не в результате полученной основательной выучки, а милостью Божьей. Будучи школьником, Витя шутя, взяв обычный печной уголь, мог на белой известковой стене общежития начертать (не схематично, а академически точно) фигуру человека в полный рост и в любом ракурсе, лучшие его живописные произведения всегда, как мне представляется, продукт логического мышления, сугубо рисовальной, заранее определенной и обмозгованной идеи, сконструированной пластической формулы. А уже потом цветового облачения. И опять же, не идущего полностью от живой природы, а привнесенного рассуждением. Как профессионал, он был на голову выше всех нас, рядовых мхшовцев. И словно Рафаэля в Риме, Витю в Воскресенском всегда сопровождала свита поклонников его талантности, взвешенности суждений, исключительного человеческого обаяния. Звали его, и совершенно справедливо, “классиком”. Классиком он и остался на последующие десятилетия...

Хочу сказать Виктору Иванову большое спасибо за то, что на всех высоких и не очень высоких художественных заседаниях и сборищах он внедрял в сознание слушателей не такую уж спорную истину: творчество учеников нашей школы на рубеже 1930-1940 годов — высшая в то время точка развития отечественного изобразительного искусства. Все мы являлись не обособленными субъектами, не каждый сам по себе, а взаимосвязаны были и взаимообусловлены, представляли единый коллектив. Успехи одного — это и успехи любого из нас. Не потому ли столько заметных личностей стране дало это поколение. Включая, разумеется, и Виктора Иванова, одного из типичнейших для того периода вундеркиндов.

30. Ильинский Игорь. 1925 — 1989. окончил МСХШ (1939 — 1944) и Всесоюзный институт кинематографии (1945 — 1951). График, заслуженный художник. Сотрудничал с различными книжными издательствами, главным образом, “Детской литературой” (“Детгизом”). Мастер штрихового рисунка пером. Им выполнены иллюстрации к произведениям Д. Дефо, Р. Стивенсона, Т. Майн-Рида, А. Дюма, книгам по истории Древнего мира. Был председателем комиссии Союза художников России по эстетическому воспитанию, явился одним из пропагандистов возобновления (1977) издания журнала “Юный художник”, организатором крупных,

республиканского значения выставок детского творчества. Пережил личную трагедию. Его дочка, юная художница, школьница, была неизлечимо больна и постепенно, почти полностью парализованной (она лежала дома) ушла из жизни.

31. Каменский Алеша. Род. 1926. окончил МСХШ (1953 — 1945) и МГХИ им. Сурикова (1940 — 1951), живописец. Сын известного поэта Василия Каменского, авиатора и футуриста, друга Вл. Маяковского. Имея большущие, широко открытые миру голубые глаза и такого замечательного папу, нельзя было не сочинять стихи, что Алеша и делал в Воскресенском. Но кроме того, а одаренность проявляется разное, он создавая в живописи натурно убедительные, сравнительно крупного (по нашим тогдашним меркам) размера пейзажи башкирской хмурой действительности и красивые по плотному колориту портреты. Г. Коржев (а я рассказал ему о недавних встречах с А. Каменским) передал мне четырнадцать рисунков Алешы, датированных, в основном, осенью 1940 года. Замечательные, искренние, с акварельной размывкой и штриховкой пером и тушью композиций на темы басен, сказок и прочитанных книг романтического содержания. На обороте одного из эскизов трогательная надпись: “Лешка! Не сиди под открытой форточкой. Мама”. Геля сказал: “Как ко мне попало столько рисунков Лешы Каменского, я и сам не знаю”.

В 1956 — 1967 годах А. Каменский преподавал в Московском заочном народном университете им. Н.К. Крупской.

32. Каплан Исаак. 1924 — 1997. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и ВГИК (1945 — 1951), художник театра и кино, заслуженный художник. Кинофильмы “Дама с собачкой”, “Приключения принца Флоризеля”, телесериал “Шерлок Холмс и доктор Ватсон”.

В Воскресенском был душой любой компании, остроумным собеседником, галантным на наших танцевальных вечерах кавалером.

33. Карамян Костя. 1925 — 1990. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), живописец и график. Преподавал в Московском государственном педагогическом институте им. В.И. Ленина. Невысокого роста, общительный, интеллектуально развитый (что редкость у свободных художественных натур). Чубастый, глазастый, зубастый. В Воскресенском трудился над серией композиций о блокадном Ленинграде,

делал эскизы плакатов “Враг не пройдет!”, иллюстрировал сказки В. Гауфа, ехидно портретировал приятелей, педагогов и даже директора Н.А. Карренберга. Рисовальная манера у Кости была любопытной, так сейчас редко кто работает. Он употреблял в различных сочетаниях все, что было под рукой: тушь, перо, белила, черную акварель, цветные карандаши, энергично используя светотеневые и тональные возможности этой воистину анархичной техники, позволяющей достигать в графике живописно-сочных эффектов.

34. Карренберг Николай Августович. 1908 — 1979. Учился в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры. Живописец. С 1940 по 1952 директор МСХШ. Руководителем был справедливым, заботливым, строгим. Ребята его боялись, но любили, уважительно называли “фюрером”. Через несколько десятилетий, занявшись арифметическими подсчетами, мы крайне удивились, прояснив, что в Воскресенском Николаю Августовичу было всего-то чуть больше тридцати лет. Нам он казался воплощением почтенной зрелости.

Память о Н.А. Карренберге была увековечена установкой во дворе лица на Крымском валу мемориальной доски с профилем сурового директора.

35. Китаев Ахмет. 1925 — 1996. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), живописец. Обладал точным глазом, уверенной рукой и поразительным, с детских лет профессиональным мастерством. Один из тех самобытных юных талантов, обнаруженных в “глубинке” и принятых (с предоставлением бесплатного общежития) в школу, в первые же дни ее организации. Вместе с Костей Карамяном илевой Котляровым являлся родоначальником пользовавшейся популярностью, высокохудожественной и остроумной школьной рисовальной стенгазеты “Будильник” (1941 — 1944). После окончания вуза на республиканских и всесоюзных выставках экспонировал жанровые литературно-повествовательные, обличающего характера картины и импозантно-представительные портреты. Портреты писал быстро, сноровисто, с острым чувством характера, в хлесткой, почти цорновской манере. В быту был неприхотлив, порой рассеян, даже неряшлив. Так, иногда вместо палитры пользовался венским стулом, выдавливая на его гладкое полированное сиденье масляные краски. Увлечшись работой и желая немного отдохнуть, он, бывало, садился, забыв обо всем, именно на такой стул. Но злоклучения на этом не

кончались. Экономя время и не прерывая процессы живописания, он пробовал незамедлительно, тут же, не снимая брюк, вычиститься скипидаром. Зрелище обрисовывалось не для слабонервных, особенно когда скипидар проникал сквозь одежду. Было много смеха (со стороны свидетелей) и выразительных возгласов потерпевшего: “Ой, жжет! Ой, ой...”.

36. Кобозев Руслан. 1926 — 1998. Окончил МСХШ (1939 — 1945) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), живописец, работал в Московском комбинате живописного искусства, автор картин, посвященных историко-революционной теме и Великой Отечественной войне, преподавал в Московском заочном народном университете им. Н.К. Крупской. В Москве, в зале на Кузнецком мосту, 20 состоялась (1993) его персональная выставка. Был очень славным, компанейским человеком, прекрасным (с пародированием знакомых голосов) рассказчиком. Один из активистов создания и пополнения Воскресенской сельской картинной галереи, ездил туда специально.

Звали его в школьный период “пончиком”.

37. Коржев Гелий. Род. 1925. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), живописец. Один из выдающихся мастеров современной станковой картины. В 1951 — 1958 и 1964 — 1983 преподавал в Московском высшем художественно-промышленном училище (быв. Строгановское), возглавлял кафедру монументальной живописи. Председатель правления Союза художников России (1966 — 1976), народный художник, действительный член Академии художеств, лауреат Государственных (1966, 1987) премий, профессор.

Годы руководства Союзом художников оказались “черными” для творчества Г. Коржева, слишком много сил и времени честно и с полной самоотдачей уделял он этой нудной, тяжелой, но крайне нужной для взбодрения художественной жизни в регионах работе. Когда, после смерти Н.В. Томского, Г. Коржев шел первым, и самым желанным для многих, кандидатом на освободившееся место президента Академии художеств, он решительно отменил настойчивые со стороны правительственных и партийных высокого ранга чиновников предложения на этот счет. Стоял насмерть. Никакого функционерства, баста. Только живопись! И с трудом, мучительно восстанавливал творческую свою силу.

На рубеже 1990-х и 2000-х годов, когда в стране президентствовал Б.Н. Ельцин, затем В.В. Путин, власти вознамерились удостоить Г. Коржева (в связи с его семидесятилетием и семидесятипятилетием) высокими правительственными наградами. Узнав об этом, он, в отличие от других, изрядно прикормленных и обласканных мастеров культуры, категорически, в письменном виде, отказался (советовался, чем горжусь, со мной) от всяких поощрений и почестей.

Среди всех школьных вундеркиндов, супервундеркиндов и полувундеркиндов, я лично, как нетрудно догадаться, отдаю предпочтение именно этому художнику. И не потому, что нас связывает давняя дружба. На мой взгляд, Гелий Коржев (а он принципиально не провел ни одной персональной выставки, стоит ли удивляться, что практически не знают его творческих возможностей) — личность действительно исключительная, сопоставимая в русском искусстве разве что с Александром Ивановым и Василием Суриковым. В это трудно поверить сейчас. Время-то сегодня разладное, художественно скудоумное, царствуют лжеинтеллектуализм и материальная нахрапистость. Ну, а завтра? Верю, люди вернуться к простому, нравственно безупречному, а значит, мудрому, жизнеспособному. Тогда и придет час Гелия Коржева — живописца светозарного (не зря же имя у него такое!), человека, в котором слитны ум, воля, чувство, талант.

Не повезло (а может, наоборот?) Г. Коржеву с пропагандой его творчества, искусствоведческая литература о нем, по сути, отсутствует. Вот недавно вышли в свет две обильно иллюстрированные монографии. Обстоятельнее та, что на китайском языке, она понятнее. Но если вдуматься, обе они беспомощные, ибо дают превратное представление о мастере, мельчат его значение.

С детского возраста Гелю устойчиво, из-за его габаритов, называли “слоном”. А какие на него Лева Котляров, варьируя “слоновью” специфику, шаржи сочиняет! Надеюсь (доживем ли?), наступят дни светлые, когда издатели, почесав затылки, начнут (и не на Западе, Востоке, а у нас) выпускать о Г. Коржеве приемлемые для чтения и разглядывания монографии. Там непременно будут фигурировать и добрые, блистательно выполненные на нашего общего друга шаржи Л. Котлярова.

38. Коровин Константин Алексеевич. 1861 — 1939. Живописец, театральный

художник, мастер пейзажа, жанровых картин, портретов, натюрмортов, декоративных панно. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1875 — 1886) и Петербургской Академии художеств. Член Абрамцевского художественного кружка Саввы Мамонтова, объединений “Мир искусства”, “Союз русских художников”. Работал в театрах Москвы и Петербурга, преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1901 — 1918), Государственных свободных художественных мастерских (1918 — 1919). С 1923 года жил в Париже.

Кому ж неизвестны факты биографии этого чудесного художника, “Моцарта,— как называли его еще недавно, — русской живописи”. Но вставить его имя в перечень этот побудило меня то обстоятельство, что магия живописной маэстрии К. Коровина, чарующий артистизм его натуры, бесхитростно-мудрое его творчество оказали серьезнейшее воздействие на несколько поколений русских мастеров первой половины XX века, затронув, в какой-то мере, и нас. Наши наставники почти все прошли через его школу живописи, обожали его, хранили как драгоценную реликвию коровинские подлинные кисти. Причем, каждый рассказывал примерно одну и ту же легенду: “Пишет Коровин этюд. Холод, ветер, руки мерзнут. И через плечо кисти в красках испачканные бросает. А его слуга Иван ловит их, моет и тут же чистенькими Константинову Алексеичу подает”. В 1940-х годах в выставочном зале на Ермолаевском переулке, в центре Москвы, состоялась выставка выполненных во Франции произведений К. Коровина из частных (певцы, певицы, актеры, дипломаты) собраний. Очередь на выставку была такая, что конная милиция сдерживала толпу желающих познакомиться с последними (мне они показались грустными) шедеврами К. Коровина. На живописных отделениях художественных вузов царил культ сочной, мазистой, построенной на широко взятых цветовых отношениях, колористически праздничной живописи, даже станковые дипломные произведения, в том числе на революционные и культоличные темы, писали в этюдистско-свежей коровинской манере. А потом вдруг, сознательно или нет, но интерес к этой типично московской чувственно-темпераментной живописи исчез, вытеснен был расчетливыми приемами раскраски холста. И место блистательного К. Коровина, художника “радости нравственной”, в умах молодежи (не без участия переориентировавшихся быстро искусствоведов-перевертышей и речистых

выпускников педвузов) заняли такие мастера, как Павел Кузнецов с его линейной ритмикой и жиденькими цветовыми миражами и рассудчивый Кузьма Петров-Водкин с заумной системой цветоизобретательства. А затем волна привольных постмодернистских течений, стремительно ринувшихся с Запада, и вовсе размыли память о К. Коровине. Мол, хочешь быть современным мастером, не следуй отжившей, не модной, не “цивилизованной” стилистике коровинской живописи. Но без Константина Коровина (как, впрочем, и без Федора Шаляпина, Максима Горького, Сергея Рахманинова) русская культура не может быть полной. Кто-то скажет: “Ну, и хорошо”. А чего хорошего-то?..

39. Котляров Лева. Род. 1925. Окончил МСХШ (1939 — 1945) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951). Живописец, заслуженный художник, лауреат Сталинской (1952) премии. Автор портретов, картин на историческую, историко-революционную и современную тематику.

Ни одна наша школьная ретроспективная выставка не обходится без удивительно превосходных карандашных эскизов юного Левы Котлярова. Есть его работы — художественный авторитет выставки обеспечен. Он, на мой взгляд, самый примечательный рисовальщик и компоновщик первого, ставшего легендарным, школьного набора. (Год от года,— добавлю я,— сильно редеющего). Среди признанных трех школьных “китов”: Бабицин, Годин, Котляров — Лева, помимо интереса к истории татаро-монгольского нашествия на Русь, был приверженцем портретных изображений. Обладая фотографической памятью, он мог мельком увиденное лицо тут же воспроизвести максимально похоже, с полной убедительностью и правдивостью в деталях. Помню, в институте рисовали мы живую голову человека. В аудитории иногда заглядывал Лева, спокойный, неторопливый. Но и не думал рисовать. А после окончания задания, за один присест, без натурщика, сделал то, на что полагалось шесть учебных часов. И получил за рисунок (в отличие от нас), как всегда, отличную оценку. “Ты чего с натуры-то не рисуешь?” — спросили его. — “А она отвлекает”..

Став чуть ли не со студенческой скамьи Сталинским лауреатом, войдя в сонм мастеров соцреализма, Лева работал много и успешно, даже когда не было у него собственной мастерской. В числе нескольких специально

отобранных корифеев советского изобразительного искусства в марте 1953 года был приглашен (а это великое доверие) запечатлеть с натуры не вовремя почившего Иосифа Виссарионовича Сталина. На Всемирной выставке в Брюсселе (1958) за полотно “На фронт” Лев Котляров получил большую Серебряную медаль (Золотая не присуждалась). А Аркадий Пластов на этой же выставке за картину “Ужин трактористов” был награжден Почетным дипломом. На отечественных художественных выставках Л. Котляров регулярно демонстрировал крупного размера многофигурные портретные композиции, посвященные непримиримым борцам за счастье пролетариата. Причем, великих и величайших деятелей писал непринужденно, иногда даже (например, председателя Наркомпроса А.В. Луначарского) с иронией, без обращения к фотодокументации. За эти картины Л. Котлярову вручали престижнейшие (кроме славы и почета — командировки в Италию) медали Академии художеств — золотую и серебряную. Уникальный случай, когда один живописец удостоивался, правда, не подряд, двумя такого значения наградами, лучше бы, вместо этого, академики, не боясь конкуренции молодого мастера, приняли бы его в свои дряхлеющие ряды. Ан, нет!..

Человек широких интересов, Л. Котляров иногда выступал в печати, бичуя низкопробно-кичевое искусство (в основном, доставалось Илье Глазунову) и засилье в то время в Академии художеств способных сынков одаренных академических родителей. Надо было — быстро, но вполне основательно, освоил итальянский язык, мог в оригинале читать “Приключения Пинокио” и изъясняться на разные кулинарные и искусствоведческо-познавательные сюжеты. Как перворазрядник, принимал, и не без успеха (тогда еще не было компьютеров соответствующих) участие в международных шахматных турнирах по переписке. Но все же его ренессансный талант, по печальному моему наблюдению, так и не реализовался в полной мере.

В постперестроечный период Лева захандрил, забросил шахматы, перестал участвовать в художественной жизни, все чаще поглядывал на стопочку с водкой и отказался почти совершенно от живописи. Лишь иногда акварелью и графитным карандашом шаржировал близких друзей. Да так великолепно! Это подлинные, неведомые пока миру, шедевры, сравнимые разве что с литографиями Оноре Домье. Коллекционеры буквально дрались за право (разумеется, бесплатно!) обладать ими.

Митя Дмитриев. Рис. К. Карамяна.

Самое же интересное — никто никогда не обижался на Лева, столько в его гениальных (по мнению авторитетных поклонников) рисунках было жизненной доброты, уважительного юмора, рисовальной безукоризненности.

В спортивных увлечениях Л. Котляров с юных лет сохранил постоянство любимой своей, со времен Эдуарда Стрельцова, футбольной команде “Торпедо”.

Невесть почему, звали его в школе “Кучаком”. А в самое последнее время — “Перуджино”.

40. **Кречетова Мариша**. Род. 1918.
Актриса (травести) Московского

художественного академического театра им. А.М. Горького (1936 -1951). Старшая сестра Кати Шиллинг. В селе Воскресенском руководила театральным кружком, ставила отрывки из “Илиады” Гомера (“Прощание Гектора с Андромахой”) и фрагменты пьесы К. Тренева “Любовь Яровая” (роль Шванди исполнял Митя Дмитриев), декламировала на школьной сцене стихи Р. Киплинга и Н. Гумилева, поэтов сегодня обыденных, но в то время (шел 1942 год) для нас неожиданных.

41. Куприн Александр Васильевич. 1880 — 1960. Живописец, член -корреспондент Академии художеств, заслуженный деятель искусств. Учился в частные студии Петербурга и Москвы (1902 — 1906), Московском училище живописи, ваяния и зодчества у А.Е. Архипова и К.А. Коровина. Один из учредителей объединения “Бубновый валет” (1910). С 1916 по 1952 год преподавал во Вхутемасе и Московском текстильном институте. В ранний период творчества испытал сильное влияние кубизма, в последующем, одумавшись, перешел к объемно-пространственной (натюрморты) и пленэрной (пейзажи) живописной системе, благосклонно принятой зрителями и (частично) искусствоведческой печатью.

42. Кусков Иван. 1927 — 1998. Окончил МСХШ (1939 — 1945) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), художник книжной графики.

Еще одна школьная легенда. Можно считать Ивана Кускова эталоном прирожденного графика. И не просто графика, а именно книжного, иллюстратора. С детского возраста он накапливал (перерисовывая с книг и репродукций) характерные подробности той или иной эпохи: одежда, мебель, интерьерная обстановка, виды оружия, оснастка кораблей и прочее, прочее. Интересовали его основательно времена возвышенных страстей и бурных приключений, романтические герои А. Дюма, В. Скотта, Ч. Диккенса, Т. Майн-Рида, Г. Эмара, П. Буссенара, Г. Хаггарда. Книги этих чудесных писателей И. Кусков любил и с наслаждением иллюстрировал. Да и сам он был отрешенным от житейской суеты, погруженным в мир иллюзий, таким юным Дон-Кихотом, долговым, с удивленными, цвета летнего неба глазами, длинными руками и размашистыми движениями.

Тоненьким чертежным перышком (редкость в селе Воскресенском!) и тушью Ваня в четырнадцать-пятнадцать лет создавал чудорисунки. Иллюстрации его с ювелирно тонкой, как паутинка, штриховкой, очаровывали. Начинал сразу, импровизационно, без

предварительной карандашной наметки и заранее обдуманной концепции. По ходу работы корректировал расстановку фигур, распределение пятен и светотени. Созданные И. Кусковым персонажи живут по своим пластическим законам, подчиняясь сперва выражению особенностей текста, а уже потом художественным закономерностям, обитают в мире схожем, и, в то же время, отличным от действительного. Все, вроде бы, так, все на месте, все достоверно. И, одновременно, иначе, чем в жизни, красивее, увлекательнее. Именно это и убеждает в их реальности, сопряженности с литературными занимательными первоисточниками.

В последние годы книги с иллюстрациями И. Кускова перестали издаваться. А сам он несколько лет тяжело болел. В 2000 году в помещении Московского академического лицея состоялась посмертная его выставка.

43. Лившиц Татьяна. Род. 1925. Окончила МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950). Живописец, автор интерьеров, натюрмортов, жанровых картин, портретов.

Состоявшаяся в 1993 году в Москве, на Кузнецком мосту, 20 персональная выставка Т. Лившиц впервые позволила справедливо оценить ее творчество. Неожиданным оказался разительный успех выставки, цельность общего впечатления. Живопись Т. Лившиц, окончившей монументальное отделение Суриковского вуза, ученицы Николая Чернышева и Алексея Грицаца,

очень рисовальна, естественна и красива. Мало кто с такой убедительностью работает в технике темперы, да и кто еще сегодня может безошибочно (и не теряя художественности) вычертить в интерьерной композиции сложный орнаментальный паркет. Только вот жалко, что так называемым широким зрительским массам, одураченным даже по телевидению пропагандой,

Вера Дрезнина. Рис. Л. Шитова.

практически незнакомы такие скромные, но интересные художники. Поразительна также многолетняя, чуть ли не с младенческого возраста, устойчивая дружба Тани с Никой Гольц. Перефразируя классика, можно констатировать: мы говорим Лившиц, подразумеваем Гольц, говорим Гольц — подразумеваем Лившиц.

Прозвище у Тани — “Вшиц”.

44. **Лобанов Женя.** 1924 — 1960. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950). Живописец. Принимал участие многофигурными композициями на крупных выставках, был в составе бригады художников по восстановлению панорамы Ф. Рубо “Оборона Севастополя” (1954).

Саша Завьялов. “Будильник”, 1944 г.

В Воскресенском входил в свиту Виктора Иванова. Подобно другим приверженцам строгого академизма, недурно знал перспективу, пластическую анатомию, обладал безошибочным рисовальным глазом и обожал не только собственного, домашнего нашего классика Витю Иванова, но и Иванова другого, Александра Андреевича, великого автора “Явления Христа народу”. Как парень житейски легкий, Женя имел сразу несколько прозвищ: “Лобандуй”, “Лбов” (по аналогии со

Роня Зархин. Рис. Л. Шитова.

своей фамилией) и “Хариус” — из-за попыток выловить именно эту лососевидную рыбку в местном замороженном, хотя иногда очень полноводном, Торе.

45. **Максютов Рашид.** 1925 — 1996. Учился в МСХШ (1939 — 1943) и (после службы в Советской Армии) — в МГХИ им. Сурикова (1947 -1960). Живописец-пейзажист, заслуженный художник.

В школьные годы отличался фанатичной преданностью масляной живописи. На маленьких картонках (больших-то тогда не было), писал интерьеры бедных башкирских жилищ и пейзажи с простенькими мотивами: избы, крытые соломой, сараи и заборы бревенчатые, лошаденки кудлатые, небо высокое, березки с грачами. На этюды обычно ходил с Г. Коржевым. Был невероятно неряшлив и лохмат. Выданные ему школьной дирекцией, как остро нуждающемуся, казенные холщовые светлые штаны вскоре изгваздал красками до состояния авангардистской завершенности, Джексон Поллок мог бы позавидовать. Но особой его гордостью были непромокаемые, цветастые, зашпаклеванные фузой с палитры валенки. Он их, кажется, не снимал вообще, даже ночью, когда ложился спать на свой сверхживописно растрепанный топчан. Нрав имел немножечко взбалмошный, неуживчивый. Впоследствии это сократило студенческие его годы: будучи в нетрезвом состоянии (что с ним порой случалось) Рашид попытался, из-за расхождений во взглядах на проблемы этики и пути развития отечественного искусства, отдубасить ректора Суриковского института, весьма почтенного (что, впрочем, не мешало ему материться при студентах) живописца, портретиста и повествовательного жанриста, членкора Академии художеств Федора Александровича Модорова, имевшего, заметим в скобках, физиономию нахмуренную, почти бандитскую. Состязание (а напротив института находилось отделение милиции) окончилось не в пользу Р. Максютова.

Повзрослев и частично успокоившись, Рашид (а жил он в Подольске Московской области) полностью переключился на создание тематических, преимущественно городских, пейзажей с включением архитектуры. Работы его имели успех, были умелыми, но уступали композициям Георгия Нисского, Владимира Штраниха и Мориса Утрилло. Сравнительно же с собственными его юношескими этюдами, казались скучноватыми, лишенными искорок озорства и темперамента.

Звали мы его не Рашидом, а “Колей”, или “Максом”.

46. **Малиновская Екатерина Павловна.** 1895 — 1981. Заведующая (1939 — 1968) библиотекой МСХШ.

В Башкирию из Москвы была перевезена и затем регулярно пополнялась наша библиотека. Здесь отсутствовали развлекательные книжонки, но богато представлена была классика и различные иллюстрированные издания. В том числе, истории мирового и русского искусства Рихарда Мутера, Петра Гнедича, Александра Бенуа, комплекты, правда, разрозненные, журналов “Мир искусства”, “Аполлон”, “Золотое руно”, кнебелевские монографии в полном составе, трехтомное “Мастера искусств об искусстве”, “Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих” Д. Вазари, письма И.Н. Крамского и В. Ван-Гога, “Дневники” Э. Делакруа, вышедшие только что воспоминания М. Нестерова “Минувшие дни”, исследования о В. Сурикове, И. Репине. Читали с интересом литературных корифеев далекого прошлого, включая античных авторов, не забывали поэтов и писателей отечественных и

В. Иванов. Портрет. 1943 г.
Б., промасленный уголь, 32,5x20,5.

западных.

Екатерина Павловна нас вразумляла: “Читайте больше, как можно больше! Багаж знаний складывается в юности, до двадцати лет. Потом будет некогда”.

Библиотечный зал (громкое название для такого уголка) никогда не пустовал. В нем было тепло и уютно. И от благожелательства милой Екатерины Павловны, и оттого, что там можно было прижаться щекой к нагретой печке, дрова для которой, при всех трудностях, всегда находились. Екатерина Павловна была для нас заботливой доброй мамой. Голодных подкармливала, захворавшим давала рыбий жир. Тем, кто обносился вконец, у кого до невозможности растрепалась обувь, умудрялась доставать одежду, лапти или ступни.

Как прояснилось позже, она происходила из старинного дворянского рода, связанного с Царскосельским лицеем, А.С. Пушкиным, декабристами, иногда разрешала брать книги “на дом”, в общежитие. И огорчалась, если они возвращались без некоторых репродукций. Но бранилась не очень, понимая, что сие безобразие совершено не во имя собственничества и корысти, а ради желания быть постоянно рядом с полюбившимися шедеврами. Ребята, поступившие так антиколлективистски, впоследствии, на общешкольном, организованном Н.А. Карренбергом, собрании, горько каялись в содеянном и словно малые дети твердили: “Мы больше не будем”.

Библиотека была домом родным, музеем, центром духовности, местом интересных встреч и полезных бесед. Для расширения интеллектуального и художнического кругозора, давала она куда больше, чем хождение в нетопленные, казенные аудитории, где в зимнюю пору приходилось заниматься не снимая шапок, пальто и варежек.

Все мы, бывшие ученики школы, пока живы, чтим светлую память о Екатерине Павловне Малиновской.

47. Манухин Слава. Род. 1925. Учился в МСХШ (1939 — 1941), окончил МОХУ памяти 1905 года (1941 — 1947) и МГХИ им. Сурикова (1947 — 1953). Живописец и график. Автор живописных и графических портретов, эстампов, плакатов. Преподавал в МСХШ (1953 — 1956). Одинаково замечательно работал как левой, так и правой рукой.

В 1960-х годах широко известна была растиражированная его линогравюра “Травинка” — поэтичный образ дочки нашей соученицы Наташи Сапожниковой — Танечки (тоже

окончила школу, была художницей, но, увы, уже ушла из жизни).

48. Мерзляков Леша. 1924 — 1965. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и монументальное отделение МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950). Занимался у Василия Яковлева, Павла Корина, Николая Чернышева. Живописец.

Среди первого школьного набора, богатого отменными рисовальщиками, одним из самых убежденных, искусных “классицистов”, обладавшим, к тому же, неповторимой артистичностью художественного почерка, был Леша Мерзляков. В Воскресенском он дружил с Виктором Ивановым, разделял его духовные и творческие позиции. После вуза Лешу пригласили в бригаду по восстановлению панорамы Ф. Рубо. “Оборона Севастополя”. Возглавлял работы П.П. Соколов — Скаля. Трудно сказать, сколь чутко маститый академик относился к проблемам творческого

Алеша Каменский. 1944-45.

совершенствования молодежи, но почти все они под его началом прирастали к винопитию. Леша Мерзляков тоже.

Вернувшись из Крыма в Москву, почти все заработанные (и не малые) деньги Леша употребил на строительство роскошной по тогдашним меркам мастерской. Переоборудовал чердачное помещение одиннадцатизэтажного дома, что напротив ипподрома, по улице Беговой. С юмором рассказывал о своих взаимоотношениях с приглашенными “левыми”

Изя Каплан. Рис. К. Карамяна.

строителями. “Без поллитра, — говорил он, — и гвоздя не вобьют. А тут гигантский подъемный кран надо обеспечивать. Представляешь, сколько выпить пришлось. Иначе, никак!”.

В этой обширной мастерской десять лет спустя Леша и умер. Тело обнаружили не сразу, собака запертая выла. Взломали дверь. Лежит посиневший Леша возле мольберта, а рядом бутылки из под пива и водки. Он лечился

Костя Карамян. Рис. Л. Шитова.

от алкогольной зависимости. И вот, не выдержал...

Леша странно реагировал на спиртное. Пил, вроде бы, немного. Но тут же “отключался”, терял сознание. Иногда это происходило на улице. Его, чистенько и хорошо одетого, подбирали, отвозили в медвытрезвитель. Узнав из документов, кто такой, направляли в Союз художников соответствующие сердитые письма. После медвытрезвителя Леша, чтобы избежать назидательных нравоучений жены, с которой у него были далеко не идиллические отношения, ночевал обычно не дома, а в тесной комнатке Саши Суханова на Верхней Масловке. Спал прямо на полу, среди невероятного художественного кавардака: коробки с красками,

Костя Карамян. Рис. Л. Шитова.

холсты, подрамники, флаконы со скипидаром, керамические вазочки с кистями, кастрюли с супом и макаронами, большой колючий кактус, ночной горшок Сашиной маленькой дочки Мариам. Она, увидев пометки медвытрезвителя, спрашивала: “Папа, а почему у дяди Леши на ноге номерок нарисован?”

Помню, как его хоронили. Унылое, без единого деревца, кладбище. Тянутся рядками до горизонта обезличенные, стандартные могилки. Меся ногами жидкую мартовскую грязь, друзья несли, поочередно сменяясь, гроб. Потом поминки, речи проникновенные. Кто-то идею выдвинул: пусть каждый напишет воспоминания, сборник о Леше, светлом человеке, составим. Но так ничего никто не сделал. А где живописные его работы? Говорят, одна из лучших его картин “Встреча А.С. Пушкина с В. Кюхельбекером”

Н.А. Карренберг. Рис. К. Карамяна.
Б., кар., 23,5x9, с. Воскресенское, 1942

Ахмет Китаев. Рис. Л. Шитова. 1944 г.
11x9.

(зима, снег, черные стволы деревьев. Навстречу опальному, закованному в кандалы другу, стремглав бросился Александр Сергеевич) находится в частной галерее в Лондоне.

49. Мешкова-Малиновская Наташа. 1930 — 1993. Окончила МСХШ (1943 — 1950) и МГХИ им. Сурикова (1950 — 1956), художник театра и кино. Кинофильмы: “Пес Барбос и необычный кросс”, “Самогонщики”, “Утренний обход”, “Русское поле”.

Дочь нашей библиотекарши Е.П. Малиновской. В селе Воскресенском была худеньким, длинноногим и длинноносым, похожим на Буратино, остроумным подростом. Самостоятельно, не посещая школьные классы (но часто заходя в девичье общежитие) много и интересно рисовала. Основной сюжет ее акварельных (с применением гуаши и бронзовой, под золото, краски) композиций: сказки, карнавальные сценки, эскизы театральных костюмов.

С воскресенских времен звали ее “Мурзилкой”.

50. Миркин Моня. 1925 — 1944. Учился в МСХШ (1939 — 1943). Не завершив школу, ушел добровольцем на фронт. Погиб под Будапештом.

Моня — совесть наша, тех, кто знал его, учился рядом с ним. Ведь мы-то, как

вернулись летом 1943 года из Башкирии, продолжили художественное свое образование, без экзаменов приняты были в Суриковский вуз. А Мона сказал: “Не прощу себе, если не приму участие в этой проклятой войне”. Отправился в военкомат, отказался от брони.

Прошел быстренько курсы, стал отличником боевой и военной подготовки. Попал в мотострелковую часть. В одном из первых же боев, осенью 1944 года, был убит.

Курносый, розовощекий, общительный, смешливый. В творчестве был эмоционально неспокоен, экспансивен. Во всех своих работах шел, как говорится, “от пятна”. Из сумбура штрихов, размытых линий, мазков и мазочков, из всей этой тонально-цветовой каши, которая приводила в ужас педагогов, постепенно вылепливал очертания предметной реальности.

Сохранилась хорошая довоенная фотография Мони: кругленькая детская физиономия, вот-вот расхохочется. А на шее (примета времени) пионерский галстук с металлической застежкой. Таким: светлым, совестливым, с искорками талантливости в глазах, он и остался в памяти.

51. Михайлов Сергей Павлович. 1893 — 1952. Художник — педагог. Окончил в 1915 году Высшее художественно-промышленное училище (быв. Строгановское). Учился у прекрасного рисовальщика и живописца, ученика П.П. Чистякова и И.Е. Репина, друга В.Д. Поленова, Дмитрия Анфимовича Щербиновского. В 1916 году был призван в армию вольноопределяющимся, участвовал в военных действиях на Юго-Западном фронте (Брусилловский прорыв). После демобилизации начал преподавательскую деятельность в школах рабочей молодежи, студии Межрабпомфильма. И.Грабарь привлек С.П. Михайлова к хлопотливой работе по созданию и организации первой в Москве школы юных дарований. С 1939 года до последних дней Сергей Павлович преподавал в МСХШ рисунок. Проявил себя сильным администратором и требовательным, разумным педагогом.

Мне довелось увидеть работы Сергея Павловича, впервые за многие десятилетия вызволенные его внучкой из семейных закутков. Преподавал он рисунок, а занимался, в основном, живописанием. Все больше пейзажные мотивчики односеансные шлепал. Ни одна работа не подписана и не датирована. Зато в каждой дырочки от кнопок и гвоздиков, да отпечатки пальцев по красочному слою.

В селе Воскресенском Сергей Павлович зтюдничал на казенном темно-коричневом

грубом картоне. А вернувшись в Москву, переключился на проклеенную бумагу и бесподрамниковые холстики. Работы его, не рассчитанные на зрителя и немудрящие по выбору мотива, являлись для него, видимо, своеобразным конденсатором педагогических идей. Сохранилось и множество портретных зарисовок С. П. Михайлова, в основном педагогов школы (особенно любил он рисовать В.В. Почиталова), а также натурные наброски с писателя Михаила Пришвина, живописца Александра Куприна, литератора Ираклия Андроникова. Но серьезной академической подготовки в рисунке Сергей Павлович не имел. Его студии обнаженной фигуры (чувствовал свои недостатки!) с позиций сугубо учебных —

слабенькие. “А мне нравится! — заявила в ответ на мою критику Ирина, главная хозяйка семейного архива, внучка Сергея Павловича, художница-авангардистка.— Кому этот академизм нужен!”. Милая, вроде бы, женщина — а туда же!..

52. Михайлова-Загуловская Рая. Род. 1924. Дочь С.П. Михайлова.

Завершила в Москве в 1940 году среднюю общеобразовательную школу. Училась в МСХШ с 1941 по 1945 год (только по специальным предметам). Окончила МГХИ им. Сурикова (1946 — 1952), живописец. Работала в

Московском комбинате живописного искусства. Автор колористически своеобразных, сочно написанных натюрмортов. В самом начале 2001 года, благодаря неумной энергии ее дочери Ирины, была организована камерная, составленная всего из 16 натюрмортных композиций, персональная выставка Р. Михайловой-Затуловской.

53. Натапова Роша. Род. 1925. Окончила МСХШ (1939 — 1944). После возвращения из Башкирии в Москву, не дожидаясь получения школьного аттестата, начала ходить по военкоматам, проситься на фронт. Везде получала вежливый отказ и ироничные улыбки — война-то с фашистской Германией близилась к финишу. Директор школы Н.А. Карренберг взялся содействовать благородному ее почитанию. Но и у него ничего не получилось. И все же, Роша добилась своего, ее приняли на курсы станковых пулеметчиков, затем зачислили в воинскую часть дорожно-эксплуатационного батальона. После окончания войны, уладив формальности с аттестатом, поступила в 1945 году на графический факультет МГХИ им. Сурикова, занималась у профессора М.С. Родионова, замечательного педагога и художника. Закончила институт в 1951 году. Участница почти всех выставок ветеранов Великой Отечественной войны.

54. Овчаров Андрей. 1927 — 1996. Учился с 1939 по 1943 год в МСХШ. Из-за сумбурного нрава и категорического нежелания осваивать общеобразовательные дисциплины, школу пришлось оставить. Был призван в армию. Принимал участие в Великой Отечественной войне, дошел до Берлина, оставил автограф на стене Рейхстага. Вернулся победителем — вся грудь в орденах.

В Воскресенском дружил с Володией Стожаровым. Вместе устраивали всевозможные, на грани с хулиганством, дерзостные выходки, порядком раздражавшие школьную администрацию. Мила Адамович в мае 1942 года рассказывала в письме из Воскресенского своей маме в Москву об этих ребятах: “Даже на специальные предметы перестали ходить, ловят чужих кур, стреляют из рогаток галок, ощипывают их, жарят и едят”. Андрей Овчаров любил по-мальчишески дразнить девочек. Клара Власова вспоминала: “По дороге в школу бежит вприпрыжку впереди Андрей. Зная, что я занимаюсь у Вас-Васа (Почиталова), чертит прутиком на снегу ругательное, по его разумению, слово: “Сложноцвет, сложноцвет”.

В юные годы увлеченно работал маслом

на маленьких картонках. — в красивой серебристой гамме, с основательным старанием и добротным рисунком.

Жил в Кирсановке Московской области. Экспонировал на выставках пейзажи, натюрморты, композиции на жанровые и исторические (“Емельян Пугачев”) темы.

Звали его в школьный период “Цимой”.

55. Орлов Виталий. 1925 — 1997. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 -1950), график. Работал в журнале “Юность”, книжных издательствах.

Выяснив телефон, я говорил с его сыном Володией, художником-прикладником. “Папы нет. Недавно умер. Что рассказать? Дружил он, давненько это было, с Олегом Шухвостовым, Игорем Знаменским, Михаилом Стасевичем. Собирались они у нас, вспоминали школу, Башкирию. Какие это замечательные, веселые, многознающие были люди! Я, тогда маленький, буквально любовался ими, с восторгом слушал их непредсказуемые высказывания по любым проблемам”.

56. Осмеркин Александр Александрович. 1892 — 1953. Учился в Киевском художественном училище (1911 — 1913) и студии Ильи Машкова в Москве (1913 — 1915), живописец. Член художественных объединений “Мир искусства”, “Общество московских художников”. Преподавал во Вхутемасе, Ленинградском институте имени И.Е. Репина и свыше десяти лет в Суриковском московском институте. Профессор.

Помню его на одном из наших институтских вечеров. Чуть грузный, с мягкими белыми руками, в светло-коричневом костюме, галстук “бабочкой”. Он сидел, устало опираясь на толстую, с набалдашником трость. Глаза его выражали беспредельную грусть. Это были финальные дни пребывания Александра Александровича в Суриковском институте, время несправедливых придинок к нему, как к педагогу и художнику. А он, проповедник сезанновской культуры цвета, столько сделал (сам и с помощью своих одаренных учеников) для обогащения московской школы живописи! Тем не менее, вытурили его из института, грубо и бесцеремонно. Вскоре он скончался.

В цепи других проявлений борьбы за ортодоксальность понимания реализма, эта расправа была одной из очередных ошибок тогдашней Академии художеств. Неисповедимы пути ее — от ангельски светлых до сатанинских!

57. Оссовский Петр. Род. 1925.

Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950). Живописец, народный художник, действительный член Академии художеств, лауреат Государственной (1985) премии, первый секретарь Союза художников Российской Федерации (1972 — 1976). Сразу после окончания вуза начал преподавать в МСХШ, но через год ему, как ученику “формалиста” С.В. Герасимова предложили подать заявление об уходе “по собственному желанию”.

же был усидчив в работе, имел характер уравновешенный, расположенный к дружескому участию, а ум — к неспешному размышлению о происходящем в жизни и искусстве. Работал всегда напористо, быстро, создавал (создает и поныне) картины целыми сериями. Начиная с 1970-х годов, каждые три года регулярно организывает смотр новых своих произведений. Причем, каждая персональная выставка для него — единое по смысловой наполненности полотно, где составляющие его

Лева Котляров. Рис. В. Иванова. Промасленный уголь. 1942 г.

Петя Оссовский не мог не стать художником. Уже первые, довоенные, написанные маслом на крохотных картонках эскизы исторической тематики, решенные в свето-воздушном колорите, свидетельствовали об одаренности автора. Он с детства обладал легкой в живописи и рисовании рукой. К тому

части (картины, рисунки, этюды) вроде мелких кусочков смальты в обширной мозаике. По числу персональных выставок и количеству изданных о нем книг, монографий, буклетов, статей, Петр, пожалуй, превзошел всех (даже Виктора Иванова) школьных своих товарищей. Меня с Петей связывала с начальных юношеских

лет теснейшая дружба. Бывал у него в гостях, когда он еще жил в бедном, барачного типа строении на окраине Москвы, в Лихоборах. Помню отца его, маму. Он тоже навещался ко мне. Вместе ходили купаться на водный стадион “Динамо” у Речного вокзала. Иногда компанию нам составлял ставший в недавнее время весьма знаменитым художник-диссидент (умерший за рубежом), маленько психически сдвинутый, Вася Ситников.

Получив признание как живописец, причисленный искусствоведами к героям так называемого “сурового стиля”, Петр Оссовский самоотверженно вел общественную и организационную работу, входил в число руководителей Союзов художников Москвы и России. Это не мешало ему заниматься (почти профессионально) спортом — велосипед, волейбол. К тому же, Петя отличный семьянин. Как-то он сказал: “Если бы позволили обстоятельства, я хотел бы иметь много детей, не меньше десяти”.

С легкостью бросал, затем снова начинал курить, соответственно поступал и с алкогольными напитками.

Физические качества неутомимого спортсмена и общественного деятеля с годами трансформировались. Петя с трудом стал передвигаться, начал прибегать к помощи костылей. Картины уже не мог писать ни стоя, ни сидя, как-то умудрялся работать полулежа. Но творческая энергия, стремление к общительности нисколько не уменьшились. И снова — выставки, буклеты, каталоги, интервью по телевидению.

Особо следует отметить преданную дружбу П. Оссовского с Г. Коржевым. Началась она с взаимных симпатий к футбольному клубу “Спартак” и продолжилась в институте, в персональной мастерской общего их наставника, остроумного человека и яркого живописца Сергея Васильевича Герасимова, прошла испытание временем. Не покачнулась ни от избыточной (пока были в силе) лести, ни от злобных наскоков в другие периоды (как руководитель, Петя вел себя не всегда безупречно).

Но разрази меня гром, я совершенно не помню Петра Оссовского в Башкирии. Работы его помню, а его нет. Обитали мы в разных общежитиях, занимались в разных группах. В дневниковых воскресенских моих записках отсутствуют упоминания о Пете. Но как же без него обойтись? А тут еще сам Петр в конце 2000 года, собрав оставшихся; изрядно постаревших одноклассников-воскресенцев, зачитал отрывки из своего дневника, который он тоже,

оказывается, вел в Башкирии. И, верный жизненной идее: предприимчивость прежде всего, взялся всерьез за его издание.

Таковыми вот причинами (во всей их совокупности) и объясняется появление здесь биографического эссе о выпускнике МСХШ, художнике Петре Оссовском.

57. Паустовский Вадим. 1925 — 2000. Окончил МСХШ (1939 — 1944). В юности имел характер эксцентричный. Про таких людей обычно говорят: “С ним не соскучишься!”. Был заводилой всевозможных школьных проделок. Однажды, во время урока, на верхушке шкафа в классе, среди глобусов разной величины, вдруг обнаружился мяукающий котенок, а рядом с ним блюдечко молока. Учительница географии, лишь котик стал прицеливаться, чтобы прыгнуть ей на кудрявую прическу, спокойноотреагировала: “Уберите немедленно. Блюдечко разобьется!”. В другой раз Вадик запер за стеклянную перегородку, где хранился пожарный кран, щенка. Когда недовольного заточением звонко лающего песика выпустили, весь класс с энтузиазмом ловил его под партами. Возжелав всерьез освоить пластическую анатомию, в частности, рисование головы, Вадик вывесил в центре Москвы на Кузнецком мосту объявление: “Куплю череп человека”. Первой откликнулась милиция.

К сожалению, я так и не смог выяснить, сколько времени и где именно он совершенствовал дальнейшее свое образование. В вузе художественном (с какого курса ушел?), архитектурном (окончил ли?), чем занимался после, иногда он мелькал в телевизионных

Мариша Кречетова. Рис. К. Карамяна.

передачах, посвященных его отцу, известному писателю-романтику Константину Паустовскому. Встречались в печати статьи Вадика о реконструкции памятников деревянного зодчества. Судя по телекадрам, он внешне, как, впрочем, и все мы, немножко изменился. Беззаветная любовь к принятию калорийной пищи не могла не отразиться на силуэтных очертаниях его фигуры.

Да и голова уже не венчалась колыхаемой туда-сюда лохматой шевелюрой. Но глаза выпученные, карие, озорные, губа нижняя оттопыренная — все те же. Так и хотелось крикнуть: “Привет, Вадик! Что новенького?”. О смерти его я узнал случайно — из газетной публикации, посвященной новому сборнику сочинений К.Г. Паустовского.

58. Пинкисевич Петр. Род. 1925. Учился в МСХШ (1940 — 1944) и Ленинградской средней художественной школе (1941 — 1943). Служил в Советской Армии, Студии военных художников им. М.Б. Грекова (1946 — 1956). График, народный художник. Сотрудничал с журналом “Огонек”.

Все, кому в доперестроечные годы приходилось листать популярный этот журнал, не мог не обратить внимание на виртуозные иллюстрации П. Пинкисевича. Не имея законченного профессионального образования, он своим искрометным творчеством еще раз утверждает неоспоримую истину: талант, при условии неустанного совершенствования, имеет решающее значение в судьбе художника.

59. Портнов Лева. 1925 — 1970. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и Всесоюзный государственный институт кинематографии (1940 — 1951). Художник театра и кино.

60. Почиталов Василий Васильевич. 1903 — 1973. Окончил в 1930 году Вхутеин (Высший художественно-технический институт) по классу станковой живописи. Преподавал (1936 — 1948) в МГХИ им. Сурикова, с 1948 года до выхода на пенсию — в Московском текстильном институте. Причина “перехода” все та же — очищение от “формалистов” Суриковского вуза. В МСХШ вел живопись и композицию (1939 — 1948). Доцент, заслуженный деятель искусств.

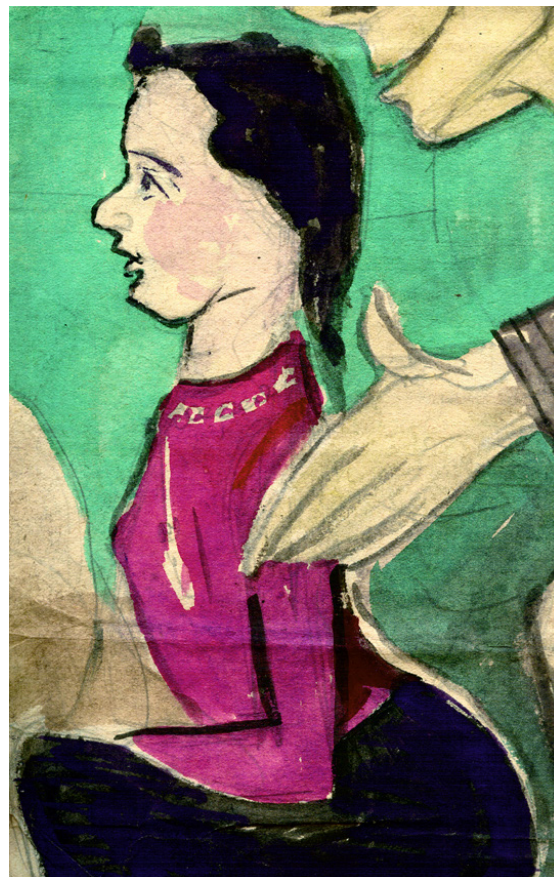
“Живопись должна быть красивой”, — любил говорить Василий Васильевич. Этому завету всю жизнь следовал сам и нас учил.

Рыжеволосый и веснушчатый, с дынеобразной по форме головой и широкой, всегда счастливой улыбкой, он обладал тонким

колористическим чувством и был активным поборником многоцветной, на французский манер, живописи. Любил тихонечко напевать оперные мелодии. Пользовался почтением и любовью в школе. Звали его “Вас-Вас иконостас”, иногда “Сложноцвет”. Если в начальный период деятельности Василий Васильевич был прежде всего педагогом-воспитателем, то в последующие годы много работал как живописец. С цветовой раскрепощенностью и эмоциональной свободой писал пейзажи, натюрморты, интерьеры. Одновременно заседал в многочисленных комиссиях, советах, выставочных комитетах. При этом оставался человеком чистого сердца, добрым, общительным, талантливым. Для всех нас, бывших воскресенцев, он был не только наставником, но и другом, с которым можно на любые темы посоветоваться.

61. Пурыгин Валентин. 1925 — 2002. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950). Живописец, заслуженный художник. Жил, в основном, в г. Самаре.

Кумиры первого школьного набора: Г. Бабицин, И. Годин, Л. Котляров, В. Иванов были, преимущественно, рисовальщиками. Конечно, занимались живописью. И очень

Таня Лившиц. “Будильник”, 1944 г.

недурно у них получалось. Но все же, сокровенные свои мысли выражали средствами графики. Валя Пурыгин совершенно иное явление в нашей Воскресенской жизни. Живописец “до мозга костей”, он обладал феноменальной неистовостью в работе, писал практически безостановочно, всегда, в любую, если речь идет о натуральных пейзажах, погоду, не жалея здоровья. И все, что бы ни делал, было для нас, его друзей, для всех, кто видел результаты его труда, потрясением. Такая мощная творческая мускулатура проглядывалась в каждом этюде, наброске, композиционном эскизе. Лишенный груза отвлеченных искусствоведческого толка мудрствований, Валя Пурыгин был “человеком от земли”. Не увлекался цветовой разрызанностью, писал корпусно, общо, без заимствований весьма модных в то далекое от наших дней время импрессионистических фокусов. Да и вообще, терпеть не мог французов. Годы пребывания в

Женя Лобанов. “Будильник”, 1944 г.

Воскресенском — высшая точка развития этого самобытного живописца. А дальше? Сник Валя. В институте не был замечен. Может, жесткая проза возникших новых обстоятельств и бытовых трудностей сказались? Снова вдалеке от родного дома, постоянное недоедание, ужасающая нищета, неприглядное убогое общежитие, отсутствие восторженных почитателей, жалкая стипендия (и то не всегда), на которую совершенно невозможно просуществовать. Вместо какого-никакого бесплатного, как в Воскресенском, питания, продуктовые карточки. Чтобы унять голод, Валя “реставрировал” декадные талоны, подчищал цифры. И получал хлеб не маленькими порциями, а сразу за несколько дней. Тут же все съедал. А потом? Выкручивался, как мог. Помню, в институте, на скучных лекциях, с завидным озорством он рисовал карандашиком странные композиции из жизни насекомых (уродливые гибриды, нечто среднее между вшами и амебами). Они развлекались, играли в футбол, мылись в бане, ездили в городском транспорте. Называл себя в тот период Валя:

Женя Лобанов. Рис. Л. Шитова. 1946 г.

“Граф Пурген” (к сведению непросвещенных, пурген — это слабительные пилюли). После окончания института (дипломная картина — пейзаж, мастерская профессора Е.Е. Ряжского) Валя вернулся на родину, в Самару. Работал без пауз. В Москве дважды проходили персональные его выставки. Особенно значительной по масштабности и художественному значению оказалась последняя, устроенная в 1980-х годах в Центральном доме художника. Валя экспонировал, помимо традиционных для него крупных пейзажей, большеразмерные холсты с

весьма необычной тематикой — фантастические существа (полулюди, полунелюди), участвующие в отвлеченных от реальности, но вполне вероятных событиях. Рядом с этими страшилками Иероним Босх — робкий мальчик из школьного изокружка.

Какой-то части интеллигенции произведения В. Пурыгина — “могучего (по выражению признанного знатока художественного творчества, доктора искусствоведения, профессора А. Морозова) волгожанина” — нравились. У остальных

детство, я думаю: все же, большое счастье, что в нашей среде был такой фундаментальный человек и художник (тогда лишь пробующий крепкость своих крыльев), как Валентин Пурыгин. Ну, не взлетел высоко. А может, это мы опустили низко?..

62. **Ратнер Слава.** 1926 — 2002. Окончил МСХШ (1939 — 1945) и, через шесть лет, театральнo-декорационное отделение Суриковского института. Живописец. Сразу после вуза оформительствовал на ВСХВ,

Р. Максютов. Воскресенское. 4 апреля 1943 г.; к., масло, 20,5x29.

вызывали недоумение. Правда, общий протестный настрой его картин был очевиден: отрицание расплодившейся повсюду демократической нечисти. Геля Коржев (а он уже тогда компоновал своих “Тюрликов”), посмотрев откровения В. Пурыгина, сказал: “Все мы сходим понемножку с ума”.

В семейной жизни Валя претерпел трагические события: погибли оба его сына. Старший упал с балкона, разбился. Младший утонул в реке на глазах отца, спасти не удалось.

Судьба Валентина Пурыгина еще один пример не до конца реализованного таланта. Крупного таланта. Оглядываясь сегодня на несколько десятилетий назад, в вундеркиндное

преподавал в Народном университете им. Н.К. Крупской. Участник многих выставок, в том числе, зарубежных.

Разные увлечения были свойственны нашим ребятам. Слава Ратнер, не в пример другим, в свободное время занимался (и вполне профессионально) боксом. Помню, во время институтской пленэрной практики в Крыму (селение Козы близ г. Судака) он искал себе партнеров по рингу. Я отозвался, чего ж не попробовать. Молотил, молотил воздух впустую. Слава ловко увертывался, приседая или уходя от ударов в сторону. Мне это наскучило, и я хлопнул Славу во затылок. Очнулся я на песочке, лежу, вверху небо голубое, облачка плывут, а

голова мутная и тяжелая. Больше к боксу я не обращался. В изобразительном искусстве Слава пошел своим путем, отличным от общепринятых норм. Попытка поступить в Союз художников оказалась неудачной. Его же школьно-институтские друзья, возглавлявшие тогда московскую организацию художников, синхронно заявили: “Это не живопись, а черт знает что”. И впрямь, писал Слава декоративно, плоско, с резко очерченными в палец толщиной контурами. Не чурался сюжетных построений: спорт, жизнь города. Одна из его картин полемически называлась “На зло Матиссу”.

Не пил, не курил, каждое утро делал сложную гимнастику, но все равно в последние года чаще стал хворать. А тут еще творчеством его заинтересовались западные коллекционеры. Раз пошло такое дело, Слава, не жалея сил и времени, начал проводить персональные выставки. На одной из них, в начале 2002 года, в залах частной галереи, мне довелось побывать. Поразило огромное количество нарядно разодетой публики, а также мастерски, на западный манер, сделанная экспозиция. Уходя поздравил Славу с несомненным успехом. Но шутя посоветовал: “В другой раз, когда будешь писать картины, снимай боксерские перчатки”. Утром позвонил, извинился. Но он и не думал обижаться...

На похороны Славы до обидного мало пришло школьных его друзей, хотя другой публики, представителей левых направлений, было предостаточно.

63. Самсонов Гена (А.Б. Самсонов). 1924 — 1987. Учился в МСХШ (1939 — 1943). Служил в Советской Армии, участник Великой Отечественной войны. В 1954 году окончил Московский архитектурный институт. С 1971 года директор Московского научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования. С 1981 года заместитель начальника Главного архитектурно-планировочного управления г. Москвы, заслуженный архитектор.

Сложный, сильный характер. И судьба не простая. Ведь из села Воскресенского Гена Самсонов в армию попал не по собственному почину. Он был (причина серьезная) отчислен из школы. Хотя превосходно рисовал и писал, успешно учился по всем предметам. Чтобы перечеркнуть неприятную память о прошлом, изменил имя, стал Андреем.

В Воскресенском его звали “Гена радата”. “Ра — да — та!” — так полудикарски Гена выражал восторг в связи с каким-либо удачным делом. К тому же, он был мастером на

все руки, подавляющее большинство имеющихся сегодня фотоснимков нашего башкирского бытия сделаны Геной В начале 1970-х годов мне довелось ехать с ним в поезде из Самары (г. Куйбышев) в Москву. Возвращались после торжественной процедуры открытия величественного монумента “Слава Трудю” (скульптор П.И. Бондаренко, архитектор А.Б. Самсонов). Ночь, темно. Хриплый голос Гены. Такое ощущение, будто мы не в купе мягкого вагона, а в родной каморке воскресенского общежития. Говорили до утра. Вспоминали события минувшие, педагогов, ребят, делились впечатлениями о сегодняшней обстановке. Условились — надо встречаться. Но суета каждодневности затянула, так и не пришлось...

64. Скородумова Тася. Род. 1928. Окончила МСХШ (1940 — 1946) и МГХИ им. Сурикова (1947 — 1953). Живописец и график, мастер акварели и линогравюры. Преподавала в МСХШ (1954 — 1964). Один из учеников ее рассказывал: “Мы все были влюблены в Таисию Николаевну, молоденькую нашу преподавательницу. Такая она была скромная, тихая, рассудительная. И художник

Леша Мерзляков. Рис. В. Иванова. замечательный”. Такой она и по сей день, несмотря на хвори, свойственные ее возрасту, остается.

65. Соколов — Скаля Павел

Петрович. 1889 — 1961. Живописец, график, театральный художник. Учился в студии Ильи Машкова в Москве (1914 — 1918). Окончил (1920—1922) Вхутемас (Высшие художественно-технические мастерские). Автор картин, иллюстраций, плакатов на темы историко-революционную, гражданской и Великой Отечественной войны. Входил в общество художников “Бытие”, Ассоциация художников революционной России, “Ассоциация художников России”. Председатель правления Московского союза художников (1953 — 1955). Участвовал в работе над панорамой “Штурм Перекопа” (1934 — 1938), руководил московской мастерской военно-политического плаката “Окна ТАСС” (1941 — 1945). Возглавлял бригаду художников по восстановлению панорамы Ф. Рубо “Оборона Севастополя” (1954). Преподавал на Центральных курсах АХР (1929 — 1930), Студии военных художников им. М.Б. Грекова (1933 — 1941) и художников-пограничников (1942 — 1947), Московском городском педагогическом институте им. В.П. Потемкина (1952 — 1953), МГХИ им. Сурикова (1953 — 1961). Лауреат Сталинской (1942) премии, народный художник, действительный член Академии художеств, профессор.

Задолго до появления постперестроечных так называемых “новых русских”, Павел Петрович щеголял в пиджаке ядовито-красного цвета.

66. Сорин Евгений Маркович. 1909 — 1942. Преподавал математику в МСХШ (1939 — 1941). Погиб на фронте в Великую Отечественную войну. Его вдова была вместе с нами в селе Воскресенском, работала при школе.

67. Сорокин Иван. Род. 1922. Учился в МСХШ (1939 — 1942). Служил в Советской Армии, Студии военных художников им. М.Б. Грекова (1944 — 1947). Окончил МГХИ им. Сурикова в 1951 году. Живописец, народный художник, действительный член Академии художеств (с 2001 года член президиума), лауреат Государственной премии. Мастер лирического пейзажа, поборник этюдно-эмоциональной манеры письма. В самые последние годы (рубеж XX — XXI века) произошла неожиданно актуализация этого скромного художника и человека. Обласканный академическими почестями, закупками, персональными выставками в престижнейших залах (Академия художеств, Третьяковская галерея), льстивостью искусствоведов, Ваня, претерпел метаморфозу. Начал полагать, будто хвалебные басни, звучавшие в его честь на

вернисажах, и впрямь соответствуют правде. Все бы ничего, да творчество еще недавно тонкого колориста Ивана Сорокина перестало быть привлекательным, лишилось вдруг искренности чувств и живописной слаженности.

68. Стасевич Миша. 1925 — 1997. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и Московский архитектурный институт (1945 — 1951), архитектор. Сын Н.В. Стасевич.

69. Стасевич Наталья Викторовна. 1896 — 1975. Преподавала с первых дней создания школы (1939 — 1971) русский язык и литературу, была заведующей учебной частью. Сколько на нее (в Воскресенском и после) карикатур рисовали, как неустанно передразнивали и шаржиrowали походку, манеру говорить, направляли по ее адресу порицательные выражения! Но все равно, уважали, боялись, любили. Мы понимали, Наталья Викторовна, при всей внешней строгости и сердитости, человек душевный, заинтересованный в том, чтобы из нас, нерадивых, выросли люди грамотные, добропорядочные, всесторонне культурные.

70. Стожаров Володя. 1926 — 1973. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951). Живописец, заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии им. И.Е. Репина, член-корреспондент Академии художеств. Так уж получилось, что многие наши школьники, ставшие впоследствии в искусстве заметными личностями: В. Гаврилов, П. Осовский, Б. Немечек, О. Буткевич, из более молодых П. Никонов — ничем примечательным в Воскресенском себя не доказали. Этого нельзя сказать о В. Стожарове. Он был колоритной фигурой. И уже тогда отличался если не

Наташа Малиновская. Эскиз. Б., акв., 8x10.

целеустремленностью творчества (писал и рисовал, как все), то характером непредсказуемо озорным, за которым, впрочем, угадывалась сущность его таланта. Может, в какой-то мере поэтому в Башкирии он получил (напомню, речь идет о начальном периоде войны с фашистской Германией) прозвище “СС”.

Однажды Володя и его друзья по общежитию (прозванные “гестаповцами”), увидели забредшую на их двор корову, решили воспользоваться благодатными обстоятельствами. Они не собирались, как рекомендуют педагоги, делать альбомные анималистического характера зарисовки, а применив немалые старания, втолкнули отчаянно сопротивляющееся и мычащее жвачное животное в тамбур. В комнату парнокопытное не втиснулось, застряло по диагонали в темном коридоре. Держа за хвост и рога, ребята попробовали подоить буренку, подставив ведро с заготовленной загодя

картошкой. Молочка захотелось! Корова оказалась нервно неуравновешенной. Сопrotивляясь насилию, взбрыкивала и с испуга распространяла возле себя изрядное количество пахнущих отнюдь не духами Шанель жидких лепешек. На шум прискакала еще более нервная Наталья Викторовна, завуч школы. Стуча в полной тьме по коровьим бокам своим педагогическим потрепаным портфельчиком, она взвизгивала: “Уходи немедленно, уходи немедленно!”. Ребята тут же, не забыв прихватить ведро с диетпитанием, разбежались. А корова, как ни странно, вялая конструктивному предложению Натальи Викторовны и с мирной безропотностью покинула общежитие. Дерзостный, не угомонившийся и потом нрав Володи Стожарова находил зримое применение в его темпераментней, тоже на грани с озорством, живописи. Он был одним из первых, кто в послевоенные годы открыл для нашего искусства (раньше Владимира Солоухина и Ильи

М. Миркин. Лошадка. 21,5x22.

Глазунова) тему Русского Севера. И проникновенно воспел в своих картинах обаяние деревянной, избяной, перевозданной северной стороны. Работал, в основном, на открытом воздухе, порой в трудных погодных условиях. Снег, слякоть, дождь, все нипочем. Писал напористо, с упоением и полной отдачей сил, от рассвета до темноты. Ежедневно! Посмотрите каталоги. За сутки (Володя всегда помечал дату исполнения работ) он успевал сотворить два-три великолепных пейзажа, перекочевавших сегодня в экспозиции многих музеев России. Прием создания быстрых, преимущественно односеансных, большого размера натуральных этюдов, мощных, крепких, красивых, В. Стожаров довел до совершенства. Здесь, в этой пленэрной, эмоционально наполненной живописи, вряд ли кто может соперничать с ним.

Возвращался Володя в Москву после длительных скитаний по нетореным тропам Карелии, Коми республики, Архангельской области. И снова принимался за чудачества. Связаны они были (в определенный период жизни) больше с застольями. Вовик любил, когда были деньги, гульнуть. Делал это с размахом. Хотя и обладал одним, сдерживающим подобные импульсивные порывы свойством — для него выпить и не повздорить с кем-нибудь, все равно, что выпить и не закусить. То он искусствоведа повсеместно признанного поколотит, то подерется с членом парткома Московского союза художников, то ресторанному музыканту силой коньяк из бутылки в трубу попытается перелить; на него жаловались, строчили клеветные письма в инстанции, ругали, прорабатывали. Все сходило с рук. Спасала Володю растущая популярность. Он уже из многообещающего молодого дарования превращался на глазах у всех в классика

советской реалистической живописи. Володя знал, что рано умрет, в том же, примерно, возрасте, что и отец его. Иногда говорил об этом. Помню, во время поездки с выставкомом в Ленинград, в самом конце 1960-х годов, случилось в поезде у В. Стожарова предчувствие недоброе. Кольнуло в сердце. И крепко. Может, симптомы решающей болезни определились. Володя в купе уткнулся в подушку, кулаками мотил постель и ожесточенно приговаривал: “Стожар, ты не вечен, не вечен!”. После того, как ему сделали сложнейшую операцию, я навесил (вместе со скульптором Сашей Щербаковым) его. Володя был неузнаваем — тихий, спокойный, немногословный, очень похудевший. Зная, что до смерти осталось два шага, он, как другие крупные мастера (например, А. Архипов, К. Сомов) приводил огромный свой художнический архив в порядок. Уничтожал слабые, по его мнению, работы, а хорошие, получившиеся (их было множество) наклеивал на прочный картон, одевал в рамки. Уходя из жизни, думал о завтрашнем дне, жене и сыновьях, престиже своего искрометного, полезного людям творчества. Ну, а в канун смерти (он еще не был в коме) Володя узнал, что его выбрали (и не без сильного нажима верных друзей) в членкоры Академии художеств. А ведь были (трудно даже поверить) противники этого.

71. Суханов Саша. 1924 — 1995. Окончил МСХШ (1939 — 1944), учился (1944 — 1950) в МГХИ им. Сурикова. От защиты дипломной картины был отстранен директором института Ф.А. Модоровым. Живописец. Участвовал в восстановлении панорамы Ф. Рубо “Оборона Севастополя”.

Еще одна славная легенда. Так уж — вон их сколько — случилось, не зря же весь первый наш набор школьный именуют

Р. Натапова. Военные зарисовки. (газета “Достоинство”, №10, 2001 г.)

“легендарным”.

Простой парень, здоровяк, широкоплечий, кряжистый, двухпудовиком по утрам баловался. Вздернутый нос, голубые, с пушистыми ресницами глаза. Как живописец был для нас, воскресенцев, кумиром, эталоном колористически благородного, с тонкой проработкой деталей, письма. Несмотря на контрастность характеров и творческих пристрастий, Саша был одним из вернейших друзей Виктора Иванова. Если интеллигентного Виктора можно считать законченным стойком, отринувшим всякие чувственные восприятия, то Саша, простоватый и ясный, являл внешним и внутренним своим складом полное уничтожение разумных начал. Душевная открытость, сердечность, отсутствие умственного занудства — вот что являлось главным для него. Естественно, основу творчества волевого В. Иванова составлял рисунок. У А. Суханова, личности куда более безалаберной, — живопись. Правда, не анархически свободная от всего и вся, а в рамках хорошей профессиональной выучки. В чем-чем, а здесь Саша был горазд. С годами видоизменялось его искусствоведение, столкнувшись с прозой жизни. Саша отказался от натурного бытоизобразительства, стал применять в работе сильно тянущий казеиново-меловой грунт и окунулся в стихию цветового декоративизма. Женившись на талантливой армянской художнице Лавинии Бажбеук-Меликян, он обогатил свою и без того красочно щедрую палитру психологическим толкованием цвета и своеобразным пониманием тона, свойственным традициям армянской живописной культуры.

Дочь Саши Мариам в детстве создавала восхитительно-радостные композиции. Бывая у Саши в гостях (Лавиния большую часть времени жила в Армении) я с удовольствием балагурил с Мариамчиком. А если приходилось уезжать из Москвы, писал иногда ей шуточные письма. Недавно нашел ее ответ. Не могу отказать в удовольствии воспроизвести его, сохранив неординарную орфографию. Уверен, последнюю фразу Мариам написала по ехидной подсказке Саши. “Дорогой Люциан !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Люциан приходи на мое рождение 5-го декабря. Уж очень хорошая открытка которую ты мне прислал. Люцык приезжай ко мне по играем в чевонибуты. Люциан но а ты хоть чего нибут рисуешь или бездельничаешь. Досвидания пока. Мариам”.

Повзрослев, Мариам тоже окончила Суриковский институт, стала живописцем, вышла замуж за художника из Греции, родила Саше двух внучек, живет на Кипре.

Персональная выставка А. Суханова состоялась сразу после его кончины, в 1995 году, в Москве, в выставочном зале на Кузнецком мосту, 20.

72. **Терещенко Николай.** Род. 1924. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950). Учился у А.А. Осмеркина и Г.К. Савицкого, диплом защищал в мастерской Ф.А. Модорова. Живописец и график, заслуженный художник.

Сразу после окончания вуза в составе бригады выпускников-суриковцев (тогда модно было создавать шедевры коллективно) работал для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки над грандиозным живописным панно. Тема — нерушимое единение и слитность советского народа и коммунистической партии. Размер — ой, ой! — несколько десятков фигур в полный рост, значительная часть которых портретные.

В. Орлов. Рис. Л. Шитова.

Бригада состояла сплошь из “воскресенцев”. Кроме Н. Терещенко — Г. Коржев, В. Иванов, Е. Лобанов, П. Оссовский, я грешный, и примкнувший к нам Б. Коржевский. В скобках замечу — серьезного вклада в это худмероприятие я не внес, больше балагурил и дурака валял.

Сперва руководить нами должен был В.П. Ефанов, народный художник, академик, наилучший в тот период специалист по “бригадному методу”. Но он выдвинул условием изменение состава бригады исполнителей. Посоветовавшись, мы воспротивились. Затем над нами поставили В.Н. Яковлева. Тоже

А.А. Осмеркин. Рис. Л. Шитова. 1946 г.

народный, тоже академик, хотя значков лауреата Сталинской премии и связей в высших сферах у него было поменьше, чем у Василия Прокофьевича. Ну, а рисовального мастерства, пожалуй, больше. Общение наше не долго продолжалось, Василий Николаевич неожиданно скончался в 1953 году. Обосновалась бригада в Лаврушинском переулке, напротив Третьяковской галереи, в здании школы; директор Н.А. Карренберг любезно предоставил на верхнем этаже просторную аудиторию с окнами, выходящими на расположенный совсем близко дом писателей. Они не привыкли отгораживаться от жизни шторами, и это, особенно в вечернее время, отвлекало нас от напряженной творческой работы... Каждый попробовал выразить идею панно в эскизах, но утвержден был высоким начальством именно тот, который сочинил Коля Терещенко. Купив на полученный аванс несколько коробок рисовального угля и оклеив самую большую стену рулонной бумагой, мы приступили к выполнению предварительного картона. К сожалению, скоро труды наши пришлось приостановить. Причина — смерть И.В. Сталина (центральная фигура композиции) и переориентация принципов оформления ВСХВ. “Выставка не художественная, а сельскохозяйственная, нечего тут Третьяковку разводить!” — заявил И.А. Бенедиктов, видный государственный и партийный деятель, курирующий данные вопросы. Начался новый этап жизни. Н. Терещенко попытал молодые

силы в графике. Заглянул как-то в издательство “Изогиз”. И на семнадцать лет застрял там, выпустив в свет много интересных, с живописной свободой решенных плакатов. Ими, кажется, была обклеена вся Москва. Опыт плакатиста помог ему по новому, более обобщенно справляться с задачами станкового искусства, к которому он снова вернулся. Работал в Московском живописном комбинате, участвовал картинками и портретами на выставках. В селе Воскресенском Коля жил в общежитии “Доротдел” вместе с Виктором Ивановым, Женей Лобановым, Сашей Сухановым. Прозвище имел (за невероятно вздернутый ноздрями к небу нос) “Кума”.

73. Ткачев Алеша. Родился в 1925 году в деревне Чугуновка на Брянщине в многодетной семье. Учился в МСХШ с первых ее дней, то есть, с 1939 года. Когда началась Великая Отечественная война, временно потерял связь со школой, работал недолго на военном заводе в Свердловске. По вызову педагога С.П. Михайлова прибыл в мае 1942 года для продолжения учебы в башкирское село

Воскресенское, куда школа была эвакуирована. Окончил (1945 — 1952) МГХИ им. Сурикова (мастерская Д.К. Мочальского), живописец. Совместно с братом Сергеем является автором масштабных произведений на историко-революционные сюжеты, картин быта современной деревни, портретов, пейзажей. Главные особенности творческого почерка: простота, естественность, верность натуре, приверженность к свободно-чувственной живописи, традициям Василия Сурикова и Аркадия Пластова. Сразу же после завершения вуза, картины А. Ткачева, созданные совместно с С. Ткачевым, экспонировались на крупнейших художественных смотрах, пользовались устойчивым успехом и были отмечены престижными наградами: серебряная медаль Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957), золотая медаль имени М.Б. Грекова (1981), серебряная (1961) и золотая (1985) медали Академии художеств. Лауреат государственных премий (1968, 1978), народный художник, действительный член Академии художеств. С 1973 года руководитель творческой мастерской Академии художеств. Воспитанники А. Ткачева, обладающие крепкой академической выучкой, занимают сегодня ведущие места в художественной жизни Российской Федерации.

На рубеже 1960 — 1970-х годов, когда братья Ткачевы были включены в состав Академии художеств, бытовало понятие об академиках, как о чудаковатых рассеянных старикашках с белыми бородками, в чесучовых пиджаках и неряшливо повязанном галстуке. Алеша Ткачев, как и брат его Сережа, решительно опрокинули этот кинематографический, далекий от правды стереотип. Галстуков они принципиально не носили (как и Аркадий Пластов, называли их “удавками”), предпочитая в большинстве ситуаций щеголять в обыкновенной рабочей одежде, а на этюдах — в телогрейках и кирзовых сапогах. Ничего рассчитанного на внешнюю фатоватость, только то, что удобно и нужно для занятий живописью. А работают они буквально с утра до ночи, ежедневно, всю жизнь. Приятели прозвали их за это творческое безостановочное стрекотание “кузнечиками”.

Предвижу придирки и недовольства в свой адрес, но рискну выдвинуть такую гипотезу. Ленечка Ткачев духовной и физической своей статью весьма схож с Александром Сергеевичем Пушкиным. Да, да! Их сопоставимость так же очевидна, как и двух отдаленных по времени лицеев: Царскосельского императорского и МСХШовского, имени Н.В. Томского. Подобно светочу русской культуры, Алеша Ткачев также

отмечен улыбчивым талантом, добрым нравом и житейской мудростью. Ну, а во внешних очертаниях — и бакенбарды дорисовывать не нужно, вылитый Александр Сергеевич. Низенького росточка, худощавый, подвижный, спортивно развитый, в молодые годы великолепный (разумеется, по нашим меркам) футбольный форвард и волейболист, легкий и обаятельный в общении, надежный товарищ, хороший семьянин. Хотя в отличие от великого поэта, убежденный однолюб.

К сожалению, сейчас, даже в сравнении с прошлыми нелегкими временами, обстановка в отечественной культуре кардинально изменилась. И не в лучшую сторону. Братья Ткачевы сегодня отодвинуты в тень и ждут (дождутся ли?), когда утихомирится художническая бесстыдная болтянка, чтобы явиться свету в полной своей незаурядной очевидности. Скоро ли грядет сия счастливая пора? Может, тогда и мои записки пригодятся?..

74. **Трофимов Саша.** 1927 — 2000. Окончил МСХШ (1939 — 1945) и МГХИ им. Сурикова (1945 — 1951), живописец, заслуженный деятель искусств, автор пейзажей, преимущественно городских. Член различных комиссий, связанных с охраной памятников истории и культуры. Преподавал (и занимал руководящие должности) в московских институтах: текстильном, архитектурном, художественном Суриковском, а также в Российской Академии художеств И.С. Глазунова

В. Паустовский. Рис. Л. Шитова.

(близкого друга Сашу, с которым он то сходил, то категорично разругивался). Как педагог, Александр Сергеевич придерживался строго ортодоксальной системы, продолжающей традиции русского академизма. Многие годы трудился (но так и не сумел издать) над составлением иллюстрированного сборника о первых годах МСХШ и являлся, по сути, ходячей энциклопедией по вопросам истории школы, судьбы ее учеников и педагогов.

Как-то после обсуждения планов перспективного показа на регулярных выставках работ школьных выпускников разных лет и складывающейся не лучшим образом судьбы МСХШ, я спросил Сашу: “А почему бы тебе не стать ее директором? Ты не старик, выглядишь импозантно, всегда при галстук и в синем костюме, все и всех, как говорится, знаешь насквозь. Думаю, ты мог бы поставить школу на добрый путь, придать ей творческий, а не деляческий характер. А мы, кто учился там, будем всюю помогать тебе”. “Что ты! — ответил рассудительный Саша.— Что я, как директор, буду иметь? Зарплата так себе, а хлопот выше головы, ладно бы лишь методического плана, а то ведь больше административно-организационного и хозяйственного, к тому же, каждодневная мелочевка, бесконечные педсоветы, проблемы дисциплины, взаимоотношений с Академией художеств, Суриковским вузом, министерствами культуры и просвещения. Все это входит в обязанности директора и требует, сам понимаешь, отдачи всего себя без остатка. А у меня семья, кормить-то ее надо. Как проректор в институте я имею право вести занятия по спецпредметам. Это оплачивается дополнительно. Ну, а там?” — “А там, Саша, будущий день российского искусства”. — “В институте тоже”. — “Но в школе ты был бы хозяином”. — “Ошибаешься, был бы очередным мальчиком на побегушках!..”

Отпевали Сашу в солнечный весенний день, в церкви святителя Николая на Большой Ордынке. Было много студенческой молодежи. Но художников, не связанных с ним педагогическими контактами, можно было по пальцам пересчитать.

75. Усачева Надя (Н.Д. Воробьева). Род. 1924. Окончила МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950) по мастерской Г.Г. Рязского), живописец. После вуза работала на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (панно для павильона “Таджикистан”) и в Московском живописном комбинате. Участница московских городских и зональных выставок.

76. Фомкин Саша. 1924 — 1999. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1960), живописец, народный художник, кандидат искусствоведения, профессор. Сразу после успешной защиты диплома (картина “В.В. Стасов в гостях у И.Е. Репина”) был зачислен в аспирантуру, по завершении которой преподавал в Суриковском институте непрерывно сорок семь лет, до самой своей кончины. Был прекрасным педагогом. Вел на живописном отделении первые два курса и давал студентам изначально верное направление, определявшее иногда всю дальнейшую творческую их судьбу. Его любили и почитали — за добрый нрав, юмор, высокий профессионализм, преданность традициям отечественного реализма. Педагогические нагрузки умудрялся сочетать с непрекращающейся работой в живописи, участием на крупных выставках.

В селе Воскресенском Саша входил в братство В. Иванова, А. Суханова, Е. Лобанова. За пулеметную быстроту разговора и невнятность произношения, имел не очень-то приятное, но дружески ласковое прозвище “Фома-балабон”.

В начале 1990-х годов, после собрания объединения художников “Москворечье”, где мы с Сашей присутствовали, он предложил: “Люциан, поехали ко мне в мастерскую. Ты не знаешь даже, как я сейчас работаю”. На улице зима, холод, время позднее. Я отнекивался: “Как-нибудь в другой раз”. — “Не будет другого раза, поедем!”. Отказался. О чем жалею. А “другого раза”, Саша прав, так и не получилось...

77. Хайкин Павел Самойлович. 1909 — 1977. Окончил в 1928 году Московский институт изобразительных искусств, живописец. С 1939 по 1941 год преподавал живопись в

МСХШ. Участник Великой Отечественной войны.

В начале 1950-х годов во Всекохудожнике на Кузнецком мосту Павел Самойлович показывал представителю, под председательством П.П. Соколова — Скаля, художественному совету свою небольшую пейзажную картинку. На предмет заключения договора. Кормиться-то надо!

Так себе пейзажик. Отклонили. Надолго запомнились печальные глаза Павла Самойловича. В них были скорбь и стыд. Будто говорил бывший наш учитель: “Вы уж, ребята, извините, что такую ерундовину сделал”. Что ж, редко встречается гармония преподаательства и творческой деятельности, как правило, педагог, чем активнее и дольше учит, тем чаще то, что

Всесоюзном институте кинематографии (1947 — 1956), заслуженный деятель искусств, член-корреспондент Академии художеств, профессор. Лысоватый и седоватый, быстрый в движениях, он казался нам, тогдашним школьникам, невероятно пожилым. Как художник, вызывал восхищение. В Третьяковке на первом этаже, в экспозиции советской живописи, демонстрировался в 1940-х годах великолепный его “Натюрморт с будильником”. Будильник был написан чрезвычайно лихо, несколькими ударами мастихина. Я внимательно изучал эти удалые живописные приемы.

Григорий Михайлович приезжал в Башкирию к своей дочке, писал пейзажные этюды. Мотивы-то родные, нашенские, хорошо знакомые. Писал мастерски, густыми мазками,

В. Пурегин. Воскресенское. Весна 1943 г.; б., кар., 19,5x25,5.

надо сказать в мастерской холсту, вынужден говорить ученикам. И ладно, если бы эти многострадальные, сокровенные мысли попадали на добрую почву.

78. Шегаль Григорий Михайлович. 1881 — 1956. Окончил Вхутемас в 1925 году, живописец. Преподавал в Московском институте изобразительных искусств (1937 — 1941),

красиво по краскам. У меня сохранился присланный им в село Воскресенское маленький пригласительный билет на открытие “Отчетной выставки молодых дарований Московской средней художественной школы 17 января 1943 года в 14 часов в зале товарищества “Всекохудожник” на Кузнецком мосту, 11”. В скобках замечу, что первая наша школьная выставка в этом же зале, состоявшаяся в мас-

В. Пурьгин. Рис. К. Карамяна.

июне 1941 года, именовалась иначе: “Юных дарований”. Повзрослели!.. На обороте пригласительного билета рукой Григория Михайловича произведена приписка: “Будихину, Голубенкову, Пурьгину, Шитову и другим. Где же ваши новые, классные работы, ребята? Или плохи? А я так ждал новых работ, дальнейшего роста! Г.Шегаль. 15.1.43.”.

79. **Шегаль Ляля.** 1924 — 1983 (?) Училась в МСХШ (1940 — 1943) и МГХИ им. Сурикова (1943 — 1949), живописец, дочь Г.М. Шегалья. Выступала на выставках преимущественно как портретист. Помню ее ростовой портрет солиста Большого театра танцовщика Юрия Жданова, партнера Галины Улановой, экспонировавшийся на Третьей молодежной московской выставке 1957 года. Остались письма Ляли, которые она писала из села Воскресенского отцу. В них обстоятельный рассказ о нашем житье-бытье в тот период. Машинописную копию писем я передал лицейскому музею.

80. **Шиллинг Евгений Михайлович.** 1882 — 1953. Этнограф, поэт, переводчик, ученый. Преподавал в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова и Институте этнографии им. Н.И. Миклухо-Маклая. Вместе с семьей жил в 1941 — 1943 годах в селе Воскресенском. Читал внеклассные увлекательно-познавательные лекции по литературе, философии, истории, затрагивающие проблемы возвышенной любви, рыцарственности, товарищества и патриотизма:

“Илиада”, Ирландские саги, поэзия скальдов, “Эдда”, “Песнь о Роланде”, “Витязь в тигровой шкуре” Шота Руставели.

81. **Шиллинг Катя** (Е.Е. Григорьева). Род. 1926. Окончила МСХШ (1940 — 1946) и МГХИ им. Сурикова (1946 — 1953), живописец. Участница многих московских и зарубежных разного уровня выставок. Ее работы находятся в собраниях Третьяковской галереи и Русского музея.

Когда я выяснял подробности творческой биографии Кати Шиллинг, она сказала: “Только, пожалуйста, не надо упоминать, что я защищала диплом в мастерской Ф.А. Модорова”. Сперва согласился. А потом подумал: почему нельзя? Ведь общение с Федором Александровичем привило Кате на всю жизнь устойчивое неприятие всего, что он проповедовал как художник, утверждал как педагог и директор. Не потому ли Катя считается одной из уважаемых представительниц направления в искусстве, которое к авангарду куда ближе, чем к реализму.

82. **Шитов Люциан.** Род. 1925. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), живописец. Преподавал в МОХУ памяти 1905 года (1950 — 1966) и МСХШ (1965 — 1967). Испытывал чиновничью судьбу в Министерстве культуры Российской Федерации (1966 — 1977). В конце 1977 года был назначен главным редактором журнала “Юный художник”. Выйдя на пенсию (1990), не прерывал с журналом сотрудничества, опубликовал множество статей. Одновременно вновь всерьез занялся живописью. Автор миниатюрных картин жанрового характера, пейзажей с архитектурой и людьми, портретов. Заслуженный художник, Золотая медаль Академии художеств (1983).

83. **Шор Агда.** Род. 1924. Училась в МСХШ (1939 — 1942). Около двух лет провела в селе Воскресенском, из которого в конце 1942 года вместе с отцом переехала в г. Чистополь. По возвращении в Москву работала в системе Художественного фонда, принимала участие в оформлении Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, иллюстрировала книги, занималась графическим дизайном. Ранние ее, еще довоенного времени рисунки экспонировались на международных и всесоюзных выставках детского творчества.

84. **Шор Александр Германович.** 1876 — 1942. Музыкант. Окончил Московскую консерваторию по классу фортепьяно (1904).

Тогда же основал в Москве в помещении на Мясницкой улице, дом 29 собственную консерваторию. Преобразованная вскоре в Университет искусств, она просуществовала до 1926 года. Кроме музыки, там проводились занятия по хореографии, драме, живописи, скульптуре, киноискусству. В числе преподавателей были такие мастера, как Илья Машков, Анна Голубкина.

В Башкирии Александр Германович читал нам цикл лекций “Мысли об искусстве и воспитании”. Они состояли из триад: “Бах — Рафаэль — Данте”, “Бетховен — Леонардо — Гете”. Выступал также с воспоминаниями о крупных деятелях искусства, которых знал лично: С. Есенин, К. Коровин, Ф. Шаляпин, М. Горький, В. Маяковский.

85. Шорчев Акиндин Петрович. 1897 — 1991. Живописец, заслуженный деятель искусств. Родился в Нижнем Новгороде, сын иконописца. В юные годы помогал отцу в его трудах. Окончил в Москве Вхутемас, учился у

Сергей Тутунов, Николай Третьяков,
Слава Ратнер. 1944 г.

А.В. Куприна. По религиозным мотивам был репрессирован. Преподавал в Самарском художественном училище и с 1939 года по 1956 в МСХШ.

86. Шухвостов Олег. 1925 — 1979. Окончил МСХШ (1939 — 1944) и МГХИ им. Сурикова (1944 — 1950), график. Работал в книжных издательствах. Преподавал в МСХШ (1973 — 1979).

Помню его аккуратистом и педантом. К тому же отменным рисовальщиком. Увлекался

Гена Самсонов. Рис. Л. Шитова.

он всем, что связано с Германией. Изучал основательно немецкий язык, читал немецких классиков. Такие предпочтения Олега Шухвостова казались причудливыми. В нашем (школьников 1930 — 1940-х годов) представлении немцы связывались не с Дюрером и Гольбейном, а сперва с Лемом из “Дворянского гнезда” И.С. Тургенева и Штольцем из “Обломова” И.А. Гончарова. Затем, как началась война — с Гитлером и Геббельсом, которых мы воспринимали по газетным карикатурам. О каких тут симпатиях может идти речь! Но Олег на скучных уроках общеобразовательных предметов упорно упражнялся в рисовании, причем, непринужденно, ради собственного удовольствия, немецких солдат в форме разных времен, не только вермахта. Знал он все эти неведомые нам премудрости дотошно. Я позвонил Геле Коржеву, посоветоваться: “Совсем не знаю, что писать об Олеге. А то, что знаю, недостаточно для объективного портрета. Кого ни спрошу, говорят: “Хороший был парень”. И все!”. “Олег Шухвостов,— ответил Геля,— наверное, единственный в нашей школе, у кого всегда были до блеска начищены ботинки. Больше ни у кого! И еще. Когда он преподавал, ученики его очень любили. А зря они этого не делают. Вот об этом и напиши”. Вот, и написал...

87. Щипачев Ливий. 1926 — 2000. Окончил МСХШ (1940-1946) и МГХИ им. Сурикова (1946 — 1952), живописец. Сын поэта Степана Щипачева, сегодня позабытого, когда-то популярного. До сих пор помню: “Любовью

Т. Скородумова. Акварельные наброски 1942 г. 27x20.

дорожить умеете, с годами дорожить вдвойне, они не вздохи на скамейке и не прогулки при луне”.

В школьные годы Лива Щипачев дебютировал как актер, в кино исполнил главную роль в фильме “Тимур и его команда” (1940). Мы дивились, когда на наших глазах Ливий из блондина (таковым режиссер представлял гайдаровского героя) постепенно превращался в обыкновеннейшего шатена.

Летом 1944 года, когда Советская армия освободила Крым от немецко-фашистских и румынских войск, а украинцы вместо срочно выселенных татар еще не нагрянули, небольшая группа старшеклассников МСХШ (я туда входил) была командирована (позднее выяснилось, аж на несколько месяцев) для познания жизни и делания зарисовок в Симферополь, Ялту и Севастополь. Нашей компанией верховодила мама Ливия, Зинаида Яковлевна, женщина решительная, но немножко взбалмошная. По ее просьбе мы звали ее “Зюмой”. Как мы там, во время длительного странствия, жили, работали, питались (по

продуктовым карточкам вместо хлеба давали, и то раз в неделю, кукурузные зерна. Кормились, в основном, залезая в брошенные, неохраняемые сады, инжиром и виноградом) — целую книгу сочинить можно. Жаль, записок я тогда не вел, все рисовал и рисовал, зарисовки эти (более шестидесяти) я показал при поступлении в Суриковский институт, там их забрали в методфонд. И все они пропали. После окончания вуза Л. Щипачев выступал на выставках как автор жанровых композиций на распространенную в те годы производственную тематику. Но полотна Ливия, а они репродуцировались массовой печатью, заметно выделялись сюжетным лиризмом и колористической деликатностью.

Начав переработку “Вундеркиндов”, я все откладывал телефонный звонок Ливию. Думал, успею, фамилия-то его в самом конце алфавитного списка действующих в книге лиц, чего торопиться. Не успел. Лива Щипачев умер. Оставив родных и всех, кто знал его, в скорбной

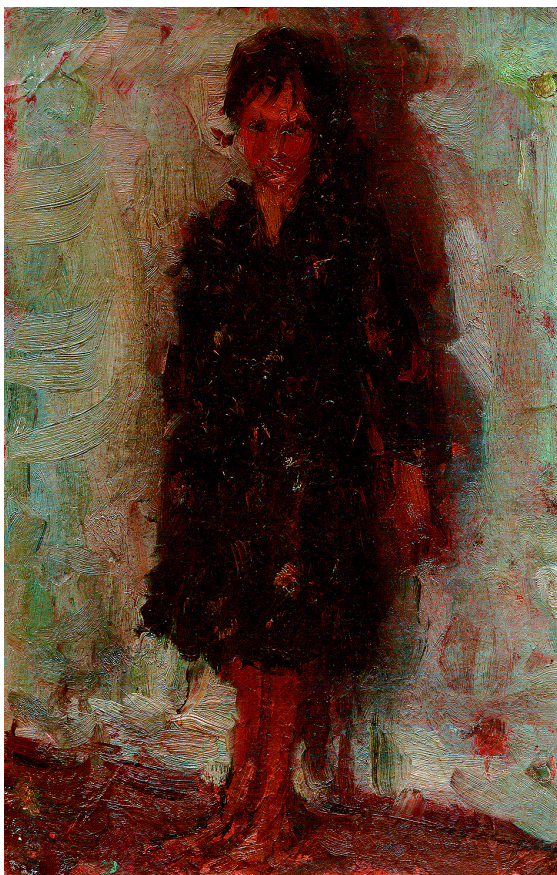
горести. И в сожалениях, что редко и так микроскопически мало в послешкольные годы нам доводилось встречаться.

88. Яковлев Василий Николаевич.

1899 — 1953. Живописец. Окончил в 1917 году Московское училище живописи, ваяния и зодчества, занимался у таких мастеров, как А. Архипов, К. Коровин, С. Малютин. Член Ассоциации художников России. Автор картин, портретов и натюрмортов, великолепных по рисунку, знанию анатомии, технологии живописных материалов, почти иллюзорных по передаче предметного мира. Преподавал во Вхутемасе (1918 — 1922), Всероссийской Академии художеств в Ленинграде (1933 — 1937), Московском архитектурном институте (1934 — 1936), МГХИ им. Сурикова (1948 — 1951). Художник-реставратор Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (1926 — 1932). Главный художник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1930 — 1940-ые годы), действительный член Академии художеств, народный художник, лауреат Сталинских (1943, 1949) премий, доктор искусствоведения.

Луги детства

Приход В.Н. Яковлева в Суриковский институт был обусловлен реформой художественного образования и проводимой в то время широкомасштабной кампанией по искоренению “формалистической заразы”. Но облик Василия Николаевича никак не вязался с представлением о занудном консерваторе,

И. Сорокин. Этюд. 1941 г. К., масло,

Миша Стасевич. Рис. Л. Шитова.

непримиримом борце за соцреализм и национальную самодостаточность русского искусства. В его мастерскую попали ребята, которые, в большинстве своем, ранее занимались у А.А. Осмеркина. Новый профессор и не думал

Н.В. Стасевич. Рис. Л. Шитова.

угнетать их, заставлять писать академично, с передвижнической (свойственной самому Василию Николаевичу) дотошностью. Наоборот, всячески поощрял те цветные откровения, которые были внедрены явным западником А.А. Осмеркиным. На занятиях Василий Николаевич непринужденно цитировал по латыни античных классиков, рассказывал о таинствах живописной кухни мастеров Возрождения, беседовал на разнообразных, высокого интеллектуального наполнения темы. Во внешних его чертах отсутствовала всякая богемность. Обычный, чуть курносый человек, невысокий, с чаплиновскими короткими усиками, деликатными манерами и печальными глазами. Меня поразило, что воротник и плечи его пиджака были густо осыпаны перхотью. Когда же Василий Николаевич поправлял студенческие работы, сбегались любопытные из всех аудиторий. Любой растрепанной кистью, на неряшливой, не чищенной, с бессистемно расположенными красками палитре, он творил чудеса. Уверенными мазками, чуть приглаженно, лепил на холсте формочку за формочкой, нанизывал одну мышцу фигуры обнаженного натурщика к другим. Да так ловко, с такой безукоризненной тщательностью и анатомической основательностью строил

объемы, будто это был оживший во всем своем великолепии и величии Петер-Пауль Рубенс. Ребята смотрели и ахали от восторга.

Преподавать Василию Николаевичу пришлось недолго. Но его наилучшие воспитанники на двухметровых холстах, пользуясь французистой гаммой Осмеркина и академичной рисовальной сноровкой виртуозного своего профессора, создавали эталонные по качеству учебные постановки,

Проверить и поправить их трудно, все чаще (что поделаешь, возраст!) бывшие вундеркинды уходят в мир иной. Чтобы избежать череды корректировок, пришлось ограничиться временными (2002 год) рамками. Возникает к тому же вопрос: а кому нужны эти писания? Зачем ворошить этакую старину? Разве

Фото Л. Котлярова.

равных которым сегодня нет. Да и вряд ли будут, ибо высота художественной культуры и профессиональное ремесло постепенно утрачиваются. Может, происходит это отчасти и потому, что отсутствуют нынче мастера и педагоги, сопоставимые по классу с В.Н. Яковлевым.

Вместо прощания.

И последнее. Сколько же хлопот и сил ушло на этот поминальный список! Куда больше, чем предполагал. Хотя и здесь не исключены отдельные в биографических данных неточности.

могут кого-то всерьез заинтересовать вычеркнутые из нынешнего обихода мастера, о коих в основном-то и идет разговор. Но ведь это, хотите верьте, хотите нет, достоверные странички нашей (не такой уж бессмысленной) жизни и культуры. Все это было. Было и прошло.

Начал я эти заметки более шестидесяти лет назад, на пересечении детства и юности. Завершаю их на исходе старости.

Январь 2003 года.
г. Москва.

Саша Суханов. Рис. В. Иванова. На обороте - "Садко"; стр. 79

А. Суханов. Больница в с.
Воскресенское. 1941-43 г.

Коля Терещенко. "Будильник", 1944 г.

А. Трофимов. Мостик, с. Воскресенское. 1942 г.
Тушь, перо, 10,5x14.

Саша Фомкин. "Будильник", 1944 г.

Е. М. Шиллинг. Рис. Л. Шитова.

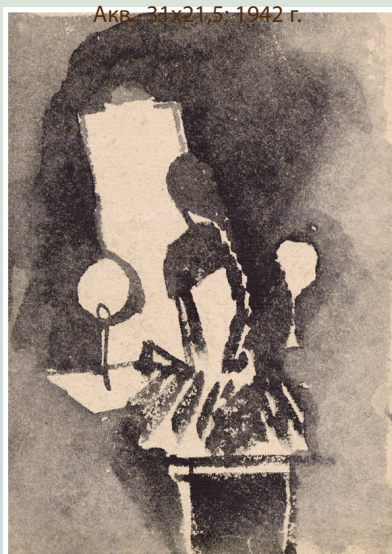
Женя Батырь. Люциан Шитов в день рождения, 11 апреля 1942 г. Б., кар., 12x8.

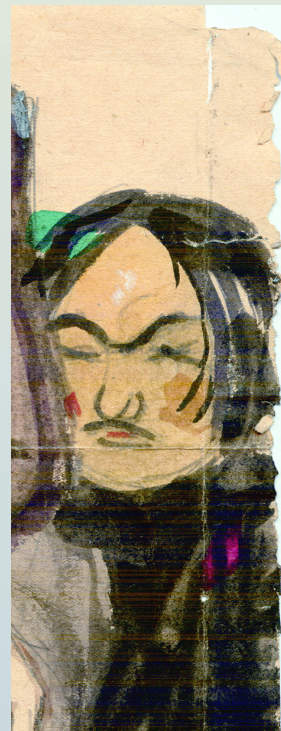
Костя Карамян.
"Мы поклялись, потом,
увы, потом забыли
клятвы наши..." (Изя
Каплан и Вера Дрезнина).
Акв., 31x21,5; 1942 г.

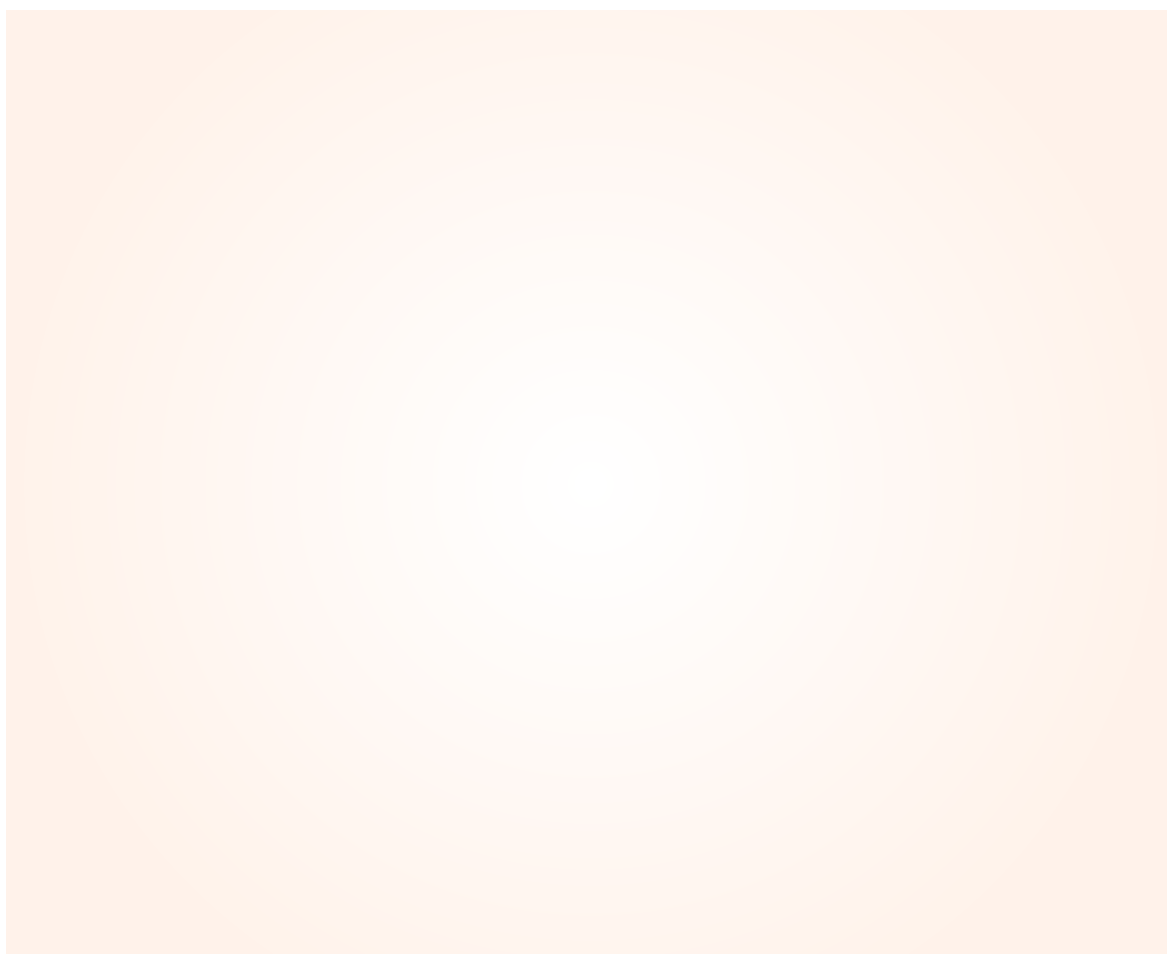
Миша Голубенков.
"Будильник", 1944 г.

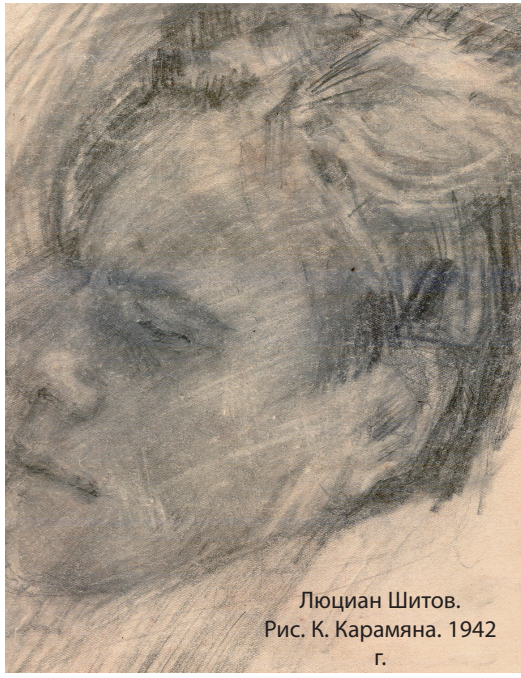
Женя Берзнеговская. Гадание.
Б., черн. акв., 22x16. Москва. 1944 г.

Витя Иванов.
"Будильник", 1944 г.

Люди детства

Люциан Шитов.
Рис. К. Карамяна. 1942
г.

Костя Карамян.
16x9.

К. Карамян. Днем в
столовой.
(Люциан Шитов и Костя
Карамян).

- Ты почему не в школе?
Я как член учкома
выношу тебе

Содержание

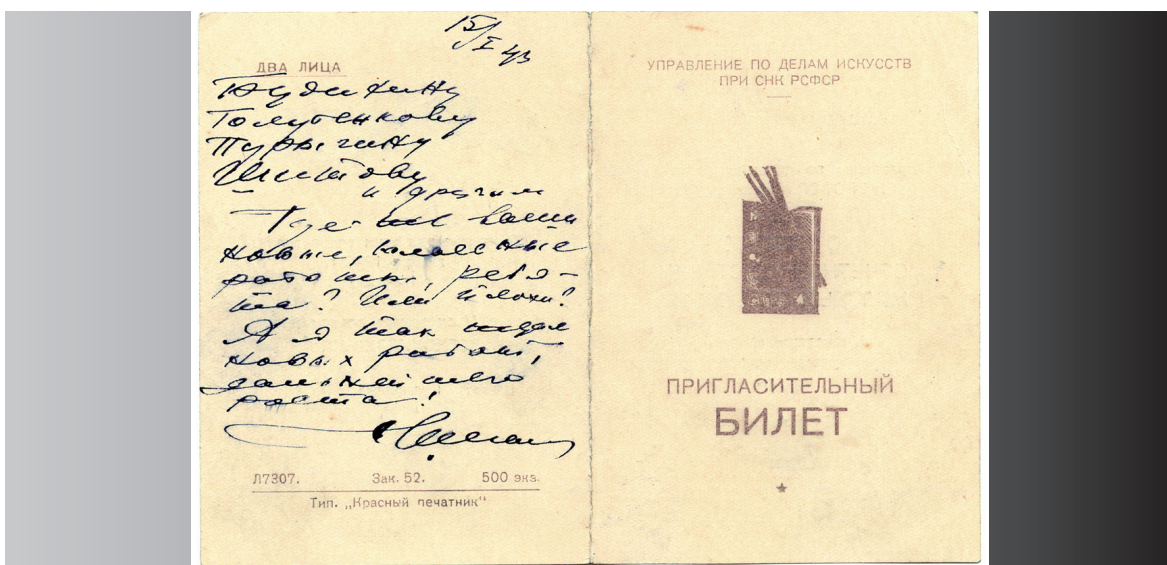

Лучи детства

Л. А. Шитов.
ЛУЧИ ДЕТСТВА.
Книга о школе.

Предисловие	2
1. Самое начало.....	3
2. В канун войны.....	27
3. Вставай, страна огромная.....	34
4. Письма к другу. 1943 - 1942 г.....	36
5. Литературные опусы (с. Воскресенское).....	54
6. Из записных книжек.....	56
7. Еще один опус.....	92
О тех, кто упоминается (и не упоминается) в этой книге.....	100
Вместо прощания.....	151
Содержание.....	153

В номере воспроизведены работы учеников МСХШ и фотографии из собрания

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Азарова М.В., Гантимунова

Г.А.,

Иванов В.А. (гл. редактор),

Бегемот (Л.С. Котляров), Крокодил (Л.А. Шитов), Слон (Г.М. Коржев). Рис. Л.

Катя

